Обзоръ языка папы Григорія I

(по его письмамъ [1]).

ВЪ письмѣ къ епископу Леандру, которое служитъ предисловіемъ къ толкованію папы Григорія I на книгу Іова, выраженъ слѣдующій взглядъ автора на украшенія и грамматическую правильность латинской рѣчи: «...Quaeso autem, ut huius operis dicta percurrens in his verborum folia non requiras, quia per sacra eloquia ab eorum tractatoribus infructuosae loquacitatis levitas (въ ed. pr. lenitas) studiose

---

[1]) Изъ общей литературы о папѣ Григоріи:

Главнѣйшія изданія: бенедиктинцевъ e congreg. s. Mauri, cur. Sammarthanus et Bessin, Par. 1705, перепечат. Gallicioli, Ven. 1768--76, и Migne, t. 75—79. Новое изданіе писемъ Григорія представили Ewald и Hartmann въ Monumenta Germ. hist., Epistolarum tom. I—II: Gregorii I Registri tom. I, pars 1—2, tom. II, p. 1—2, Berolini 1887—1899. Въ tom. II, Praef., De Epistularum Gregorianarum collectionibus et codicibus, pag. XVI—XVII, даны свѣдѣнія о codex Petersburgensis писемъ папы и фототипическій снимокъ съ одного листа рукописи; cf. II, 470. 22. Авторъ настоящаго очерка могъ въ теченіи достаточнаго времени располагать только тремя частями писемъ Григорія въ этомъ изданіи; съ „Index rerum, verborum, grammaticae", приложеннымъ къ II тому. пришлось нѣсколько познакомиться лишь предъ чтеніемъ корректуры. Отдѣльныя мѣста изъ писемъ приводятся по возможности въ хронологическомъ порядкѣ расположенія писемъ въ Monumenta, не лишонномъ значенія и съ языковой стороны, и иногда въ контекстѣ, чтобы яснѣе представить общій строй рѣчи папы, а также попутно познакомить съ его церковными взглядами. Ссылки на письма дѣлаются по изданію въ Monumenta, при чемъ римская цифра означаетъ томъ, арабская—страницу, слѣдующая арабская (маленькая)—строку.

Leblanc, Abbe, Utrum b. Gregorius Magnus litteras humaniores et ingenuas artes odio persecutus sit. 1852.

Wisbaum, Die wichtigsten Richtungen und Ziele der Thätigkeit des Papstes Gregors des Grossen. Diss. 1884. Названный авторъ, по его сло-

compescitur, dum in templo Dei nemus plantari prohibetur. Et cuncti procul dubio scimus, quia, quotiens in foliis malae laetae

---

вамъ (s. 1), при истолкованіи писемъ папы постоянно имѣетъ въ виду ихъ языкъ.

Wolfsgruber, Die Vorpäpstliche Lebensperiode Gregors des Grossen. Pr. 1886.

Pfeilschifter, Die authentische Ausgabe der 40 Evangelienhomilien Gregors des Grossen, въ Veröffentlichungen aus dem Kirchenhistorischen Seminar München, hrsg. von Knöpfler, 4 Heft, München 1900.

Blume, Gregor der Grosse als Hymnendichter. Сравн. Revue Bénédictine 1908, p. 114.

G. M. Dreves, Haben wir Gregor d. Gr. als Hymnendichter anzusehen. въ Theologische Quartalschrift, 1909, Heft III, s. 436 ff. Сравн. 1907, H. 3, S. 548 ff., и Stimmen aus Maria Laach, LXIV, 3, 296.

Tixeront, La doctrine pénitentielle de saint Grégoire le Grand, въ Bulletin d'anc. litt. et d'arch. chr., 1912, 4, 241—58.

Howorth, S. Gregory the Great, Lond. 1912.

Stuhlfath, Gregor I der Grosse. Sein Leben bis zu seiner Wahl zum Papste, nebst e. Untersuchung der ältesten Viten, въ Heidelberger Abhandlungen zur mittleren und neueren Geschichte, Heft 39, 1913. Отзывъ Jülicher въ Th. Lzeitung 1914, 10, 302—3.

Свѣдѣнія у Manitius (въ Iw. Müllers Handbuch), Hörle, 1914, passim, Baumgartner, 231 ff., въ нов. изд. Teuffel'я и проч.

На языкѣ Григорія останавливались:

Hartmann, Ueber die Orthographie Papst Gregor I, въ Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde, 15 (1890), 527—549

Tripepi, Ragioni e fatti ad apologia di alcuni papi, 1894, гдѣ, между прочимъ, есть отдѣлъ: La letteratura classica e s. Gregorio I и подобн.

A. Sepulcri, Le alterazione fonetiche e morfologiche nel latino di Gregorio Magno e del suo tempo, въ Studi Medievali, I, 1904/1905, p. 171. Рецензія Burger въ Archiv für lat. Lexikogr. u. Gr., XIV, 2, 295—7.

Sepulcri, Gregorio Magno e la scienza profana. Estr. d. Atti d. R. Accad. d. sc. di Torino, 1904. Rec. Bassi въ Bollettino di filol. class., XI, 6, 140—1.

V. Diglio, La bassa latinità e s. Gregorio Magno, Benevento, 1912.

О прочей новой литературѣ см. Klussmann Bibl. scr. class., при Jahresbericht über die Fortschr. d. kl. A., hrsg. von Kroll, 156 Band (Suppl.), 1912, гдѣ въ числѣ другихъ, указаны изслѣдованія: Philipsen, Ueber Wesen und Gebrauch des bestimmten Artikels in der Prosa König Alfreds auf Grund des Orosius und der Cura Pastoralis, Diss. 1887, и Wülfing, Darstellung der Syntax in Alfred's Uebersetzung von Gregor's des Grossen „Cura Pastoralis", Diss. 1888. О рукописи одного изъ сочиненій Григорія, подлинность которыхъ подвергается сомнѣнію, сравн. указаніе въ B. ph. W. 1911, 5, 141, на Eichler, Aus einer österr. Bibliothek, 1909.

Въ предлагаемой статьѣ разсмотрѣны со стороны языка исключительно письма папы Григорія потому, что авторъ могъ имѣть въ своемъ распоряженіи критическое изданіе только писемъ.

segetis culmi proficiunt, minori plenitudine spicarum grana turgescunt. Unde et ipsam loquendi artem, quam magisteria disciplinae exterioris insinuant, servare despexi. Nam sicut huius quoque epistolae tenor enuntiat, non metacismi[1]) collisionem fugio, non barbarismi confusionem devito, situs[2]) modosque[3]) et praepositionum casus servare contemno, quia indignum vehementer existimo, ut verba caelestis oraculi restringam sub regulis Donati[4]). Neque enim haec ab ullis interpretibus in scripturae sacrae auctoritate servata sunt. Ex qua nimirum quia nostra expositio oritur, dignum profecto est, ut quasi edita suboles speciem suae matris imitetur»[5]). Въ параллель съ этими сужденіями, выраженными въ 595 году, можно отчасти поставить мысли, изложенныя Григоріемъ въ 601 году, въ письмѣ къ Дезидерію, епископу вьеннскому, въ Галліи[6]), особенно же взглядъ его въ l. v., c. 3, 30 comm. in l. I Regum: «ad hoc quidem tantum liberales artes discendae sunt, ut per instructio-

---

[1]) Id est (какъ говоритъ издатель Hartmann въ примѣчаніи) **myotacismi**, ut videtur. Alii interpretes coniciunt: **iotacismi**; alii: **metacismi** (a μετάχειμαι)=transpositionis. Сравн. „Хр. Чт." 1915, мартъ, 298.

[2]) **Hiatus**, quidam interpretes coniciunt.

[3]) **motusque**—въ нѣкоторыхъ кодексахъ.

[4]) Объ этомъ мѣстѣ см. **Hartmann** въ Neues Archiv, XV, s. 529 ff. и 543 f.

[5]) **Greg.** I Epist. V, 53, Registr. tom. I, pag. 357—8.

[6]) Greg. Epist. XI, 34, Registr. tom. II, pag. 303: „Cum multa nobis bona de vestris fuissent studiis nuntiata, ita cordi nostro est nata laetitia, ut negare ea quae sibi fraternitas vestra concedenda poposcerat minime pateremur. Sed post hoc pervenit ad nos, quod sine verecundia memorare non possumus, fraternitatem tuam grammaticam quibusdam exponere. Quam rem ita moleste suscepimus ac sumus vehementius aspernati, ut ea quae prius dicta fuerant in gemitu et tristitia verteremus, quia in uno se ore cum Iovis laudibus Christi laudes non capiunt. Et quam grave nefandumque sit episcopo canere, quod nec laico religioso conveniat, ipse considera. Et quamvis dilectissimus filius noster Candidus presbyter postmodum veniens hac de re suptiliter requisitus negaverit atque vos conatus fuerit excusare, de nostris tamen adhuc animis non recessit, quia quanto execrabile est hoc de sacerdote enarrari, tanto, utrum ita necne sit, districta et veraci oportet satisfactione cognosci. Unde si post hoc evidenter haec quae ad nos perlata sunt falsa esse claruerint neque vos nugis et saecularibus litteris studere constiterit, et Deo nostro gratias agimus, qui cor vestrum maculari blasfemis nefandorum laudibus non permisit, et de concedendis quae poscitis securi iam et sine aliqua dubitatione tractabimus". Сравн. „Вліяніе образованія и литерат. вкусовъ времени на языкъ древнихъ зап. христіанъ", въ „Хр. Чт.", 1915, мартъ и апр.

nem illarum divina eloquia subtilius intellegantur». При такого рода взглядахъ вполнѣ понятно, что Григорій, въ De vita Bened. 36, Бенедиктову «Regulam» могъ назвать «sermone luculentam»: въ его глазахъ грамматическая правильность не имѣетъ особаго значенія. Григорій, какъ человѣкъ, получившій образованіе[1]), не отрицалъ его совершенно, но примѣнимость его въ жизни христіанъ ограничивалъ существенно[2]), и дѣлалъ онъ это по совершенно опредѣленнымъ общимъ основаніямъ, которыя находилъ въ своихъ, не свободныхъ отъ узости, представленіяхъ о задачахъ жизни христіанъ.

Чтеніе писемъ папы Григорія I, въ историческомъ отношеніи наиболѣе важныхъ памятниковъ его писательства, наглядно показываетъ, что, по принципіальнымъ соображеніямъ относясь нѣсколько пренебрежительно къ традиціямъ грамматиковъ, онъ и въ своихъ собственныхъ писаніяхъ не любилъ стѣснять себя установленными для литературной рѣчи правилами, хотя многія изъ нихъ, съ которыми онъ свыкся, выполнялъ.

Начертаніе словъ у Григорія, насколько можно судить объ этомъ по существующему лучшему изданію писемъ, не лишено нѣкоторой своеобразности. Здѣсь обращаютъ вниманіе, въ числѣ другихъ,

[1]) Греческаго языка онъ впрочемъ не зналъ. Въ письмѣ къ пресвитеру Анастасію отъ 597 г. (Greg. Ep. VII, 29, Registr. I, 476, 1—2) Григорій говоритъ о себѣ, какъ о „Graecae linguae nescius“ (сравн. по указанію Гартмана Ep. I, 28, n. 2; III, 63, n. 7). Въ другомъ письмѣ отъ 601 г. къ епископу ѳессалоникскому Евсевію онъ замѣчаетъ: „nos nec graece novimus nec aliquod opus graece conscripsimus“ (Ep. XI, 55, Reg. II, 330. 6—7; сравн. Ep. X, 21, n. 7, и X, 10 in.). Нѣкоторыя свидѣтельства и предположенія объ образованіи Григорія сообщаетъ Wolfsgruber, s. 12 f.

[2]) Не излишне замѣтить, что образовательный цензъ отъ клира (если судить по письмамъ Григорія) требовался тогда очень не высокій, главное же вниманіе обращалось на подлинно христіанскую настроенность человѣка. Да и вообще образовательное дѣло въ ту пору стояло не на высокомъ уровнѣ. Въ письмѣ къ Руфину, епископу ефесскому, отъ 596 года, читаемъ (Reg. I, 454. 5—6): „Harum... lator... a nobis inquisitus, utrum, sicut decet clericum, litteras (т. е. грамоту) didicisset, eas se ignorare respondit“. Папа выражаетъ адресату—епископу свое желаніе: „qui nescit legere, lingua vestra illi sit codex“. Другому адресату, „Narsae religioso“, папа пишетъ (I, 474. 5 s.): „bene scit dulcissima vestra magnitudo, quia hodie in Constantinopolitana civitate, qui de latino in graeco dictata bene transferant, non sunt. Dum enim verba custodiunt et sensus minime attendunt, nec verba intellegi faciunt et sensus frangunt“.

слѣдующія явленія: съ одной стороны «adquisisse» (въ фразѣ Registr. II, 139. 24 s.: «quicquid vel ante ecclesiae ipsius esse cognoveris vel in episcopatus ordine praedictum episcopum adquisisse, in eiusdem ecclesiae dominio conservetur») и подобн., съ другой—«amministratio», «ammiror», «ammonet», «ammonendos»; далѣе «Arrius», «optineat», «optulit», «repperio», «suptiliter»; слово «xenia» (=munera) встрѣчается, повидимому, въ этой именно формѣ въ R. I, 436. 12, но по преимуществу наблюдается въ формѣ мн. ч. «exenia» и един. ч. «exenium», т. е. съ приставкой «е» впереди слова. Въ комментаріи новѣйшаго издателя къ R. I, 298. 41 ss. выражено даже общее положеніе, что Григорій писалъ «exenium», а не «xenium» (въ значеніи «munus», даръ), о чемъ свидѣтельствуютъ и рукописи, и данныя, указанныя у Schuchardt. Vokalism. d. Vulg.-Lat., II, 362, III, 276. Вмѣсто обычнаго въ латыни начертанія «charta» (χάρτης) встрѣчаемъ «carta» (въ сочетаніи «sine carta et calamo»); «Лондонъ» и «Лондонскій» передаются чрезъ «Lundonia» и «Lundoniensis»; наблюдаются стяженныя формы «domni» и под., напримѣръ «domni Romani», «domno Columbo presbytero» (Reg. I, 229. 9), столь знакомыя изъ позднѣйшихъ романскихъ нарѣчій [1]). Среди формъ могутъ быть отмѣчены: въ R. I, 302. 15—16 «mense Novembrio» (хотя въ нѣкоторыхъ кодексахъ значится, повидимому, «novembri»), откуда можно догадываться о сформированіи Григоріемъ слова «Novembrius»; въ II, 274. 2, встрѣчающаяся притомъ у Григорія не въ первый разъ, глагольная форма «tultae fuerant», которую можно производить отъ стараго глагола «tulo», наблюдаемаго однако у доклассическихъ писателей безъ причастной и супинной формы; въ II, 19. 28 дана форма «monstrantur», какъ—повидимому—отложительная, съ активнымъ значеніемъ, въ фразѣ: «neque viventi abbati quaecumque persona... in suo monasterio praeponatur, nisi forte extantibus... criminibus quae sacri canones punire monstrantur», «...которыя священные каноны указываютъ наказывать», если не понимать такъ: «... провинностей, карать которыя (=для наказанія которыхъ) указываются (=есть) священные каноны», и под. Встрѣчаются формы въ родѣ «navim» (винит. п.), «infantum» (род. мн.), «nullae» (род.), «aliae» (дат.) и т. д., «paruit»=peperit, «praestasse» и др.

Для характеристики синтаксиса падежей у Григорія могутъ служить слѣдующіе примѣры. Родит. п. «picturae historia», исторія въ живописи, въ картинѣ, или живописная исторія, въ II, 270. 13 s.:

---

[1]) Сужденія новѣйшаго издателя писемъ папы Григорія объ его орѳографіи изложены въ tom. II, pag. XXXII—XXXVII.

«Aliud est picturam adorare, aliud picturae historia, quid sit adorandum, addiscere»; «vita fidei», жизнь по вѣрѣ или соотвѣтственно вѣрѣ въ I, 458.21: «vitam fidei non habent»; сравн. также «humanae infirmitatis lingua» и «honor pallii» въ фразѣ: «honor pallii nisi exigentibus causarum meritis et fortiter postulanti dari non debeat». Обращаетъ вниманіе винительный «abbatissam» въ I, 284.20—21: «Victoria... res monasterii dispersit, ut ad prioratus locum pertingere (въ одн. кодексѣ «pertingeret», поправленное изъ «pertineret») et ipsa post abbatissam interim inveniri debuisset» (въ одн. код., впрочемъ, «abbatissa»). Наблюдается творительный вмѣсто винительнаго, напр. I, 297.14—16: «Sacerdotii praerogativa si recta consideratione pensemus, sollicitis et bene gerentibus in honore, neglegentibus autem profecto erit in onere» (правда, въ нѣкоторыхъ рукописяхъ читается «in honorem»). Здѣсь видимъ обычное въ поздней латыни смѣшеніе вопросовъ «гдѣ» и «куда», «въ чемъ» и «во что». Другіе подобные примѣры: «basilicam cum baptisterio in honore beatorum apostolorum... fundari praecipimus»; «Excellentia ergo vestra, quae prona in bonis esse consuevit operibus» etc; «... et in monasteriis, ubi digne valeant agere paenitentiam, deputet»; «multi in huius labe peccati perhibentur esse collapsi»; I, 284.14 s: necesse est eum in monasterio praedicto recipere»; ibid., v. 19: «Marciam sanctimonialem feminam in monasterio alio iniuste audio fuisse migratam» (впрочемъ въ одномъ кодексѣ читается «monasterium aliud»); II, 11.29: «in monasterio mittere»; II, 12.24: «in clero ecclesiae propere suscipiendi non sunt»; II, 24.1—2: «Decem vero auri libras quas in captivorum redemptione (согласно поправкѣ корректора одного изъ кодексовъ — redemptionem) excellentia vestra transmisit, ... suscepi»; II, 49.19: «servorum Dei.., quos in Neapolitana civitate transmiseram» (въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, однако, «Neapolitanam» и «civitatem»); II, 271.23 s. въ письмѣ къ Sereno episcopo Massiliensi: «pervenit ad nos, quod dilectio tua libenter malos homines in societate sua recipiat»; II, 288.25: «eumque in manibus levaverunt»; II, 325 (неоднократно): «in sanctae Trinitatis nomine baptizantur». Рѣдка попадается винительный вмѣсто творительнаго: I, 297.28: «necesse est, ut Deum in omne quod gerimus attendamus». Нерѣдко употребляются падежи съ предлогами вмѣсто простыхъ, т. е. безпредложныхъ падежей. Въ такомъ сочетаніи является предлогъ «de». Говоря въ одномъ письмѣ объ искушеніяхъ отшельника, идущихъ отъ нечистаго духа, въ томъ числѣ о соблазнахъ картинами прежнихъ грѣховъ, папа замѣчаетъ, что діаволъ «si qua dudum turpiter acta sunt, eorum speciem cordis oculis opponit, ut, quam de praesentibus non

valet inquinare, de malis transactis violet». Другіе примѣры: «de fratrum minoratione gloriamur», «de venturo iudicio terrendo» (устрашая грядущимъ судомъ), или II, 109. 33—34: «Deus... vos... et modo consoletur de largitate donorum (обиліемъ благодѣяній, обильными дарами) et postmodum de retributione praemiorum». Конструкція съ «in» вводится вмѣсто творит. мѣста, напр. «in illis locis», вмѣсто творит. причины, напр. «qua iu re moti» и т. д. Глаголы ставятся иногда не съ тѣми падежами, съ которыми принято было сочинять ихъ въ классической латыни. Стереотипный для всей поздней латыни примѣръ представляетъ «benedico» съ винит. падежомъ въ II, 247. 3—4: «rectae mentis est Deum non solum in prosperis benedicere, sed etiam in adversitatibus collaudare».

Въ синтаксисѣ степеней сравненія повторяется давно вошедшее въ поздній языкъ смѣшеніе этихъ степеней, вмѣстѣ съ другими своеобразностями въ ихъ употребленіи. Говоря объ изложенномъ однимъ аббатомъ, на память, толкованіи Григорія на нѣкоторыя ветхозавѣтныя книги, папа замѣчаетъ (II, 352. 19—20): «Quae cum mihi legisset, inveni dictorum meorum sensum valde inutilius fuisse permutatum». Въ другомъ мѣстѣ читаемъ (II, 318. 23): «tunc regnum stabile creditur, cum culpa quae cognoscitur citius emendatur», т. е. встрѣчаемъ сравнительную степень вмѣсто положительной «cito». Въ II, 319. 14—15 сравнительная степень стоитъ рядомъ съ положительной. «... de correctione huius sceleris studiosissime cogitate, ne tanto postmodum acrius feriat (creator noster), quanto modo diutius et clementer expectat». Бываетъ опущеніе сравненія въ одномъ изъ членовъ предложенія: II, 2. 8—11: «Vestra fraternitas petiit, ut sibi episcopium in ecclesia, quae non longe ab eodem monte est, facere debeat. Quod omnino libenter accepi, quia quantum vicina fuerit, tantum prodesse animabus illic consistentibus amplius poterit». Выразительный примѣръ несоотвѣтствія степеней сравненія имѣемъ въ томъ же письмѣ (къ Петру, епископу Корсики, отъ сентября 597 г.). Папа говоритъ, что на прежнихъ христіанъ, впослѣдствіи—neglegentia aut necessitate—уклонившихся въ идолопоклонство и теперь возвращающихся въ христіанскую вѣру, слѣдуетъ наложить нѣкоторую эпитимію, «ut reatum suum plangere debeant et tanto firmius teneant hoc, ad quod... revertuntur, quanto illud perfecte defleverint» (II, 1. 18—19).

При употребленіи глаголовъ Григорій не всегда обращалъ вниманіе на ихъ временныя формы. Такъ, въ I, 289. 20 ss: «Pervenit ad nos, quod fraternitas tua... parere despiciat et nec... voluisses subscribere» — предъ нами въ совершенно параллельныхъ предложеніяхъ

оказываются разныя временныя формы «despiciat» и «voluisses», которыя къ тому же поставлены въ разныхъ лицахъ. Въ I, 324. 12—13: «... culpam me committere vehementer existimo, si... siluero» въ оборотѣ acc. c. inf. поставлено неопредѣленное настоящее вмѣсто ожидаемаго неопредѣленнаго будущаго. Тоже въ I, 290. 4 ss.: «si..., nos scito ulcisceuter imponere» = «если..., то знай, что я, въ видѣ кары, наложу» (о будущемъ времени); подобное въ I, 296. 1—2 ss.: «Ne credas...; recordare..., require... et cognoscis, quia» etc., «и узнаешь, что...» (въ прежнихъ изданіяхъ, кромѣ ed. pr., такъ и читали: «cognosces»); сравн. въ одномъ мѣстѣ «bene facis» = «bene facies, какъ преданное чтеніе было измѣнено въ одномъ изъ кодексовъ. Въ I, 338. 24—25 находимъ ничѣмъ не вызванное plqpf. въ фразѣ: «Sed quo ausu quove tumore nescio, novum sibi conata est (fraternitas tua) nomen arripere, unde omnium fratrum corda potuissent ad scandalum pervenire», или ibid., 339. 1—2: «vehementer ammiror, quia, ne ad episcopatum venire potuisses, fugisse memini te velle» и мн. друг. Причастіе настоящаго времени для означенія бывшаго событія въ II, 389. 15: «Gloriae vestrae scripta suscipiens (получивъ) legenda laetus aperui, sed tristis perlecta replicavi». Не разъ встрѣчается форма будущаго времени въ значеніи повелит. наклоненія, наблюдаемая впрочемъ и у писателей образцовыхъ: «... et ideo fraternitas tua ad praedictam ecclesiam ire properabit» etc., или: «Quorum si culpa forte poposcerit, ita excessus emendare curabitis, ut paternum affectum de animo nullo modo relinquatis», послѣ чего авторъ обращается къ адресату — епископу въ формѣ повелительнаго наклоненія: «Estote» etc.

Изъ синтаксиса наклоненій у Григорія наиболѣе важны случаи конструкцій при verba sentiendi et declarandi. Авторъ, несомнѣнно, довольно часто примѣняетъ въ такихъ случаяхъ обязательный въ образцовой латыни оборотъ съ acc. c. inf., напримѣръ послѣ «comperio» (I, 301. 28 s.), «pervenit ad me» или «ad nos» (I, 288. 13; I, 301. 17 ss.; II, 21. 12—13, въ письмѣ къ Agnello, episcopo Terracinensi, отъ 598 года: «pervenit ad nos quosdam illic... arbores colere et multa alia contra christianam fidem inlicita perpetrare»; II, 28. 13—14: «pervenit ad nos diaconos ecclesiae Catenensis calciatos campagis procedere praesumpsisse» etc.[1]); II, 116. 2—3: «pervenit autem ad nos

[1]) Примѣч. Hartmann'a: „campagus genus calceamenti, quo diaconi Romanae ecclesiae utebantur. Cf. Ducange, h. v". Григорій I, входившій во многія важныя дѣла всѣхъ помѣстныхъ церквей, притомъ даже на востокѣ, и существенно помогавшій благоустроенію церковныхъ и гражданскихъ дѣлъ и отношеній, иногда, какъ видимъ изъ приведеннаго примѣра, интересовался и возмущался фактами ничтожными.

quosdam episcoporum sub praetextu quasi solacii in una domo cum mulieribus conversari» etc.; II, 134.16—17, въ письмѣ къ Anastasio, episcopo Antiocheno, отъ 599 года, и II, 298.26—27, къ Isacio episcopo Hierosolymitano, отъ 601 года: «pervenit ad nos in orientis ecclesiis nullum ad sacrum ordinem nisi ex praemiorum datione pervenire». etc.) и при другихъ подобныхъ глаголахъ и выраженіяхъ, напр. при «agnosco» (сравн. II, 298.27: «... si ita esse vestra fraternitas agnoscit» etc.), при «assero», напримѣръ въ сочетаніи: «... ut etiam filios suos sine baptismate asserant remansisse», при «respondeo», какъ въ фразѣ: «nescire se... responderint» и др. Гораздо, однако, чаще наблюдается у Григорія замѣна оборота acc. c. inf. конструкціями съ союзами, характерная для всей поздней латыни. Примѣры: I, 341.11: «scio quia» etc. («знаю, что...»); I, 301.5—6: ««scientes quia... postea... laetificat»; I, 357.36—37: «scimus, quia... turgescunt»; I, 358.19—20: «Hoc tamen sciat magnitudo vestra, quia... non habemus»; I, 315.7: «scitote autem, quia Agilulfus... non recusat»; I, 369.11—12: «agnovi, quod... perveniat»; I, 394.1 ss.: «De Iohanne vero presbytero cognoscite, quia causa illius per synodum decisa est, in qua aperte cognovi, quia eius adversarii eum facere hereticum voluerunt..., sed minime potuerunt»; I, 305.8: «cognoscant, quia non solum indignus est sacerdotio, sed et aliis profecto erit culpis obnoxius, quisquis Dei donum pretii praesumpserit venalitate mercari»; II, 55.3—4: «Ex discipulo autem tuo cognovimus, quia tu qui abbas diceris esse adhuc monachus nescis»; II, 393.22—23: «pervênit ad nos fratrem et coepiscopum nostrum Pascasium ita desidem neglegentemque in cunctis existere, ut in nullo, quia est episcopus, agnoscatur» (что ни по чему нельзя узнать, что онъ — епископъ); сравн. I, 281.10: «pervenit ad me quod» съ сослагат., I, 285.14—16: «pervenit ad nos quia» съ изъявит. и мн. под.; II, 270.7 ss. (въ письмѣ къ Sereno, episc. Massiliensi, отъ окт. 600 года): «Perlatum siquidem ad nos fuerat, quod inconsiderato zelo succensus sanctorum imagines sub hac quasi excusatione, ne adorari debuissent, confringeres» etc.; I, 295.24 (въ письмѣ къ Iohanni, episcopo Ravennati): «Ex quibus omnibus invenio, quia honor episcopatus totus foras in ostensione est, non in mente»; I, 320.7: «intellego, quia» etc., и нѣсколько ниже — «dico, quoniam...»; I, 296.1: «Ne autem credas, quia...» и почти вслѣдъ за симъ «et cognoscis quia...»; I, 319.4: «credo, quia» etc.; I, 302.26: «credo quod apta valde persona inveniatur», а въ другомъ мѣстѣ — «unde credo, quia ea nec legere dignatus est»; I, 323.13: «confido, quia...»; I, 321.27: «liquet, quod...»; I, 327.7: «indico, quia... suscepi»; I, 351.15: «ego autem magnam confidentiam habeo, quia omni-

potens Deus... exacuit... et confortat»; въ разныхъ мѣстахъ попадаются сочетанія въ родѣ слѣдующихъ: «certus enim esto, quia... servabimus» (будь увѣренъ, что...); «de me enim certum tenete, quia... movear»; «dico, quia... vicit»; «indico..., quia... voluit»; «ostendere, quia... non amamus»; I, 369. 26 (въ письмѣ къ Vergilio episcopo Arelatensi): «Alia quoque nobis est res valde detestabilis nuntiata, quod quidam ex laico habitu per appetitum gloriae temporalis defunctis episcopis tonsurantur et fiunt subito sacerdotes», и въ другомъ мѣстѣ: «Nuntiatum vero nobis est, quod per simoniacam heresem ad sacros quidam ordines adducantur», также «ostendite, quia unum sumus» (покажите, что мы—одно, т. е. единодушны); I, 451. 6—9: «Quia enim mala actio praecedentis valde noceat subditis, testantur Pharisaei;» сравн. «Johannes episcopus mihi scripserit, quod... fuit», или «Diaconus Adeodatus... iureiurando satisfecit, quia... solebant» и многіе др.; I, 288. 15: «eis (Hebraeis) ex me specialiter promittens, quod quicumque ad verum Deum et Dominum nostrum Jesum Christum ex eis conversus fuerit, onus possessionis eius ex aliqua parte inminuetur» (гдѣ принятая Григоріемъ конструкція послѣ «promitto» явилась вмѣсто acc. c. inf. fut.). Въ связи съ употребленіемъ союзовъ при глагольныхъ конструкціяхъ, мимоходомъ замѣтимъ, что при «est dubium» и под., вмѣсто «quin», какъ у Теренція и Геллія, ставится Григоріемъ «quia», напр. I, 334. 6: «... ut nulli sit dubium, quia...», или II, 361. 9—10: «Nulli est dubium, quia, sicut sacerdotibus res in episcopatu adquisitas nulla est alienandi licentia, ita de eis quas ante habuerint quicquid iudicare voluerint, non vetantur». Встрѣчается «quia», вмѣсто ожидаемаго «quod», послѣ нѣкоторыхъ глагольныхъ выраженій, напр. I, 295. 10: «Primum me hoc contristat, quia» etc., или I, 295. 25 «ago omnipotenti Deo gratias, quia» etc. [1]).

Конструкціи косвенныхъ вопросовъ содержатъ нерѣдко изъявительное наклоненіе. Въ письмѣ къ епископу антіохійскому Анастасію, по поводу принятаго Киріакомъ, епископомъ константинопольскимъ, и возмутившаго папу титула «вселенскій», читаемъ (I, 469. 30): «Scitis enim, quanti non solum heretici, sed etiam heresiarchae de Constantinopolitana ecclesia sunt egressi» и под. Неоднократно встрѣчается почти одновременно то изъявительное, то сослагательное наклоненія. Registr. I, 296.10: «Diem tuae vocationis attende, quas rationes de sarcina episcopatus redditurus es, considera»; но почти вслѣдъ за симъ, въ томъ же письмѣ, читаемъ: «Vide quid in lingua,

---

[1]) Въ index. pag. 599, указывается случай употребленія „ut“ съ изъявит. н. и два случая „ut“ съ acc. c. inf.

quid in actu episcopum deceat»; въ другомъ письмѣ читаемъ: «quanto ardore videre te sitiam, in tui tabulis cordis legis», и немного дальше: «in hac vero ecclesia quantis causarum tumultibus premor, ipsa caritati tuae epistolae meae brevitas innotescit»; II, 3. 25 s.: «Quae autem mala a barbarorum gladiis, quae a perversitate iudicum patimur..., narrare fugio», однако не много дальше, pag. 5, v. 21—23, читаемъ: «Quanta in omnipotentis Dei timore excellentiae vestrae mens soliditate firmata sit..., etiam in sacerdotum eius laudabiliter dilectione monstratis»; въ I, 469. 8 встрѣчаемъ оба наклоненія даже въ одной и той же фразѣ: «...commemorare voluistis non, quid sum, sed quid esse debeam». О наклоненіяхъ въ условныхъ предложеніяхъ можно судить по I, 296. 14—16: «... tantae deliberationis fui tantaeque caritatis circa fraternitatem tuam, ut si eandem caritatem meam custodire voluisses, adhuc talem fratrem... numquam inveneras». Наблюдается неожиданное употребленіе неопредѣленнаго наклоненія въ письмѣ къ еп. Фортунату (I, 456.5—6): «Quia ergo fraternitate vestra indicante comperimus ad redemptionem (т. е. captivorum) mutuam fecisse pecuniam et eam unde solvere non habere» etc., явленіе бросившееся въ глаза и корректору одного изъ кодексовъ, исправившему «solvere» въ «solveret», при подразумѣваемомъ подлежащемъ «fraternitas vestra».

Среди прочихъ глагольныхъ выраженій съ синтаксической стороны представляютъ интересъ: причастія въ формѣ именительнаго самостоятельнаго падежа[1]) въ II, 282. 10—11 «Venientes quidam Ravennates homines gravissimo maerore percussus sum, quia fraternitatem tuam retulerunt de vomitu sanguinis aegrotare» (сравн. впрочемъ другія чтенія этого мѣста) и въ II, 386.30—31 «Vestri antistitis obitum cognoscentes, curae nobis fuit destitutae ecclesiae visitationem fratri et coepiscopo nostro Venerio sollemniter delegare»[2]) и подобн., и герундій въ творительномъ падежѣ въ значеніи причастія настоящаго, напр.: I, 325.4—5: «tantasque oppressiones operari dicitur invadendo loca singulorum» etc.; II, 348. 17: «... et alios temporaliter nutriendo bonis in aeternum caelestibus satieris».

На рѣчи папы Григорія нерѣдко отзывались многія изъ тѣхъ своеобразностей поздняго словувыраженія, которыя имѣли задатки для себя въ прежнемъ состояніи латыни и которыя теперь выливались

---

[1]) Примѣръ винительнаго самостоятельнаго указанъ въ index. p. 573.

[2]) Сравн. допускаемыя иногда, даже въ печати, нѣкоторыми русскими людьми, равнодушными къ логико-грамматической правильности рѣчи, выраженія въ родѣ слѣдующаго: „узнавши объ этомъ, мнѣ захотѣлось" и т. под.

иногда въ болѣе рѣзкія и рельефныя формы, захватывая притомъ и прозаическую рѣчь. Григорій употребляетъ уменьшительныя латинскія слова вмѣсто обычныхъ, напримѣръ въ письмахъ къ Брунигильдѣ и Хильдеберту, I, 384. 6—7, 385. 11—12, онъ обозначаетъ одно имѣніе названіемъ «patrimoniolum», въ письмѣ же къ управителю имѣнія, пресвитеру Кандиду, pag. 388, v. 25—26, называетъ его «patrimonium». Онъ ставитъ формы множественнаго числа вмѣсто единственнаго, напр. I, 363. 8—10' «fit plerumque, ut ad sacrum ministerium, dum blanda vox quaeritur, quaeri congrua vita neglegatur, et cantor minister Deum moribus stimulet, cum populum vocibus delectat». Авторъ вноситъ отвлеченныя выраженія въ замѣнъ конкретныхъ: I, 323, 15: «Cogitet igitur dominorum pietas» etc. («пусть подумаютъ благочестивые Государи» и проч.); пользуется прилагательными и причастіями въ значеніи существительныхъ: I, 368. 12 ss.: «o quam bona est caritas, quae absentia per imaginem praesentia sibimetipsis exhibet per amorem, divisa unit, confusa ordinat, inaequalia sociat, imperfecta consummat»; «amor caelestium» есть «любовь къ небесному», «volatilia caeli» — «птицы небесныя». Прилагательныя занимаютъ мѣсто родительныхъ падежей соотвѣтствующаго существительнаго: «epistolari brevitate» (краткостью письма, т. е. краткостью, которая требуется въ письмѣ или свойственна ему), «a sacerdotali animo;» наоборотъ, выраженіе «erroris nomen» обозначаетъ у Григорія ложное наименованіе. Формы отъ «sum» иногда опускаются, какъ въ II, 172 4—5: «... redditam tibi gratiam fraternae caritatis intellege atque in nostro te receptum consortio gratulare». Обыченъ пропускъ слова «litterarum» (= epistolae) при обозначеніи лица, которому вручено письмо для передачи адресату: выраженія «praesentium portitor», «praesentium lator», «pr. latrix», «harum lator» встрѣчаются весьма часто, особенно въ рекомендательныхъ письмахъ. Наблюдается взаимное несоотвѣтствіе членовъ предложенія въ ихъ построеніи, напр. I, 357. 15—17: «in qua (expositione) quicquid tua sanctitas tepidum incultumque reppererit, tanto mihi celerrime indulgeat, quanto hoc me aegrum dicere non ignorat». Замѣчается множество разъ раздѣленіе словъ, относящихся одно къ другому, вставленными между ними реченіями, напр. I, 290. 24: «... ut, dum Deo illic fuerit propitio consecratus, ipse» etc., или II, 319. 5—6: «Quis enim pro populi se peccatis intercessor obiciat, si sacerdos, qui exorare debuerat, graviora committat?» Раздѣленіемъ связанныхъ внутренно словъ, при нескладности фразы, ея пониманіе иногда нѣсколько затрудняется, какъ въ II, 386. 19 ss.: «Oraculum vero quod incompetenti persona reppereris esse constructum huic proprio te volumus episcopo, si res, ut dictum est, ita se habere constiterit,

sine mora aliqua reformare». Расположеніе словъ можетъ вызвать иногда неправильное пониманіе мысли автора: въ I, 395.28—29: «... sed diu accusatio incerta contrivit in tantum, quia accusatores ipsius Marcianistarum quam memorabant heresem nescire se aperta responsione professi sunt» значитъ: «долго угнетало его на столько ненадежное обвиненіе, что обвинители его» и проч., такъ какъ здѣсь «in tantum» относится, очевидно, къ «incerta», а не къ «contrivit». Изъ несущественныхъ частностей можно указать на мѣсто союза «ut» въ I, 282. 3—4: «ego nulle modo patior loca sacra ut per clericorum ambitum destruantur» и под., или «nunc usque», донынѣ, въ II, 248. 12.

При всей дѣловитости своей натуры и при всей серьезности склада мышленія, Григорій I не избѣгаетъ и образовъ, не чуждается изысканныхъ комплиментовъ, любитъ преувеличенно говорить о своемъ смиреніи. Въ письмѣ къ Евлогію, епископу александрійскому, читаемъ (I, 433. 20 ss.): «vos quidem bonae vitae merito resplendentes ea quae paradiso vicina sunt bene olentia nobis ligna[1]) transmisistis. Nos vero quia videlicet peccatores sumus, ab occidente vobis ligna transmisimus, quae construendis apta navibus tumultum mentis nostrae signantia in marinis semper fluctibus agitentur». Другіе примѣры: I, 472. 7: «quia in procellas et fluctus tendis (т. е. въ мірскую жизнь съ ея тревогами), verborum meorum funibus te ad litus revoco»; въ письмѣ къ «Narsae religioso» (I, 473. 20) отказъ давать наставленія монахамъ мотивируется такъ: «meae siccitatis guttas parvulas suscipere non debent»; II, 30. 13—14: «contigit, ut ad largum vestrae beatitudinis fontem brevis epistolae meae vix parva potuisset aqua resudare»; II, 142. 24: «Dilectionis tuae scripta suscepi, quae in meo sensu amoris melle condita sapuerunt»; II, 324. 19—20: «... pro animarum salute, quae huius sceleris fuerant gladio perituræ» etc. («отъ меча этого преступленія», т. е. симоніи); II, 406.3 ss., въ увѣщаніяхъ, обращенныхъ къ Киріаку, патріарху константинопольскому, бросить титулъ «вселенскій»: «... cum ea caritate qua dignum est suademus, ut profanam elationem... cordis pede calcantes perversi superbique vocabuli scandalum auferre de medio ecclesiae festinetis, ne a pacis nostrae societate divisi inveniri possitis»; II, 412. 24 s.: «Ubi canonicam districtionem culparum contra se qualitas excitat, postponere quae corrigenda sunt non debemus, ne dissimulatione vires dare pravis actibus, quos falce nos disciplinae resecare convenit, videamur»; II, 423. 19—20, при указаніи цѣли, ради которой папа желаетъ получить отъ своего

---

[1]) Примѣчаніе издателя: De lignis bene olentibus ex Arabia Romam transmissis cf. Friedlaender, Sittengesch. Roms, III[5], 76 ss.

корреспондента нужныя свѣдѣнія: «ut disponere valeamus, qualiter disciplinae frenum extra iter suum pergere non permittat eos quos ad excessum aculeus pravae mentis irritat». Встрѣчаются образы искуственные и вычурные. Въ письмѣ, напримѣръ, къ Евлогію александрійскому, выразивъ радость о возростаніи александрійской церкви, Григорій продолжаетъ: «Gratias itaque omnipotenti Deo solvimus, quia impletum videmus in vobis esse quod scriptum est: «Ubi plurimae segetes, ibi manifesta fortitudo boum» (Prov. 14. 4). Si enim bos fortis aratrum linguae in terra cordis audientium non traxisset, tanta fidelium seges minime surrexisset». Попадаются образы, обличающіе недостатокъ вкуса у автора, напримѣръ I, 336. 19—20: «Quomodo igitur sine labore transire possumus aestum huius saeculi, infirmae nos oves, in quo graviter sudasse novimus et arietes?»

Отвлеченныя понятія въ титулахъ обозначаютъ лица и мыслятся дѣйствующими. Примѣры (немногіе изъ многихъ): «... ideoque experientiae tuae praecipimus, quatenus clerum et populum omni instantia studeat adhortari, ut» etc. (I, 305. 2—3); «fraternitati tuae, quam in Ravennati ecclesiae gubernationis suscepisse constat officium, pallii usum praevidimus concedendum» (I, 375. 17—19); «indicavit nobis fraternitas tua non se habere presbyteros» etc. (I, 405. 31); «valde miramur, quod nos diversis de Sicilia venientibus gloria vestra incolumitatis suae nuntio relevare postponit» (II, 85. 1—2); «Experientia tua huius praecepti auctoritate suffulta praedictas terras eis (монахамъ) tradere non moretur» (II, 107. 4—5). У Григорія многочисленны повторенія словъ, допускаемыя ради эффекта: II, 202. 32 ss.: «... in qua (synodo, т. е. на соборѣ)... debeat constitui nullum pro ecclesiastico ordine aliquid umquam dare, nullum accipere nec quemquam ex laico ad sacerdotium repente transire», и подобн. Противоположенія: I, 321. 11 ss. (въ письмѣ къ Mauricio Augusto): «Quid autem dicturi sumus, qui populum Dei cum indigne praesumus peccatorum nostrorum oneribus premimus, qui quod per linguam praedicamus per exempla destruimus, qui iniqua docemus operibus et sola voce ea quae sunt iusta praetendimus? Ossa ieiuniis atteruntur, et mente turgemus. Corpus despectis vestibus tegitur, et elatione cordis purpuram superamus. Iacemus in cinere et excelsa respicimus» и т. д.; I, 374. 10 ss. (Gregorius Childeberto regi Francorum): «pervenit autem ad nos obeuntibus episcopis quosdam ex laicis tonsurari atque ad episcopatum praecipiti saltu conscendere. Et qui discipulus non fuit, inconsiderata ambitione magister efficitur; et quoniam quod possit docere non didicit, sacerdotium tantummodo gerit in nomine» и проч.; II, 363. 9 ss. по поводу посланныхъ епископу Мартиніану толкованій папы на прор. Іезекіиля, записанныхъ но-

таріями и исправленныхъ Григоріемъ: «dum cogito, quod saepe inter cotidianas delicias etiam viliores cibi suauiter sapiunt, transmisi minima legenti potiora, ut, dum cibus grossior velut pro fastidio sumitur, ad suptiliores epulas avidius redeatur» и друг. Съ антитезами соединяется иногда своего рода игра словами и звуками. Примѣры: I, 296.12—13 (Gregorius Johanni episcopo Ravennati): «Non aliud loquaris et aliud in corde habeas. Nec appetas ultra videri quam es, ut possis ultra esse quam videris»; I, 297. 14—15: «Sacerdotii praerogativa si recta consideratione pensemus, sollicitis et bene gerentibus in honore, neglegentibus autem profecto erit in onere»; I, 317. 17: «parcendo mihi minime pepercit»; I, 357. 23—24 по поводу составленнаго Григоріемъ, во время болѣзни, толкованія на книгу Іова: «fortasse hoc divinae providentiae consilium fuit, ut percussum Iob percussus exponerem, et flagellati mentem melius per flagella sentirem»; I, 384. 24—25 въ письмѣ къ Хильдеберту: «Quanto ceteros homines regia dignitas antecedit, tanto ceterarum gentium regna regni vestri profecto culmen excellit»; I, 396.3—4: «Nam nullus ambigit infidelitatem esse fidem fidelibus non habere»; II, 305. 16 ss.: «... granum frumenti mortuum est cadens in terra..., cuius morte vivimus, cuius infirmitate roboramur, cuius passione a passione eripimur» и под.; сравн. также въ письмѣ къ епископу Стефану: «si audire talia dignus non fui, orationibus vestris peto ut dignus efficiar, ut, si bona in me ideo dixistis, quia non sunt, ideo sint, quia dixistis», и въ письмѣ (отъ іюня 597 г.) къ императору Маврикію, по поводу совѣта послѣдняго благосклонно принять пословъ епископа константинопольскаго Киріака: «Numquidnam si ex superbo ac profano vocabulo (титула «вселенскій») meus non in modico est animus vulneratus, tantae indiscretionis esse potui, ut nescirem, quid unitati fidei, quid concordiae ecclesiasticae deberem?... Absit hoc. Nimis mihi fuerat desipuisse sic sapere» (I, 477. 19—23). Наблюдается хіазмъ, напр. въ письмѣ къ Theoderico et Theodeberto regibus Francorum, II, 202. 16 ss.: «... quidam instinctu gloriae inanis inlecti ex laico repente habitu sacerdotii (т. е. епископства) honorem arripiunt et, quod dicere pudet et grave tacere est, regendi rectores et qui docendi sunt doctores nec erubescunt videri nec metuunt». Попадаются нѣсколько вычурныя выраженія, напр. въ письмѣ къ одному епископу (I,352. 20—21): «quanto ardore videre te sitiam, quia valde me diligis, in tui tabulis cordis legis», или въ письмѣ къ другому епископу (I, 453. 31—32): «Amicitiarum vestrarum antiqua nos caritas movit fraternitatem vestram scriptis praesentibus visitare», особенно же къ лицамъ властнымъ, напр. въ письмѣ къ Constantinae Augustae, гдѣ читаемъ: «haec enim ego ad piissimas aures vestras pervenisse non suspicor», и под. Сплош-

ную искусственность представляютъ титулы, выросшіе и пышно развившіеся въ латинскомъ, какъ и въ греческомъ, мірѣ на почвѣ риторики, ласкательства и тщеславія. Примѣняясь къ обычаю, пользовался такими слововыраженіями и папа Григорій. Въ письмѣ къ Childeberto regi Francorum читаемъ: «laetos nos excellentiae vestrae vehementer fecit epistola»; здѣсь же встрѣчаемъ усиленное титулованіе — «excellentiae vestrae celsitudo». Титулъ «excellentia vestra» встрѣчается въ письмахъ къ Agilulfo, regi Langobardorum, и къ Theodelindae, reginae Langobardorum. Обращенія въ письмѣ къ императору Маврикію: «serenitatem vestram», «serenissimus dominus», «clementia vestra», къ Constantinae Augustae—«vestra serenitas», «vestra pietas» и т. под. Примѣры изъ титулатуры сановниковъ и другихъ вліятельныхъ особъ и изъ похожихъ на титулы слововыраженій въ письмахъ: «excellentia vestra»—въ письмѣ къ Romano exarcho per Italiam residenti Ravennae, «magnitudo vestra»—къ Eupaterio duci Sardiniae, «excellentia vestra»—къ Gennadio patricio Africae, «experientia tua»—къ Castorio notario; «dulcedo vestra»—къ Gregoriae, cubiculariae Augustae; «gloria vestra»—къ Theodoro medico; «magnitudo vestra» въ обращеніи къ nobilibus Syracusanis и т. д.[1]) Въ письмахъ къ духовнымъ лицамъ разныхъ іерархическихъ степеней встрѣчаемъ наименованія: «fraternitas vestra» въ письмѣ къ епископу константинопольскому[2]), «fraternitas vestra», «fraternitas tua», «caritas vestra» и «vestra sanctitas» въ письмахъ къ епископамъ, даже «vestra dulcissima sanctitas» въ обращеніи къ одному епи-

[1]) О нѣкоторыхъ титулахъ говоритъ Wisbaum въ приложеніи (s. 48—50) къ своей диссертаціи, вообще довольно интересной для церковнаго и гражданскаго историка.

[2]) Это и подобныя наименованія не мѣшали однако папѣ Григорію одновременно допускать весьма рѣзкія выраженія по адресу константинопольскаго патріарха и другихъ духовныхъ лицъ, въ сущности исключающія „fraternitatem“. Въ письмѣ, напримѣръ, къ Іоанну, еп. константинопольскому, протестуя противъ усвоенія Іоанномъ титула „вселенскій“ (universalis), папа говоритъ (I, 339. 17): „quia resecanda vulnera leni prius manu palpanda sunt, rogo deprecor et quanta possum dulcedine exposco, ut fraternitas vestra cunctis sibi adulantibus atque erroris nomen deferentibus contradicat nec stulto ac superbo vocabulo appellari consentiat“. Сужденія папы въ подобномъ родѣ встрѣчаются въ большомъ числѣ. Сравн. въ письмѣ къ Евлогію александрійскому и Анастасію антіохійскому (I, 479. 10—11): „Eundem vero fratrem (т. е. Киріака) ammonere studui, ut se a tali superstitione corrigat, quia, si hanc non correxerit, pacem nobiscum nullo modo habebit“. Епископу Сардиніи Януарію папа пишетъ: „Questa nobis est Nereida, clarissima femina, quod ab ea tres solidos pro filiae suae sepultura fraternitas vestra velit exigere“ (II, 37. 21—22) и т. п.

скопу, «dilectio tua» въ обращеніи къ одному діакону и т. п. Попутно замѣтимъ, что къ адресатамъ обращается Григорій очень часто въ 3-мъ лицѣ, напримѣръ въ письмѣ къ Constantinae Augustae (I, 329. 21—23): «haec ergo tranquillissimae dominae suggero, quia integerrima serenitatis eius conscientia quanto moveatur zelo rectitudinis atque iustitiae, non ignoro». Въ нѣкоторыхъ письмахъ наблюдается обращеніе къ адресатамъ исключительно на «вы», притомъ часто безъ видимой причины, въ другихъ же письмахъ то на «вы», то на старое простое «ты», какъ въ письмѣ къ Домникѣ: «Laetos nos vestrae nimis epistolae reddiderunt, quod vos unitati ecclesiae sociatam... cognovimus... Considerare enim debuisti..., plus tantis viris ac sacerdotibus quam tibi credere debuisti. Inter haec tamen omnipotenti Deo gratias agimus, quia ita cordi vestro lumen suae veritatis infudit, ut» и проч. (I, 483. 1 ss.), или въ письмѣ къ Іоанну, еп. коринѳскому: «... Deus... vos ad eius (ecclesiae) voluit regimen adducere...; videat (populus) in vobis quid diligat..., a recto itinere te duce non deviet..., ad Deum vos sequendo perveniat... Labora itaque, frater carissime (I, 376. 12 ss.) и т. п.

Часто примѣняется безсоюзіе, которое придаетъ рѣчи силу и вѣскость. Примѣры: «ecce cuncta in Europae partibus barbarorum iuri sunt tradita, destructae urbes, eversa castra, depopulatae provinciae» etc. (I, 322. 13 s.); «non sibi credat (episcopus Marinianus) solam lectionem et orationem sufficere, ut remotus studeat sedere et de manu minime fructificare; sed largam manum habeat, necessitatem patientibus concurrat, alienam inopiam suam credat, quia, si haec non habet, vacuum episcopi nomen tenet» (I, 440. 6 ss.). Безсоюзіе часто наблюдается въ трехъ параллельныхъ предложеніяхъ; но нерѣдки и многочленныя безсоюзныя предложенія, въ родѣ слѣдующаго: «... ut sublimia inclinaret, humilia sublimaret, pacaret discordantia, ferocia mansueta faceret, dissociata conglutinaret, scissa sarciret» etc. (I, 435. 10 ss.). Отчасти, можетъ быть, ради полноты въ выраженіи мысли, чаще же, вѣроятно, безъ ясно сознанной цѣли, допускалось тождесловіе въ выраженіяхъ, напримѣръ «sollicitudinis tuae vigilantia», «voluntatis suae desiderium», «cotidianis diebus», «si illo me amore diligitis». Въ письмахъ папы Григорія, какъ нерѣдко бываетъ въ письмахъ вообще, часто повторяются одни и тѣ же обороты, выраженія и цѣлыя фразы. Наиболѣе рѣзко бросается въ глаза изложеніе мыслей въ тѣхъ же выраженіяхъ — въ письмахъ къ Виргилію, епископу арльскому (I, 369. 11 ss.), къ Іоанну, епископу коринѳскому (I, 377. 3 ss.), и къ universis episcopis per Helladam constitutis provinciam (I, 379. 6 ss.) [1]).

[2]) Издатель въ Monumenta замѣчаетъ, что тождественныя фразы secundum formulam Diurni 46 scripta sunt.

Въ лексиконѣ Григорія, помимо иноязычныхъ словъ, интересны нѣкоторыя собственныя имена и замѣняющія ихъ обозначенія, образованныя изъ чисто латинскихъ элементовъ. Таковы, напримѣръ: своеобразное собственное имя одного діакона — «Donatdeus» (родительный пад. «Donatdei») въ II, 349.17, или имя (несклоняемое) епископа «Deusdedit» въ II, 361.8, или діакона «Servusdei» въ II, 388.31, («per Servum-Dei diaconem»), затѣмъ рядъ наименованій въ родѣ «Sorrentinae civitatis» (Сорренто), «Constantinopolitana urbe» и под. Составъ и семасіологическій характеръ прочихъ реченій, употребляемыхъ папой, съ достаточной, кажется, ясностью открывается изъ слѣдующихъ примѣровъ.

Существительное «adorator», какъ «adoratus» и глаголъ «adorari», содержатъ у Григорія понятіе благоговѣйнаго поклоненія, подобающаго одному невидимому Богу. Въ письмѣ къ Sereno, episcopo Massiliensi, отъ іюля 599 года, папа говоритъ: «praeterea indico dudum ad nos pervenisse, quod fraternitas vestra quosdam imaginum adoratores aspiciens easdem ecclesiis imagines confregit atque proiecit. Et quidem zelum vos, ne quid manufactum adorari possit, habuisse laudamus, sed frangere easdem imagines non debuisse iudicamus» etc. (II, 195.18 ss.).

«Beneficium» въ формѣ творит. п. близко къ значенію русскаго «благодаря» или предлога «чрезъ», напр. «praesidii sui beneficio» въ II, 21.1; сравн. «merito» у христіанскихъ авторовъ.

«Canterma» въ I, 313.5 (отъ «canto?» «наговоръ?»), слово, неизвѣстное классикамъ. См. о немъ Du Cange. Издатель писемъ Григорія въ Monumenta, pag. 313, замѣчаетъ: «Canterma quid sit ignoro; priorum editorum coniecturas haud satis probatas repetere supervacaneum est».

«Christianitas», христіанственность, христіанское настроеніе и т. п., напримѣръ «excellentiae vestrae christianitatem» въ письмѣ къ Θеоктисту, сроднику императора, въ I, 396.24, или «Candidum presbyterum et patrimoniolum ecclesiae nostrae... . vestrae christianitati commendantes» etc. въ письмѣ къ Брунгильдѣ въ I, 432.8, и под.

«Civitas»=городъ. Предлагая клиру и народу города Tadinum избрать епископа, Григорій внушаетъ Гавдіозу, епископу города Iguvium (Gubbio), подъ надзоромъ котораго долженъ былъ произойти выборъ: «commonentes etiam fraternitatem tuam, ut nullum de altera eligi permittatis ecclesia, nisi forte inter clericos ipsius civitatis, in qua visitationis impendis officium, nullus ad episcopatum dignus, quod evenire non credimus, potuerit inveniri».

«Clavis» и «claves», слово, значеніе котораго открывается изъ контекста, напримѣръ: «Claves praeterea sancti Petri, in quibus de vinculis catenarum eius inclausum est, excellentiae vestrae direximus, quae collo

vestro suspensae de malis vos omnibus tueantur» (I, 385. 19—21), или «praeterea benedictionem sancti Petri apostoli clavem a sacratissimo eius corpore transmisi» (I, 468. 14), или «benedictionem vero sancti Petri apostolorum principis, quem multum diligitis, clavem a sacratissimo eius corpore vobis transmisimus, in qua ferrum de catenis eius clausum est, ut quod illius collum ligavit ad martyrium, vestrum ab omnibus peccatis solvat» (I, 470.31 ss.). Сравн. примѣч. издателя въ I, 385.

«Clericatus», прохожденіе служенія въ клирѣ (II, 19.30). Для уясненія понятія «clericus» у Григорія полезно имѣть въ виду разрѣшеніе его нѣкоторымъ клирикамъ, именно «clericis extra sacros ordines», жить съ женами въ законномъ бракѣ, тогда какъ клирикамъ, «qui in sacro sunt ordine constituti», пребывать съ женами запрещалось. См. I, 441—442 и примѣчаніе издателя.

«Collatum», напитокъ; ср. другіе напитки, упоминаемые въ письмѣ къ Евлогію александрійскому, въ I, 486. 22—23: «sed quia collatum ac viritheum non libenter bibo, praesumenter cognidium requiro». Издатель замѣчаетъ: «Colatum» a verbo «colare» et «colo» (colatum διηθημένον: Gloss. ps.-philox. p. 103); itaque (vinum) colatum vinum purum vel vas proprium, in quo deportatur (Papias apud Du Cange). «Viritheum» quid sit nescio, neque veterum editorum coniecturas repetere operae pretium est (biriteum=βρότεον, Tresterwein, cf. Athen. II, 56 d: Stowasser). Neque quid «cognidium» sit certo scimus.

«Commodum», повидимому, подарокъ или взятка въ I, 377. 3—4: «pervenit ad nos quod in illis partibus nullus ad sacrum ordinem sine commodi datione perveniat».

«Conversatio», жизнь, напримѣръ «conversatio monachica».

«Corporale» съ подразумѣвавшимся прежде «vitium», «delictum» или «facinus», въ сочетаніи «pro corporali», за плотской грѣхъ, въ II, 349.19.

«Cultrix», почитательница, въ сочетаніи «dignas cultrices omnipotentis Domini» II, 200.5. Обращаетъ вниманіе форма множ. числа, хотя рѣчь здѣсь идетъ объ одной Брунигильдѣ, королевѣ франковъ. Сравн. на pag. 201.17 «adiutricem» въ фразѣ: «et fidem quam colitis adiutricem in omnibus habeatis».

«Desusceptum», слово, встрѣчающееся въ письмѣ къ еп. Дону отъ 597 г. (II, 484. 2) и означающее, повидимому, росписку. Издатель Hartmann относительно этого слова предлагаетъ сравнить Ep. III, 49, n. 5 (въ 1 части I тома Registri).

«Ecclesiastici ordines», церковныя степени, священный санъ.

«Eloquia divina», Священное Писаніе. Укоряя императора Маврикія за невниманіе къ христіанскимъ священнослужителямъ, ревностный папа

настойчиво внушаетъ ему: «... excellenti consideratione propter Eum cuius servi sunt eis ita dominetur (Маврикій), ut etiam debitam reverentiam impendat. Nam in divinis eloquiis sacerdotes aliquando dii, aliquando angeli vocantur» etc. (I, 318. 14—16).

«Excusatio», отговорка: «... quatenus sine aliqua exinde excusatione tollantur» (II, 195. 3).

«Genius», въ значеніи, напоминающемъ языческое представленіе и допущенномъ, быть можетъ, вслѣдствіе своего рода уступки (конечно, чисто внѣшней) традиціоннымъ языческимъ взглядамъ. Эта уступка слышится въ формулѣ отреченія отъ заблужденій, которую составилъ или примѣнилъ папа въ февралѣ 602 года при возвращеніи одного епископа въ общеніе съ римскою церковію. Здѣсь читаемъ: «... Unde iuratus dico per Deum omnipotentem et haec sancta quattuor evangelia... et salutem geniumque illius atque illius dominorum nostrorum rempublicam gubernantium» etc. (II, 354. 14 ss.).

«Icona»=imago объ изображеніи новаго императора Фоки и императрицы Леонтіи (II, 365. 5.6).

«Idiota», простой, необразованный, неграмотный человѣкъ: «quod legentibus (умѣющимъ читать) scriptura, hoc idiotis praestat pictura» (II, 270. 14—15).

«Laica persona», міряninъ, напримѣръ въ инструкціи клиру и народу мизенской церкви при избраніи епископа: «provisuri ante omnia, ne cuiuslibet vitae vel meriti laicam personam praesumatis eligere» (II, 97.6—7), и въ другихъ мѣстахъ (напр. I, 460.2).

«Lectio», чтенія изъ книгъ Св. Писанія.

«Medietas» (pecuniae), половина (денегъ).

«Oraculum», кажется, однозначуще съ «oratorium» и означаетъ не только молитвенный домъ, но и храмъ, въ которомъ можно совершать литургію (II, 386. 19 и друг.).

«Oratio» молитва.

«Patrimonium ecclesiasticum». Объ организаціи управленія имуществами римской церкви, ихъ эксплоатаціи и относящихся сюда терминахъ говоритъ Wisbaum, S. 3 ff.

«Peculiaritas», личная собственность, имущество: «cognovi enim, quod isdem Constantius peculiaritati studeat; quae res maxime testatur eum cor monachi non habere» (II, 351. 28—29). Слово «peculiaritas» у G. не показано.

«Praecepti pagina», письменное приказаніе; сравн. выраженіе Григорія въ другомъ письмѣ: «testamenti pagina».

«Praeiudicium», ущербъ, вредъ (II, 436. 25).

«Praemium», своего рода выкупъ за совершеніе языческихъ обрядовъ,

который вносился «iudici» въ Сардиніи, о чемъ папа писалъ въ 595 году (I, 324. 18).

«Presbyter cardinalis», выраженіе, смыслъ котораго опредѣляется письмомъ къ Passivo episcopo de Firmo, гдѣ папа, предлагая этому епископу освятить oratorium въ castrum Aprutiense, затѣмъ пишетъ: «Presbyterum quoque te illic constituere volumus cardinalem, ut, quotiens... conditor (oratorii) fieri sibi missas fortasse voluerit vel fidelium concursus exegerit, nihil sit quod ad sacra missarum sollemnia exhibenda valeat impedire» (II, 90. 20—23).

«Princeps», въ сочетаніи съ «apostolorum», есть постоянный эпитетъ апостола Петра: «apostolorum princeps» повторяется каждый разъ при упоминаніи его имени.

«Professor», исповѣдникъ, исповѣдующій: «fidei rectae professorem» въ I, 395. 32; сравн. немного дальше цитованнаго мѣста, въ подобномъ же сочетаніи, «catholicae fidei confessorem».

«Religiosi viri»=monachi.

«Responsalis»=apocrisiarius, слово неоднократно употребляемое Григоріемъ. Georges показываетъ его только въ Novell.; De-Vit цитуетъ два письма Григорія; указанія у Du-Cange полнѣе.

«Respublica», государство.

«Saccellarius» въ фразѣ I, 328.14: «saccellarius ego sum». Примѣч. издат. въ Monum.: «Saccellarium non, ut Ducange interpretatur, custodem sacci aut thesauri fiscalis, sed, ut Galletti... contendit, distributorem denariorum esse recte monuit Ewald».

«Sacerdos» обозначаетъ и пресвитера и епископа.

«Solatium», помощь, поддержка.

«Suffragium», по комментарію въ Monum., есть «honoris (должности) adipiscendi causa data vel promissa pecunia» (I, 324.22).

«Superstitio», между прочимъ, о религіи евреевъ, въ фразѣ объ одномъ іудеѣ, «qui ex eorum (Iudaeorum) superstitione ad Christianae fidei cultum... perductus est».

«Unctio chrismatis» или «unctio sancti chrismatis», мѵропомазаніе (II, 325. 11—12.13).

«Viaticum» напутствіе (предъ смертью).

Примѣры изъ числа прилагательныхъ: «Alius»=secundus (какъ «unus»=primus): «Mos autem sedis apostolicae est ordinatis episcopis praecepta tradere, ut ex omni stipendio quod accedit quattuor debeant fieri portiones, una videlicet episcopo et familiae propter hospitalitatem atque susceptionem, alia clero, tertia pauperibus, quarta ecclesiis reparandis» (II, 333. 7 ss.).

«Districtus», (причастіе, употребляемое въ качествѣ прилагательнаго), строгій. Сравн. De-Vit.

«Grossus» въ сочетаніи «cibus grossior» въ II, 363.11, слово изъ христіанскаго времени. Срав. фразеологію у Du-Cange и De-Vit, также въ Diez, Etym. W. der Roman. Spr.[4] (1878), 174.

«Imputribilis», не подлежащій тлѣнію, слово церковное.

«Nihil», ничтожный: «Quam nihil sit fugitiva praesens vita considera» (II, 351. 3—4).

«Nullus=nemo, напр. въ письмѣ къ восточнымъ епископамъ отъ 599 года по поводу титула константинопольскаго епископа «ycomenicos, hoc est universalis»: «... hortor atque suadeo, ut nullus vestrum hoc nomen aliquando recipiat, nullus consentiat, nullus scribat» etc. (II, 157. 32 s.).

«Simplex», простой, «простоватый», неопытный въ житейскихъ дѣлахъ, необразованный, какъ видно изъ отзыва папы объ одномъ кандидатѣ во епископа, избранномъ знатью и клиромъ Неаполя: «Petrus... diaconus, quem a vobis electum asseritis, omnino, quantum dicitur, simplex est. Et nostis, quia talis hoc tempore in regiminis debet arce constitui, qui non solum de salute animarum, verum etiam de extrinseca subiectorum utilitate et cautela sciat esse sollicitus» (II, 254. 14 ss.).

«Unigenitus Patris», Единородный Сынъ Бога Отца.

«Vicarius», въ свою очередь оказываемый, взаимный: «... vestro honori additis, quicquid ei (т. е. sedi apostolicae, римской каѳедрѣ) reverentiae... exhibetis, quia per hoc, ut vicaria erga vos dilectione astringi debeat, invitatis» (II, 33. 11—13).

Къ значенію мѣстоименій у Григорія въ контекстѣ рѣчи:

«Fraternitas ergo tua de commissis sibi vigilanti cura custodiat» (I, 299. 3—4).

«Fraternitas siquidem vestra nos consuluit, si Amandinus ex presbytero et abbate, qui a suo est decessore culpa exigente depositus, in eo quo fuerat ordine constitutus debeat revocari» (I, 299. 23—24).

«Idem»=is.

«Ipse»=is.

«Ipsi»=illi.

Изъ семасіологіи глаголовъ:

«Ambulare» иногда=поступать, дѣлать, какъ употребленъ этотъ глаголъ въ II, 41.19, гдѣ, говоря объ отлученіи на 2 мѣсяца лицъ, подавшихъ нехристіанскій совѣтъ одному довѣрчивому и простоватому епископу, папа указываетъ слѣдующую цѣль такого наказанія: «ut cadentes discant, quatenus incaute ambulare non debeant».

«Cado» не разъ употребляется въ значеніи «pecco» (о паденіяхъ монаховъ).

«Se capere» умѣщаться, совмѣщаться, какъ въ II, 303. 14—15: «in uno se ore cum Iovis laudibus Christi laudes non capiunt». Сравн. De-Vit, s. v., 17, и Thes. L. L.

«Coadunare», соединять (II, 152. 20. 25.).

«Converti», обращаться къ монашеской жизни, принимать постриженіе; сравн. «conversio», жизнь въ монашескомъ званіи.

Глаголъ «debeo» въ разныхъ формахъ часто вставляется въ рѣчь безъ надобности и является совершенно лишнимъ, въ виду чего естественна мысль, что этотъ глаголъ иногда терялъ свое значеніе. Примѣры: «nulla quidem ratio permittebat, ut... ei praeesse debuisset» (I. 284. 12); «petimus ergo, ut in tanto vos peccato miscere nullatenus debeatis» (I, 302. 2—3); «quia igitur plurimae utilitates exposcunt, ut ecclesiae ipsi sacerdos sine mora Christo auctore debeat ordinari» etc. (I, 304. 26 s.); «sed illud prae omnibus estote solliciti, ut vitam eorum... suptiliter debeatis inquirere» (I, 406. 3—5); «miror, si is qui vestes habet, argentum habet, cellaria habet, quod pauperibus debeat dare non habet» (I, 440. 4—5); «ego indignus sum, cui revelatio fieri debeat» (I, 465. 24); «ammoneo..., ut patrocinia ecclesiastica... sub tanto moderamine debeatis impendere, quatenus, si qui in furtis publicis implicati sunt, a nobis non videantur iniuste defendi» (II, 95. 19 ss.); «peto autem, ut pro me orare debeas» (II, 350. 18).

«Distraho»—о дозволительномъ отчужденіи или продажѣ священной утвари («sacrata» или «sacra vasa») для выкупа плѣнныхъ (I, 456.4 ss.).

Глагольная форма «dispiciendam», повидимому, употребляется вмѣсто «despiciendam» въ II, 89. 29, вслѣдствіе смѣшенія префиксовъ.

«Se excusare» отказываться, уклоняться (какъ наше «извиняться»): «... comperimus multos se a murorum vigiliis excusare» (II, 21. 20).

«Facere» иногда=распорядиться, приказать, какъ въ II, 328.4 ss., гдѣ папа предписываетъ, чтобы епископъ Пасхазій (Pascasius) одного виновнаго въ клеветѣ иподіакона «prius subdiaconatus... privet officio atque verberibus publice castigatum faciat in exilio deportari, ut unius poena multorum possit esse correctio».

«Inclinari» вмѣсто «declinari» въ I, 332. 15—16: «Qui si nequaquam a suae elationis rigore voluerit inclinari, tunc quid fieri debeat, cum omnipotentis Dei solatio suptilius pertractetur».

«Inminere» внушать, напр. въ II, 65.17 ss.: «Proinde experientiae tuae praecipimus, ut heredibus Isidori... assidue et fortius debeat (experientia tua) inminere, ut xenodochium quod auctor eorum per ultimae voluntatis arbitrium.. fieri... constituit... quae sunt disposita implere festinent».

«Innotesco» (глаголъ, который въ латыни обычно=«дѣлаюсь извѣстнымъ») имѣетъ значеніе дѣйствительнаго глагола «дѣлаю извѣстнымъ», какъ вообще у позднихъ. Такъ «innotuit» въ I, 434. 12 значитъ: сдѣлалъ извѣстнымъ, сообщилъ, довелъ до свѣдѣнія.

«Militare» служить, въ смыслѣ отправлять должность, напримѣръ «inter notarios militare».

«Nescio» иногда значитъ «не умѣю», иногда же содержитъ только понятіе отрицанія или, быть можетъ, равносильно «не могу», какъ въ II, 305. 5: «et post longa annorum tempora futurae quoque vitae gaudia, quae finem habere nesciunt, capiatis».

«Oboedire» послѣдовать желанію, исполнить его, напр. объ епископѣ, которому предстоитъ исполнить желаніе просительницы (II, 175.9).

«Ordinare» посвящать, напр. II, 336. 16: «Et quidem in Anglorum ecclesia, in qua adhuc solus tu episcopus inveniris, ordinare episcopum non aliter nisi sine episcopis potes».

«Pervenire» доходить (о молвѣ), напримѣръ «pervenisse»=«дошло», «дошелъ слухъ», въ сочетаніи «ad nos pervenisse» въ I, 431.27.

«Postulo», прошу, напр. въ письмѣ къ Brunihildae, reginae Francorum, II, 197. 20 ss.: «...Quis... de excellentiae vestrae bonitate diffideat aut de impetratione sit dubius, quando illa a vobis, quae subiectis vos libenter posse novit impendere, duxerit postulanda» и друг.

«Praecedens» идущій впереди=начальствующій, въ противоположность «subditus», подчиненный.

«Solacio» помогаю, напр. II, 273. 15.: «... dum de interitu multorum animae per baptismatis gratiam vobis fuerint solaciantibus liberatae» etc.

«Suscipio» очень часто=«accipio».

«Tonsuro», значеніе котораго видно, напримѣръ, изъ письма въ II, 300. 28, гдѣ Григорій, по поводу ухода одного супруга въ монастырь противъ воли жены, отрицая его право на это въ виду божественнаго закона, говоритъ: «... volumus, ut maritum suum illi (uxori), vel si iam tonsuratus est, reddere omni debeas excusatione cessante» и проч.

«Torpens» равнодушный, бездѣятельный въ I, 324. 14 ss. (въ письмѣ отъ 595 г.): «Dum in Sardinia insula multos esse gentiles cognovissem eosque adhuc pravae gentilitatis more idolorum sacrificiis deservire et eiusdem insulae sacerdotes ad praedicandum redemptorem nostrum torpentes existere» etc.

Примѣры словъ у папы Григорія I, принадлежащихъ къ прочимъ частямъ рѣчи, съ ихъ значеніями и употребленіемъ:

Въ соотвѣтствіи съ обычнымъ у позднихъ латинянъ смѣшеніемъ понятій мѣста и направленія (или—покоя и движенія), нарѣчіе «illic» ставится иногда вмѣсто «illuc» (въ отдѣльныхъ кодексахъ попадается и ожидаемое «illuc»), какъ въ I, 403. 6 и. II, 305. 3; «modo»=теперь; объ употребленіи и значеніи «mox» можно судить по фразѣ: «quod mox isdem decessor meus agnovit, directis epistolis ex auctoritate sancti Petri apostoli eiusdem synodi acta cassavit»; встрѣчается позднее слово «nuncusque» (I, 339. 21) и выраженіе «procul dubio», а также «ulciscenter» (I, 290. 6); «unde»=чѣмъ, на что, на какія средства (напр. «unde se redimant»,

чѣмъ они могли бы выкупить себя, т. е. изъ рабства), затѣмъ иногда равнозначуще съ «отсюда» въ смыслѣ «поэтому», сочетаніе же «unde—inde»=«чѣмъ—тѣмъ», какъ въ II, 24.4: «... ne, unde vos peccata tergitis, nos inde maculemur».

«Ad praesens»=теперь, въ настоящее время; «ab ante» съ прежняго времени (I, 422.7); «apud»=«въ» (II, 325.10—11: «quilibet apud heresim in Trinitatis nomine baptizantur» etc.) и=«на» (въ выраженіи «apud tremendum examen illius», на Его страшномъ судѣ); «circa»=о, объ, напримѣръ I, 297.16: «circa animarum salutem sollicitos», заботящихся о спасеніи душъ (одинаково съ Квинтиліаномъ, который иногда сочиняетъ «sollicitus» съ «circa», тогда какъ Цицеронъ ставитъ «sollicitus» съ «de»), или=«erga», напримѣръ «amor circa nos», при чемъ «circa» по временамъ чередуется съ «erga», можетъ быть для разнообразія, какъ въ выраженіи: «... non solum circa nos, sed erga fratres filiosque vestros»; «contra» иногда значитъ «на», какъ въ I, 341.21: «... et quasi contra alta moenia scalis appositis ascendit» (между тѣмъ какъ въ хорошей латыни при «ascendo» въ подобныхъ случаяхъ ставится или простой винительный, или «in» съ винит. п.), иногда «не въ соотвѣтствіе», какъ въ сочетаніи «contra virtutem»=не по силамъ (II, 283.2 «et tua dilectio contra virtutem sibi laborem minime imponat»); «cum» встрѣчается, напримѣръ въ I, 323.13 «cum gladiis flectit», вмѣсто одного творительнаго, и въ II, 262.9—10, гдѣ понятіе «ѣздить на конѣ» выражено нѣсколько неожиданно: «unum caballum vobis... transmisimus, ut habeatis, cum quo... vectari possetis»; «de» въ значеніи «съ» и «изъ» при обозначеніи мѣста (II, 259.6 «Palladio presbytero de monte Sina», съ горы), въ значеніи «отъ» вмѣсто «ab» (I, 336.21—23: «quantas vero in hac terra tribulationes de Langobardorum gladiis, de iniquitatibus iudicum, de insolentia atque importunitate causarum, de cura subiectorum, de molestiis etiam corporis patior, explere haec nec calamus nec lingua sufficit»), въ смыслѣ «ради» или «за» при «coronari» («... non solum de vestro opere, se etiam de subditorum vestrorum melioratione coronari»), также «надъ» (въ II, 154.11: quod mihi de Sclavis victorias nuntiastis» etc.), и въ сочетаніи «de cetero», въ дальнѣйшее, прочее время; «ex» употребляется въ выраженіи «ex merito» съ значеніемъ «ex culpa» (=culpā) и иногда параллельно съ этимъ послѣднимъ выраженіемъ, также (I, 337.21) въ сочетаніи «ex aliquanto»=нѣсколько; «pro» ставится при означеніи причины, напримѣръ «pro qua re» поэтому (I, 449.21), «pro iussione dominorum» по повелѣнію государей (I, 449.29), «pro imminentia hiemalis temporis» по причинѣ приближенія зимы, «pro aegritudinis meae nimietate» отъ крайняго моего нездоровья, «pro eo, quod» вслѣдствіе того, что (II, 273.29) и друг., при выраженіи побужденія или цѣли, какъ въ II, 90.12—13

«... oratorium sumptu proprio pro sua devotione fundasse», или «pro plenissima firmitate», ради полнѣйшей, возможно большей крѣпости, «pro sacris missarum sollemnibus peragendis» для совершенія священныхъ литургій и др., также «pro corporali» (II, 349. 19) за плотской (грѣхъ?); «sub» наблюдается въ сочетаніяхъ въ родѣ I, 307. 10—11 «... redditurus de actibus tuis sub Dei nostri iudicio rationem», на судѣ или предъ судомъ Бога нашего, или I, 282. 5 «sub celeritate nuncietis», въ скорости, скоро увѣдомьте, или I, 284. 22 «sub omni celeritate» со всею скоростію.

«Союзъ «namque» не служитъ для обоснованія сказаннаго раньше и даже почти не обозначаетъ связи послѣдующаго съ предшествующимъ. Такъ, въ письмѣ къ Ianuario, episcopo Sardiniae, папа говоритъ о необходимости сдерживать надменность и самоволіе монаховъ и, затѣмъ, о томъ, какъ поступить въ дѣлѣ объ имуществѣ, оставленномъ одной вдовой монастырю и присвоенномъ нѣкіимъ клирикомъ, а вслѣдъ за симъ пишетъ: «contra idolorum namque cultores vel aruspicum atque sortilogorum fraternitatem vestram vehementius pastorali hortamur invigilare custodia» etc. (II. 192. 20 ss.). «Quatenus» является союзомъ въ значеніи «съ тѣмъ, чтобы», «дабы» весьма не рѣдко. I, 298. 3—5: «illud enim vobis prae omnibus studendum est, ut venturo iudici animarum... non peritura munera procuretis, quatenus et vos de vestra merces operatione et nos de nostrâ pariter adhortatione respiciat»; I, 305. 2: «experientiae tuae praecipimus, quatenus clerum et populum omni instantia studeat adhortari, ut consecrandum sibi non differant eligere sacerdotem», или въ другомъ мѣстѣ: «adhortamur, quatenus et oblationes ante dicti viri... suscipere et in domo ipsius missarum peragi mysteria permittatis» и под. Иногда, какъ видно отчасти изъ изложеннаго, «quatenus» въ значеніи «ut» употреблялось для разнообразія выраженій.

Какъ видимъ, лексиконъ папы Григорія I, со стороны состава и значенія словъ, въ одной своей части есть лексиконъ античный, въ другой—поздне-латинскій и именно такой, какой могъ сложиться на латинскомъ западѣ только въ христіанское время, подъ дѣйствіемъ христіанскихъ идей. Пользуясь новыми выраженіями или употребляя прежнія слова въ новомъ значеніи, какъ и принимая въ свою рѣчь формы и конструкціи, классикамъ не извѣстныя или ими отвергавшіяся, Григорій, можетъ быть не сознательно, шелъ по тому же пути, по которому намѣренно шли нѣкоторые другіе поздніе писатели, полагавшіе, что языкъ необходимо измѣняется и развивается, въ зависимости отъ новыхъ условій своего существованія, и нормами классической латыни не связанъ до такой степени, чтобы утратить всякую свободу въ этомъ своемъ движеніи.

А. Садовъ.

Воспоминанія стараго профессора

(съ 1847 по 1913 г.г.) *).

С*ТУДЕНТЫ.* Притокъ студентовъ, сравнительно съ прежнимъ, временемъ, былъ огромный, — не только изъ духовныхъ семинарій, но и изъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній; вмѣсто прежнихъ 120, количество студентовъ, постоянно, изъ года въ годъ повышаясь, достигло въ 1883 году до 392, въ 1884 году — до 372 чел. Явилось много своекоштныхъ, которымъ дозволялось жить на частныхъ квартирахъ. Немало было также вольнослушателей, изъ которыхъ потомъ нѣкоторые поступали въ число студентовъ. Общій уровень учащейся молодежи, въ смыслѣ даровитости, правда, понизился, но за-то общее оживленіе академической жизни сказывалось усиленными и очень плодотворными занятіями лучшихъ и наиболѣе даровитыхъ изъ нихъ. Появленіе и умноженіе (до 1884 г.—было уже 12) частныхъ стипендій (въ добавокъ къ 120 казеннымъ) на содержаніе студентовъ и поощрительныхъ денежныхъ наградъ, изъ пожертвованныхъ частными лицами для сей цѣли капиталовъ, за курсовыя сочиненія (чего до 1869 г. совсѣмъ не было) привлекали въ академію однихъ и очень подбадривали энергію другихъ къ усиленнымъ занятіямъ.

Много помогало недостаточнымъ студентамъ, не попавшимъ на казенныя или частныя стипендіи, открывшееся въ 1877 г. «Общество вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ Петроградской дух. Академіи». Это общество, въ составъ котораго входили многіе изъ столичнаго духовенства и всѣ настав-

*) Продоженіе. См. февраль

ники академіи, нанимало для нѣсколькихъ (15 — 20 чел.) своекоштныхъ студентовъ даже особую квартиру (съ 1878 г.) въ одномъ изъ домовъ Александро-Невской Лавры, на Калашниковской пристани. Эту квартиру называли въ шутку Калашниковскою академіею; многіе относились къ ней неособенно сочувственно, насмѣшливо. Она просуществовала не болѣе четырехъ лѣтъ (1878—1882 г.); въ 1882 г. запрещено было Св. Синодомъ жить своекоштнымъ студентамъ па частныхъ квартирахъ, кромѣ тѣхъ, которые имѣли въ Петроградѣ родителей. Калашниковская академія имѣла, конечно, свои слабыя стороны, но нѣтъ сомнѣнія, что въ то время она была далеко не безполезною, и закрытіе ея повело и академическую администрацію и общество вспомоществованія къ большимъ затрудненіямъ и т. п.

Распредѣлялись студенты по отдѣленіямъ такъ: самые даровитые предпочитали записываться на церк.-историческое отдѣленіе и отчасти богословское, менѣе даровитые избирали церк.-практическое. Между студентами разныхъ отдѣленій была конкурренція и благородное соревнованіе, спорили о преимуществахъ отдѣленій, о научныхъ ихъ программахъ, о достоинствахъ наличныхъ преподавателей.

Казеннокоштные студенты размѣщались во всѣхъ трехъ этажахъ академическаго корпуса—по курсамъ и отдѣленіямъ курсовъ такъ, что каждый курсъ и каждое отдѣленіе имѣли свои особыя комнаты (2—3); одна для занятій, другая—спальня, иногда третья—гардеробная. При четырехъ курсахъ (въ старой академіи были только два курса—старшій и младшій) и трехъ отдѣленіяхъ нужны были 12 аудиторій, устройство которыхъ, въ смыслѣ комнатъ отдѣльныхъ отъ жилыхъ, занятныхъ помѣщеній и спаленъ, было невозможно, такъ какъ старое академическое зданіе разсчитано было только на два курса, не имѣвшихъ подраздѣленій. Не смотря на постройку въ 1882 г. новаго зданія для помѣщенія академической библіотеки и квартиръ ректора и другихъ служащихъ въ академіи лицъ (секретаря, библіотекаря и ихъ помощниковъ), и освобожденіе так. обр. значительнаго количества мѣста въ старомъ корпусѣ, все-таки устройство многочисленныхъ аудиторій, отдѣльныхъ отъ жилыхъ, занятныхъ и спальныхъ комнатъ, было невозможно.

Такое размѣщеніе студентовъ, изолирующее и курсы и отдѣленія одни отъ другихъ, было большою помѣхою для обще-

студенческихъ движеній, для организаціи безпорядковъ, весьма выгодно для академической администраціи, въ частности для инспекціи и, безъ сомнѣнія, въ значительной степени способствовало тишинѣ и спокойствію въ стѣнахъ академіи въ тогдашнее бурное время. Картина была бы, по всей вѣроятности, другая, будь студенческое общежитіе устроено иначе, какъ напримѣръ во время нашего студенчества, когда студенческія комнаты, занятныя и спальныя обоихъ курсовъ, представляли безпрерывный рядъ, такъ что можно было пройти ихъ насквозь отъ одного конца до другого. Послѣ этого понятенъ восторженный отзывъ одного изъ младшихъ нашихъ сослуживцевъ (проф. В. В. Болотова, бывшаго студентомъ въ 1875—1879 гг.) объ устройствѣ тогдашняго студенческаго общежитія: «тому, кто выдумалъ это, нужно было бы присудить премію за добродѣтель» (намекъ на извѣстную французскую медаль).

Чтеніе лекцій въ такой обстановкѣ было, правда, мало торжественно, но зато оно имѣло такъ сказать интимный характеръ и лишено офиціальной сухости. Профессоръ отдѣленія приходилъ къ студентамъ въ ихъ помѣщеніе въ качествѣ какъ бы почетнаго гостя и имъ было неловко не присутствовать на лекціяхъ, да и неудобно, некуда было дѣваться. Если нѣкоторые, наиболѣе лѣнивые, позволяли себѣ лежать въ сосѣдней спальнѣ, то и имъ, волей-неволей, приходилось слышать нѣчто изъ лекцій профессора. Малый составъ отдѣленія (самое большее 25, а иногда 10—15 чел.) также стѣснялъ студентовъ, не располагалъ къ манкированью лекціями. Лекціи по общеобязательнымъ предметамъ (для всѣхъ отдѣленій) читались или въ обширномъ залѣ собраній или въ старыхъ двухъ, очень помѣстительныхъ аудиторіяхъ. Здѣсь наоборотъ все располагало къ неаккуратному посѣщенію лекцій.

Практическія занятія съ студентами IV курса происходили или въ тѣхъ же студенческихъ помѣщеніяхъ, если они не были заняты обычными лекціями, или въ другихъ мѣстахъ, гдѣ придется, иногда даже на квартирахъ профессоровъ. Помнится, ко мнѣ на квартиру ходилъ для такихъ занятій студентъ свящ. Г. И. Титовъ, нынѣ достопочтенный о. протоіерей, одинъ изъ самыхъ видныхъ членовъ петроградскаго духовенства [1]). Курсъ, къ которому принадлежалъ о. Г. И. Т.,

[1]) Свящ. Георгій Ивановичъ Титовъ, калуж., канд. XXX к. (1873) спб. акад., впослѣдствіи магистръ (1879 г.). прот. ц. дворца Вел. Кн.

былъ очень небольшой (всего 35 чел.), и о. Титовъ оказался въ единственномъ числѣ въ той группѣ предметовъ, къ которой принадлежало догматическое богословіе. Приходилъ онъ ко мнѣ на квартиру по вечерамъ и мы совершенно по-домашнему, за чайкомъ, вели бесѣды на научныя темы. Много лѣтъ спустя съ удовольствіемъ вспоминали мы наши вечернія практическія занятія.

Семестровыхъ сочиненій на первыхъ двухъ курсахъ (на третьемъ составлялись уже кандидатскія диссертаціи) давалось не болѣе 3-хъ. На сочиненія обращалось большое вниманіе, хотя уже не въ такой степени, какъ при прежнемъ уставѣ; баллы по сочиненіямъ и устнымъ отвѣтамъ конкуррировали между собою и хотя первымъ давалось значительное преимущество, но не умалялось и не низводилось до минимума, какъ прежде, и значеніе послѣднихъ. Разрядныхъ списковъ не составлялось, начиная съ XXIX курса (1871 г.), перваго курса, окончившаго при дѣйствіи устава 1869 г.

Экзамены получили вполнѣ серьезный характеръ. Спрашивали всѣхъ студентовъ по всѣмъ предметамъ курса и отвѣты отмѣчали баллами. Обыкновенно ставили баллы всѣ члены экзаменаціонной коммиссіи: помощникъ ректора по отдѣленію, преподаватель предмета и ассистентъ, по окончаніи экзамена сводили баллы и выводили средній.

На экзаменахъ въ IV курсѣ, такъ называемыхъ магистерскихъ, предсѣдательствовалъ самъ ректоръ академіи. Вопросы давались или изъ литературы предмета или изъ какого нибудь отдѣла науки, при чемъ требовались уже болѣе спеціальныя свѣдѣнія, чѣмъ на обычныхъ, годичныхъ экзаменахъ. И нужно замѣтить, пріятно было видѣть, какъ держали себя выпускные студенты и слышать спокойные, солидные ихъ отвѣты. Получалось впечатлѣніе, что передъ вами уже не школьники, а лица, которыя сознаютъ, что они держатъ испытаніе, такъ сказать, на аттестатъ богословской зрѣлости. Памятенъ одинъ изъ такихъ экзаменовъ по слѣдующему экстренному случаю. Совершенно неожиданно пріѣзжаетъ въ академію (неизвѣстно для чего,—видѣть ли ректора или спеціально, чтобы присутствовать на магистерскомъ экзаменѣ) К. П. Побѣдоносцевъ,

---

Михаила Николаевича, членъ Учебн. Ком. при Св. Синодѣ, въ 1914 г. праздновавшій 50-лѣтній юбилей священства и почтенный, по этому случаю, выдающеюся Высочайшею наградою (брилл. знаками къ ордену Св. Александра Невскаго).

тогдашній Оберъ-Прокуроръ Св. Синода. Экзаменъ, по той группѣ предметовъ, въ которую входило догматическое богословіе, уже начался. Вдругъ въ старую аудиторію старшаго курса (по правую сторону церкви), гдѣ мы во главѣ съ ректоромъ засѣдали, входитъ К. П. П. Въ моментъ его появленія отвѣчалъ по моему предмету очень хорошій, даровитый студентъ, мой землякъ, К. М. Добронравовъ XXXVII курса (1880 г.)—по отдѣлу эсхатологіи о послѣднемъ страшномъ судѣ Христовомъ и др. соприкосновенныхъ съ нимъ предметахъ. К. П. Побѣдоносцевъ, какъ извѣстно, любилъ поговорить; не молчалъ онъ и тутъ. Между прочимъ, по какому-то поводу онъ высказалъ свое мнѣніе о высокомъ достоинствѣ славянскаго текста Библіи, сравнивъ его съ золотою монетою а русскій переводъ—съ мѣдною. Замѣчательно, что при этомъ, да и вообще все время, онъ обращался ко мнѣ, а не къ ректору, котораго онъ какъ будто намѣренно игнорировалъ. І. Л. Янышева онъ видимо не жаловалъ, хотя у нихъ было давнее знакомство, еще съ Висбадена, гдѣ настоятелемъ церкви былъ, до ректорства, о. І. Л. Я. и гдѣ нерѣдко пользовался его гостепріимствомъ К. П. Побѣдоносцевъ, вмѣстѣ съ супругою Е. А., урожденною Энгельгардтъ. Неудивительно; это были люди совершенно различныхъ настроеній и симпатій. Описанный выше визитъ К. П. П. въ академію вызвалъ у насъ много толковъ. Говорили между прочимъ объ остроумной выходкѣ проф. М. О. Кояловича, тогдашняго нашего инспектора. При выходѣ изъ академическаго зданія, столкнувшись съ К. П. П., онъ иронически поблагодарилъ его за *неожиданную* честь посѣщенія имъ академіи, тѣмъ большую, что непосредственнаго отношенія къ ней, какъ Оберъ-Прокуроръ, онъ не имѣлъ. М. О. Кояловичъ отличался смѣлостью, и независимостью характера, притомъ близко былъ знакомъ съ К. П. П. и пользовался его уваженіемъ.

Магистерскія диссертаціи. Магистранты, т. е. окончившіе курсъ студенты, выдержавшіе на IV курсѣ устный экзаменъ на степень магистра богословія, впослѣдствіи удостоивались этой степени по напечатаніи и послѣ публичной защиты ихъ диссертацій. По большей части эти диссертаціи представляли переработку кандидатскихъ сочиненій, при нѣкоторомъ измѣненіи, расширеніи и т. п. ихъ темъ.

При этомъ немало трудовъ падало и на долю профессоровъ, руководителей магистрантовъ. Случалось по большей части

такъ: профессоръ, замѣтивъ выдающееся по достоинствамъ кандидатское сочиненіе, совѣтовалъ автору переработать его въ магистерское, начиналась новая работа, представлялась профессору иногда въ цѣломъ, иногда по частямъ, но то, что казалось очень хорошимъ для кандидатской диссертаціи, оказывалось слабоватымъ, при повышенныхъ требованіяхъ, для магистерской; отсюда разочарованіе для обѣихъ сторонъ, возвращеніе рукописи автору для передѣлки, дополненій, исправленій.

Съ первымъ магистерскимъ сочиненіемъ, (1879 г.), написаннымъ подъ моимъ руководствомъ: Н. М. Богородскаго—«Ученіе св. І. Дамаскина объ исхожденіи Св. Духа,—въ связи съ тезисами Боннской конференціи» былъ такой случай. Къ концу учебнаго года (1878), къ окончанію курса, г. Богородскій представилъ только одну треть своего сочиненія въ обработанномъ видѣ, а самъ затѣмъ отправился въ Вильну, на службу въ семинарію. То, что я получилъ, мнѣ понравилось и я рѣшился войти въ совѣтъ съ представленіемъ о разрѣшеніи къ напечатанію на казенный счетъ сочиненія, какъ бы совершенно законченнаго. Сдѣлано это въ виду явившейся у меня увѣренности въ благополучномъ окончаніи труда съ одной стороны, а главное изъ опасенія пропустить предѣльный срокъ для напечатанія сочиненія на казенный счетъ—съ другой. Затѣмъ у насъ возникла дѣятельная переписка съ г. Богородскимъ; онъ присылалъ мнѣ свои тетради, а я—свои замѣчанія и совѣты. Каюсь, я поступилъ нелегально и довольно рискованно, но если бы этого не сдѣлалъ, то по всей вѣроятности не явилась бы на свѣтъ эта дѣльная, солидная диссертація: пропала бы у автора энергія къ продолженію и завершенію труда, главнымъ образомъ въ виду отсутствія матеріальныхъ средствъ для напечатанія его на свой счетъ.

За сравнительно небольшой періодъ времени дѣйствія устава 1869 г., за 15 лѣтъ (до 1884 г.), явилось довольно много магистерскихъ диссертацій. Но къ этимъ 15 годамъ по всей справедливости нужно прибавить еще два года, 1885-й и 1886-й, когда продолжала дѣйствовать еще старая закваска; и студенты, окончившіе курсъ въ 1886 г., только на половину, т. е. въ послѣдніе два года четырехлѣтняго курса, находились подъ дѣйствіемъ устава 1884 г. Въ такомъ случаѣ число магистерскихъ диссертацій дойдетъ уже до 34. Интересно, какъ онѣ распредѣлялись по отдѣленіямъ. На долю богослов-

скаго пришлось 15 диссертацій [1]), нѣсколько болѣе — 16 на долю церковно-историческаго [2]) и только 3 на долю церковно-практическаго [3]). Не всѣ они прошли чрезъ отдѣленія, 7 изъ нихъ явились на свѣтъ, когда отдѣленій уже не было, но несомнѣнно, корень всѣхъ ихъ скрывается въ отдѣленской спеціализаціи. По догматическому богословію явилось 5 (гг. Богородскаго, Елеонскаго, Тихомирова, Лебедева, Орлова) и даже 6 диссертацій [4]). Мой достоуважаемый преемникъ, проф. П. И. Лепорскій, въ статьѣ по поводу моего 50-тилѣтняго юбилея [5]), отмѣчая этотъ фактъ, дѣлаетъ отсюда слѣдующіе выводы. «При дѣйствіи прежняго (1869 г.) устава, когда число студентовъ богословскаго отдѣленія колебалось между 10 — 25 и рѣдко превышало 30, а число избирающихъ своей спеціальностью, на IV курсѣ, группу наукъ основное, догматическое и нравственное богословіе составляло три-четыре человѣка, изъ этого небольшого числа спеціалистовъ шесть человѣкъ написали магистерскія диссертаціи только по догматикѣ, на темы, предложенныя А. Л.» «Между тѣмъ изъ слушателей А. Л., начиная съ 1884 по 1896 г., получилъ магистерскую степень

---

[1]) Въ 1874 г. И. С. Якимова, А. Ѳ. Гусева; въ 1875 г. М. В. Симашкевича; въ 1879 г, свящ. Г. И. Титова, Н. М. Богородскаго, Ѳ. П. Елеонскаго, А. П. Мальцева, въ 1884 г. -Ѳ. А. Тихомирова, А. А. Бронзова.— Послѣ 1884 г. въ 1885 — И. Г. Троицкаго, И. Г. Рождественскаго, въ 1886 г.——А. С. Лебедева, въ 1887 г. іером. Антонія (Храповицкаго), въ 1888 г.—Д. И. Тихомирова и И. А. Орлова. Причисляемъ сюда послѣднія три диссертаціи потому, что авторы ихъ окончили академическій курсъ: Д. И. Тихомировъ въ 1881 г., а іером. Антоній (Храп.) и И. А. Орловъ въ 1885 г.

[2]) Въ 1873 г. Н. А. Скабалановича, въ 1875 г.—С. В. Кохомскаго, въ 1879 — М. В. Чельцова, В. В. Болотова, 1881 г. — Д. Н. Дубакина, И. С. Пальмова, А. П. Лопухина, В. Х. Преображенскаго, В. И. Жмакина, въ 1883 г.—С. А. Соллертинскаго, П. Н. Жуковича, А. И. Садова, В. З. Завитневича, въ 1884 г.—Г. Е. Трусмана.—Послѣ 1884 г. въ 1886 г.—Г. В. Мирковича, въ 1888 г. іером. Михаила (Грибановскаго) и въ 1889 г.—Н. С. Соколова. Мирковичь окончилъ курсъ въ 1878 г., а іером. Михаилъ (Грибановскій) и Соколовъ въ 1884 году.

[3]) Въ 1880 г.—П. В. Покровскаго, въ 1886 г. — А. И. Пономарева и въ 1888 г.—И. И Панова, окончившаго курсъ въ 1871 г.

[4]) Если включить сюда диссертацію И. В. Морева („Камень вѣры Стефана Яворскаго"), окончившаго курсъ въ 1885 г. Эта диссертація, написанная на данную мною тему и мною одобренная, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ явилась въ свѣтъ очень поздно и защищена уже при моемъ преемникѣ по каѳедрѣ, въ 1904 г.

[5]) „Церк. Вѣстн." 1913 №№ 46. 47.

за диссертацію на догматическую тему только одинъ—покойный проф. Е. П. Аквилоновъ» [1]). «Этотъ фактъ, ясно показывая, что при благопріятствующихъ условіяхъ А. Л. обладалъ высокимъ талантомъ пробуждать въ своихъ слушателяхъ богословскую мысль и вдохновлять ихъ на трудныя научныя изслѣдованія догматическихъ вопросовъ, свидѣтельствуетъ, къ прискорбію, также и о томъ, насколько упраздненіе спеціальностей, произведенное уставомъ 1884 г., гибельно отразилось на богословской мысли и ученой продуктивности питомцевъ Академіи».

Докторскія диссертаціи и публичная ихъ защита. За этотъ періодъ времени явилось 9 диссертацій на степень доктора богословія, именно—орд. профессоровъ: И. В. Чельцова («Древнія формы символа вѣры» 1870 г.), И. А. Чистовича («Древне-греческій міръ и христіанство въ отношеніи къ безсмертію души и будущей жизни», 1871 г.), Е. И. Ловягина («Объ отношеніи писателей классическихъ и библейскихъ по воззрѣнію христіанскихъ апологетовъ», 1872 г.), экстр. профессоровъ: И. Ѳ. Нильскаго («Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ», 1870 г.), М. О. Кояловича («Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ», 1874 г.), И. Е. Троицкаго («Изложеніе вѣры армянской, начертанное Нерсесомъ, католикос. армян.», 1875 г.), А. Л. Катанскаго («Догм. ученіе о семи церк. таинствахъ въ твореніяхъ древнѣйшихъ отц. и писат. церк. до Оригена включ.» 1877 г.), Ѳ. Г. Елеонскаго («Исторія израильскаго народа въ Египтѣ», 1884 г.) и доцента Н. А. Скабалановича («Византійское государство и церковь отъ смерти Василія Болгаробойцы до воцаренія Алексѣя Комнина», 1884 г.). Диспутами Ѳ. Г. Елеонскаго и Н. А. Скабалановича закончилась публичная защита докторскихъ диссертацій; уставъ 1884 г. отмѣнилъ ее и съ тѣхъ поръ, вотъ уже 30 лѣтъ, не слышатся, къ сожалѣнію, ученыя состязанія наиболѣе зрѣлыхъ академическихъ силъ.

Между тѣмъ, эти докторскіе диспуты представляли очень много интереснаго и поучительнаго для собиравшейся на нихъ многочисленной и разнообразной публики. Далеко не безполезны они были и для самихъ академическихъ преподавателей, пріучая ихъ къ публичнымъ выступленіямъ и давая имъ лиш-

---

[1]) Да и то, какъ увидимъ далѣе, послѣ тяжелой исторіи и послѣ уже моей отставки.

ній къ тому случай. Нужно замѣтить, что наша духовная среда всегда отличалась болѣе, чѣмъ скромностью, желаніемъ держать себя какъ можно болѣе въ тѣни. А потому намъ приходилось немало поработать надъ собою, чтобы оказаться на высотѣ положенія.

На первомъ диспутѣ (докторскомъ—проф. И. В. Чельцова) мнѣ пришлось быть дѣйствующимъ лицомъ, въ качествѣ одного изъ офиціальныхъ оппонентовъ; другимъ былъ проф. И. Е. Троицкій. Это былъ самый первый диспутъ въ нашей академіи, не только на степень доктора богословія, но и вообще,—магистерскихъ до него не было. Неудивительно, что я оказался неважнымъ оппонентомъ; тутъ сказалась наша неподготовленность къ публичнымъ выступленіямъ вообще и нѣкоторыя личныя мои особенности въ частности. Застѣнчивый, не привыкшій говорить въ общественныхъ собраніяхъ, я составилъ предварительно рядъ рѣчей, въ сущности недурныхъ, которыя достопочтенный диспутантъ, мой бывшій уважаемый наставникъ, выслушивалъ, и отвѣчалъ на нихъ собственными рѣчами,—въ свойственномъ ему докторальномъ тонѣ,—мало относящимися къ предмету моихъ возраженій. Въ сущности мы оба другъ друга не слушали, а продолжали говорить каждый свое. Результатомъ было то, что въ газетныхъ отчетахъ (напр. въ газ. «Голосъ», гдѣ сотрудничали наши бывшіе воспитанники П. И. Нечаевъ и А. Н. Надеждинъ) моя оппозиція подверглась невыгодной для меня критикѣ. Изъ другихъ докторскихъ диспутовъ наиболѣе интересными были: М. О. Кояловича, И. Ѳ. Нильскаго и И. Е. Троицкаго. Замѣчательно, что посѣтителей на диспутахъ было множество и не только изъ числа интеллигенціи, но и изъ простого народа; залъ академическихъ торжественныхъ собраній всегда былъ совершенно полонъ. Въ обществѣ слышались очень одобрительные отзывы о нашихъ диспутахъ, въ смыслѣ признанія серьезности и интереса преній.

Мой собственный докторскій диспутъ, 5 іюня 1877 г., прошелъ для меня также невыгодно. Я былъ страшно утомленъ трудами по составленію и печатанію своего сочиненія «Догматическое ученіе о семи церковныхъ таинствахъ въ твореніяхъ св. отцевъ»..., и хотя офиціальный отзывъ разсматривавшихъ мое сочиненіе лицъ, будущихъ моихъ оппонентовъ (экстр. проф. И. Т. Осинина и приватъ-доцента А. А. Приселкова) былъ весьма для меня лестный и вполнѣ успокои-

тельный [1]), тѣмъ не менѣе крайняя усталость, усугублявшая мою природную нервность и застѣнчивость, сдѣлала то, что я былъ крайне вялымъ, едва держался на ногахъ, былъ на каѳедрѣ похожъ на живого мертвеца и потому не показалъ себя публикѣ съ выгодной для себя стороны, хотя возраженія далеко не были вѣскими. Кромѣ офиціальныхъ, другихъ оппонентовъ не было. Послѣ диспута, когда на квартиру ко мнѣ явился мой тесть прот. І. В. Васильевъ (вмѣстѣ съ ректоромъ І. Л. Янышевымъ), чтобы раздѣлить со мною предложенную скромную трапезу, онъ резюмировалъ свои впечатлѣнія отъ диспута въ слѣдующихъ памятныхъ для меня словахъ: «на каѳедрѣ вы были изъ рукъ вонъ плохи; если бы я былъ на вашемъ мѣстѣ и зналъ хотя бы половину того, что вы знаете по этому предмету, я разнесъ бы своихъ оппонентовъ», что, замѣчу отъ себя, нисколько неудивительно—при его необыкновенномъ дарѣ слова, громадномъ навыкѣ къ публичнымъ выступленіямъ, большомъ самообладаніи и находчивости. А неожиданно явившійся изъ заграницы мой своякъ, тогда настоятель нашей церкви въ г. Ниццѣ, прот. В. И. Левицкій, бывшій также на моемъ диспутѣ, человѣкъ очень остроумный, выразилъ свои впечатлѣнія въ слѣдующемъ замѣчательномъ изреченіи: «горекъ ученый хлѣбъ»!—очевидно сравнивая ученую службу съ пріятною, обезпеченною и сравнительно легкою службою заграничнаго священника. Невольно напрашивается мысль порекомендовать это очень вѣрное изреченіе вниманію тѣхъ лицъ, которыя любятъ критиковать диссертаціи профессоровъ и совершенно не замѣчаютъ труднаго, тернистаго, далеко не усыпаннаго розами пути ученыхъ тружениковъ... На моемъ диспутѣ не было ни одного изъ представителей высшей церковной

[1]) Вотъ что они писали въ своемъ представленіи въ богословское отдѣленіе, заслушанномъ въ совѣтѣ (засѣд. 26 мая 1877 г.): „Изслѣдованіе автора составляетъ весьма добросовѣстный и притомъ самостоятельный трудъ по вопросу, почти не затронутому нашею богословскою литературою. Строго научный пріемъ въ раскрытіи предмета на основаніи первыхъ источниковъ, самостоятельность и оригинальность многихъ выводовъ, критическое отношеніе къ западно-христіанскимъ теоріямъ и мнѣніямъ, послѣдовательная систематическая группировка предмета и наконецъ ясное, простое и правильное изложеніе,—таковы достоинства, которыя даютъ ученому изслѣдованію А. Л. К—го право занять видное мѣсто въ нашей ученo-богословской литературѣ и, по нашему убѣжденію, вполнѣ удовлетворяютъ условіямъ докторской диссертаціи“.

іерархіи, по случаю лѣтняго времени (5 іюня). Обыкновенно они бывали въ немаломъ количествѣ, во главѣ съ митр. Исидоромъ или кѣмъ либо изъ членовъ Св. Синода. На сей разъ не было ни одного даже простого епископа, такъ что предсѣдательствовалъ (рѣдкій случай!) на диспутѣ ректоръ академіи І. Л. Янышевъ. Изъ свѣтскихъ посѣтителей помню министра Народнаго Просвѣщенія И. Д. Делянова, директ. Публ. Библ. А. Ѳ. Бычкова и сербскаго посланника (кажется, Протича).

Почему и какъ я остановился на такой темѣ для докторской диссертаціи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ вводитъ въ исторію моего богословскаго развитія, внутреннихъ моихъ переживаній, съ которыми считаю не лишнимъ познакомить читателей.

Въ точномъ соотвѣтствіи съ уставомъ 1869 г., по которому «догматическое богословіе» полагалось «съ историческимъ изложеніемъ догматовъ», [1]) мои занятія распадались на три части: 1) изложеніе системы догматическаго богословія, 2) историческое изложеніе догматовъ въ періодъ библейскій и 3) въ періодъ патристическій, святоотеческій.

На занятія по системѣ догм. богословія я вызванъ былъ моими слушателями, студентами. Какъ-то разъ, помнится въ 1871 г., среди практическихъ занятій на IV курсѣ, одинъ изъ группы студентовъ (именно А. Ѳ. Гусевъ, впослѣдствіи проф. Казанской Академіи) говоритъ мнѣ: «все это хорошо и интересно то, чѣмъ вы насъ занимаете, по части исторіи догматовъ, но вѣдь намъ придется служить въ семинаріяхъ, гдѣ мы будемъ имѣть дѣло ближайшимъ образомъ съ системою догм. бог., а потому намъ хотѣлось бы, чтобы вы предложили чтенія и по систематическому изложенію догматическаго ученія православной церкви, кромѣ исторіи догматовъ». Наши догмат. системы (пр. Макарія и Филарета черниг.), очевидно ихъ не удовлетворяли. На слѣдующій же годъ я приступилъ къ этого рода чтеніямъ, на II, III курсахъ, параллельно съ чтеніями по исторіи догматовъ. При изложеніи системы догм. богословія старался преимущественно обнять весь кругъ догматическихъ ученій и выяснить взаимную ихъ связь, не оста-

---

[1]) По всей вѣроятности, эта прибавка—„съ историч. излож. догм."—въ уставѣ была сдѣлана, главнымъ образомъ, по настоянію прот. І. Л. Янышева и прот. І. В. Васильева. Съ ними у меня было немало разговоровъ на эту тему. А если такъ, то чрезъ ихъ посредство, не перепала ли и на мою долю нѣкая малая капля участія въ этомъ дѣлѣ?

навливаясь на подробномъ обоснованіи ихъ на авторитетахъ Св. Писанія и церковнаго преданія (это входило у меня въ кругъ чтеній другого рода—по историч. изложенію догматовъ въ періоды библейскій и святоотеческій), а также—указать желательную постановку разныхъ отдѣловъ науки и т. п. Эти чтенія студентамъ очень нравились, такъ что разъ они выразили мнѣ свое сочувствіе даже аплодисментами [1]).

Но все-таки преимущественное мое вниманіе было направлено на историческое изложеніе догматовъ и притомъ въ равной мѣрѣ на оба періода — библейскій и святоотеческій, чему соотвѣтствовали и два ряда отдѣльныхъ параллельныхъ чтеній. Святоотеческимъ богословствованіемъ я тогда еще не былъ увлеченъ всецѣло, какъ впослѣдствіи. Вотъ почему сначала (около 1872 г.) я остановился было, въ поискахъ темы для диссертаціи, на библейскомъ періодѣ, задумалъ дать изложеніе догматическихъ данныхъ въ Св. Писаніи Новаго Завѣта, имѣя въ виду представить опытъ, такъ называемаго, на Западѣ, «библейскаго богословія» или «библейской догматики», но, конечно, въ православномъ духѣ и пониманіи, съ опроверженіемъ протестантскихъ теорій и въ особенности—отрицательной нѣмецкой критической школы. Началъ предварительныя работы и плодомъ ихъ были двѣ большія статьи, напечатанныя въ «Христ. Чтен.» (1872 г.), подъ заглавіемъ: «Объ изученіи библейскаго новозавѣтнаго періода въ историко-догматическомъ отношеніи» [2]). Эти статьи, по моей мысли, должны были служить введеніемъ къ моей диссертаціи. Но то, что я услышалъ по ихъ напечатаніи, совершенно охладило меня. Одинъ изъ благожелательныхъ моихъ сослуживцевъ (проф. И. Ѳ. Нильскій) замѣтилъ мнѣ, что отъ моихъ статей нѣсколько попахиваетъ протестантизмомъ и что если я думаю

[1]) Замѣчательно, однако, что это своего рода новаторство въ постановкѣ чтеній по системѣ догм. бог. не обошлось для меня безъ нѣкоторыхъ непріятностей. На первомъ же экзаменѣ предсѣдатель коммиссіи проф. И. А. Чистовичъ и экстр. проф. И. Т. Осининъ, ассистентъ, сдѣлали мнѣ много возраженій и даже несправедливыхъ, какъ мнѣ казалось, придирокъ, и это во время студенческихъ отвѣтовъ, въ присутствіи всѣхъ студентовъ, что очень меня разсердило. Они видимо разыгрывали роль экзаменаторовъ старыхъ временъ, когда экзамены имѣли значеніе испытаній не только для студентовъ, но и для преподавателей.

[2]) А передъ тѣмъ мною напечатана, въ томъ же „Христ. Чтен.“ (1871 г.), общая, такъ сказать, руководительная статья—„Объ историческомъ изложеніи догматовъ“.

писать диссертацію на означенную тему, то она навѣрное не пройдетъ. Не смотря на глубокое мое убѣжденіе въ неосновательности высказанныхъ подозрѣній относительно протестантскихъ на меня вліяній, я однако убѣдился въ несвоевременности моего предпріятія и началъ искать темы въ другой области—въ періодѣ святоотеческаго раскрытія догматовъ. Святоотеческою письменностью я также уже и тогда былъ очень заинтересованъ, направляя свои изслѣдованія (въ классныхъ чтеніяхъ) на обличеніе неправды западныхъ теорій отрицательной нѣмецкой критики, пытавшейся представить исторію раскрытія догматовъ въ этотъ періодъ, какъ процессъ постепеннаго образованія, наростанія совершенно будто бы новыхъ ученій, не имѣвшихъ ничего общаго съ ученіемъ Христа Спасителя. Въ этой области я началъ искать темы для своей диссертаціи. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній остановился на вопросѣ о седмеричномъ числѣ церковныхъ таинствъ. Вполнѣ сознавалъ громадную трудность строго научно, путемъ безпристрастнаго историческаго изслѣдованія, оправдать ученіе православной церкви относительно этого предмета; главное, что смущало, это—появленіе въ очень позднее время (около XII, XIII в.) догматической формулы: «таинствъ церковныхъ семь». То же говорили мнѣ и другіе, близкіе мнѣ люди и мои сослуживцы, знавшіе объ избранной мною темѣ: я ни для кого не дѣлалъ изъ нея тайны, хотя многіе предпочитали въ то время молчаніе относительно предмета готовившихся диссертацій. Не было буквально около меня ни одного человѣка, который бы одобрилъ и ободрилъ меня въ принятомъ мною намѣреніи; всѣ безъ исключенія единогласно меня осуждали и даже жалѣли. Въ моемъ упорствѣ поддерживало меня наблюденіе, сдѣланное среди занятій по изученію исторіи догматовъ, именно, что образованіе точныхъ формулъ даже относительно такихъ догматовъ, какъ—о Св. Троицѣ и Лицѣ І. Христа, какъ Богочеловѣка, послѣдовало сравнительно поздно, нѣсколько столѣтій спустя послѣ начала христіанской Церкви, жившей однако всегда твердою вѣрою въ эти божественныя истины и тогда, когда не было внѣшней, твердо установившейся ихъ оболочки. То же, думалъ я, навѣрное было и съ ученіемъ о церковныхъ таинствахъ. Однако, легко было предположить, но далеко не легко было строго научнымъ путемъ оправдать предположеніе. Долго шелъ ощупью, пока не открылся во всей ясности путь, по которому прошло раскрытіе этого пункта

догматическаго ученія; живо помню тотъ по истинѣ счастливый день, когда въ концѣ уже работы (живя на дачѣ, въ Гатчинѣ, вѣроятно въ 1875 г.) могъ свести концы съ концами и, обозрѣвая длинный пройденный путь, въ несказанной радости воскликнулъ: ура! виденъ берегъ.

Мои занятія по составленію диссертаціи имѣли для меня огромное значеніе. Они вполнѣ открыли для меня богатую сокровищницу святоотеческой письменности, привели меня къ богатѣйшему, неисчерпаемому источнику по истинѣ живой воды, сравнительно съ которою западные нѣмецкіе источники оказались жалкими скопленіями болотной мути, заставили меня всѣмъ сердцемъ полюбить святоотеческія творенія и видѣть въ нихъ единственное средство, чтобы оживить нашу вялую и скудную богословскую мысль. Среди изученія святоотеческихъ твореній завершилось мое богословское развитіе. Окончаніе же труда доставило чувство удовлетворенія, принесло сознаніе окончательной побѣды надъ протестантскими теоріями въ самомъ, казалось, крѣпкомъ ихъ пунктѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ—оправданіе метода и направленія всѣхъ моихъ историко-догматическихъ чтеній, проникнутыхъ тѣми же тенденціями, что и въ диссертаціи. Так. обр. моя диссертація имѣла для меня несравненно болѣе важное значеніе, чѣмъ простое средство получить высшую ученую степень; рѣшался вопросъ о томъ, «быть или не быть» мнѣ въ будущемъ на каѳедрѣ догм. богословія.

Всѣмъ членамъ Св. Синода были, по обычаю, лично представлены мною экземпляры книги въ хорошихъ переплетахъ. Всѣ они благосклонно приняли и меня и мое приношеніе. Владыка митр. Исидоръ разсказалъ при этомъ, какъ рѣшаются догматическіе вопросы въ Англіи. «Вотъ вы, говорилъ онъ, изучали св. отцевъ и вообще немало поработали надъ диссертаціею, а въ Англіи догматическіе вопросы рѣшаются гораздо скорѣе и проще. Разъ возникъ тамъ какой-то вопросъ о крещеніи. Не задумываясь надъ нимъ долго, преспокойно рѣшили передать его въ парламентъ на рѣшеніе». Весьма любезно принялъ меня также и пр. Макарій (Булгаковъ, въ то время, архіеп. литовскій). Онъ припомнилъ мою статью—«Объ историческомъ изложеніи догматовъ», замѣтилъ, что одобряетъ этотъ методъ, что онъ самъ теперь не въ курсѣ движенія литературы по догматическому богословію и занятъ трудами по русской церковной исторіи. «Завтра, сказалъ онъ въ заключе-

ніе, ѣду въ Вильну и дорогой постараюсь познакомиться съ вашимъ сочиненіемъ, появленіе котораго съ удовольствіемъ привѣтствую». Былъ вообще очень со мною любезенъ и на прощанье крѣпко пожалъ мою руку. Памятны еще визиты протопресв. В. Б. Бажанову и архіеп. воронежскому Серафиму (Аретинскому) [1]), бывшему въ родствѣ, не очень впрочемъ близкомъ, съ моимъ тестемъ, прот. І. В. В. Преосв. Серафимъ очень совѣтовалъ мнѣ принять священство, къ чему, замѣтилъ онъ, очень располагаетъ и самый предметъ моихъ академическихъ чтеній.

Кромѣ 9-ти докторовъ богословія предполагались еще 3 докторства: 1) ректора академіи прот. І. Л. Янышева, 2) ректора петроградской семинаріи архим. Хрисанѳа (Ретивцева) и 3) митрополита Исидора, но по разнымъ причинамъ эти докторства не состоялись.

Въ 1872 г., послѣ годичнаго временнаго увольненія отъ должности ректора (съ 12 ноября 1871 г.) [2]), для поправленія здоровья (офиціальный мотивъ), а на самомъ дѣлѣ для составленія докторской диссертаціи, ректоръ прот. І. Л. Янышевъ представилъ, въ рукописи, въ совѣтъ сочиненіе подъ заглавіемъ—«Состояніе ученія о совѣсти, свободѣ и благодати и попытка къ разъясненію этого ученія». Въ этомъ соч. между прочимъ содержалась довольно рѣзкая критика нашихъ такъ называемыхъ символическихъ книгъ (Прав. Испов., катихизиса и др.) и подвергался сомнѣнію ихъ авторитетъ въ отношеніи къ рѣшенію затронутыхъ вопросовъ. Въ богословскомъ отдѣленіи, куда поступила рукопись на разсмотрѣніе, обращено было на означенный пунктъ усиленное вниманіе, при чемъ въ особенности налегалъ на эту сторону сочиненія тогдашній предсѣдатель отдѣленія, помощникъ по нему ректора, проф. И. А. Чистовичъ, находя большія неудобства къ пропуску сочиненія. Почему-то онъ сразу всталъ въ довольно неблагожелательныя отношенія къ ректору [3]), ловко пустилъ

[1]) Серафимъ Аретинскій. орлов., 1-й маг. VIII к. кіев. акад., 1842 г.—инсп. казан. акад., 1846—рект. кавказ. сем., 1848—могил., 1852—херсон., 1858—тамб., 1860—еписк. чигирин., 1865—воронеж., 1871—архіепископъ.

[2]) Исполненіе обязанностей ректора за это время возложено было на старшаго изъ помощниковъ ректора проф. В. И. Долоцкаго [(пом. ректора по церковно-практ. отд.), который и исправлялъ должность ректора съ большимъ тактомъ и опытностью.

[3]) Почему это случилось? Есть основаніе думать, что тутъ отразилось чувство обиды за отношеніе ректора къ прежней исторіи академіи

мысль о «несовпаденіи» основной мысли диссердаціи съ существующими воззрѣніями относительно символическихъ книгъ и упорно настаивалъ на этомъ своемъ изобрѣтеніи. Сверхъ того, какъ философъ, склонный къ подозрительности и чтенію между строкъ, не безъ осторожности впрочемъ, намекалъ, что въ диссертаціи не все благополучно и относительно нѣкоторыхъ другихъ мыслей. Помнится, напримѣръ, онъ обращалъ вниманіе на такія выраженія въ сочиненіи, что І. Христосъ есть «идеалъ нравственности»; подобныя выраженія казались ему почему-то подозрительными (?!), чуть ли не отзывающимися раціонализмомъ и вліяніемъ нѣмецкой отрицательной критики. Далеко не всѣ члены отдѣленія были согласны съ своимъ предсѣдателемъ, однако его настойчивость производила свое впечатлѣніе и все дѣло кончилось тѣмъ, что богословское отдѣленіе сдѣлало въ совѣтъ представленіе въ томъ смыслѣ, что хотя считаетъ представленное сочиненіе удовлетворительнымъ для степени доктора богословія, но не скрываетъ встрѣчающихся при этомъ затрудненій, въ виду «несовпаденія» и т. д. Совѣту не оставалось ничего другого, какъ представить въ Св. Синодъ сочиненіе на разсмотрѣніе—въ виду некомпетентности академическаго совѣта для рѣшенія такого вопроса, какъ вопросъ о символическихъ книгахъ православной церкви, что совѣтъ и сдѣлалъ. Такъ закончилось это щекотливое, крайне непріятное для академіи дѣло. Къ сожалѣнію, родная Академія такъ и не собралась загладить, даже и впослѣдствіи, свою вину предъ бывшимъ приснопамятнымъ своимъ ректоромъ, и по выходѣ капитальнаго его, доселѣ лучшаго по нравственному богословію, труда—«Православное христіанское ученіе о нравственности» (Москва 1888 г. 1-е изд.) [1]), а предоставила честь возведенія о. І. Л. Янышева на степень доктора богословія Казанской дух. Академіи,

---

(см. выше). Помнится, старшіе профессоры сравнивали новаго ректора съ прежними, которые успѣвали дескать составлять цѣлыя системы наукъ (напр. пр. Макарій Булгаковъ), не беря отпуска и т. д. При этомъ сказались, быть можетъ, нѣкоторыя вліянія изъ круга лицъ высшаго придворнаго духовенства, въ среду которыхъ (протопр. В. Б. Бажановъ и прот. И. В. Рождественскій) клиномъ вдавался прот. І. Л. Янышевъ, какъ духовникъ Цесаревны Маріи Θеодоровны. Впрочемъ, можетъ быть, я грѣшу излишними и неосновательными подозрѣніями.

[1]) Издано оно не самимъ о. І. Л. Янышевымъ, а бывшимъ его слушателемъ, проф. Казанской Академіи, А. Θ. Гусевымъ, по сохранившимся у него записямъ академическихъ лекцій о. І. Л. Ян—ва.

которая и присудила ему эту степень въ 1899 г., т. е. спустя 26—27 лѣтъ послѣ описанной исторіи. «Прав. христ. ученіе о нравственности» представляетъ переработку, правда капитальную, и обоснованіе тѣхъ взглядовъ, которые проводились въ рукописномъ, вышеупомянутомъ соч. «Состояніе ученія о совѣсти», и пр. Нѣтъ, однако, худа безъ добра. Явись тогда въ 1872 г., въ печати рукописное сочиненіе, можетъ быть, мы не имѣли бы такого выдающагося труда, какъ «Прав. христ. ученіе о нравственности», а получили бы менѣе зрѣлое сочиненіе, составленное на-спѣхъ, для удовлетворенія требованія устава 1869 г. о необходимости для ординарныхъ профессоровъ имѣть степень доктора богословія [1]). Для полученія этой степени для наличныхъ орд. профессоровъ назначенъ былъ трехлѣтній срокъ.

Нѣчто подобное исторіи съ докторствомъ І. Л. Янышева случилось и съ докторствомъ тогдашняго ректора Петроградской семинаріи, архим. Хрисанѳа (Ретивцева). Представленный имъ, въ 1873 г., въ качествѣ докторской диссертаціи 1-й томъ «Исторіи древнихъ религій» встрѣтилъ строгую критику тогдашняго преподавателя основного богословія, доцента Н. П. Рождественскаго, который, не отрицая нѣкоторыхъ достоинствъ сочиненія, въ особенности блестящаго изложенія и нѣкоторыхъ другихъ, находилъ однако, что этотъ трудъ имѣетъ мало самостоятельности, состоитъ въ большой зависимости отъ нѣкоторыхъ выдающихся западныхъ сочиненій этого рода, въ особенности отъ одного изъ нихъ. Тѣмъ не менѣе отдѣленіе признало сочиненіе удовлетворительнымъ въ качествѣ докторской диссертаціи и въ этомъ смыслѣ сдѣлало представленіе въ совѣтъ, а совѣтъ постановилъ «допустить автора къ публичной защитѣ». Но тутъ случилось нѣчто до сихъ поръ несовсѣмъ разъясненное. Митр. Исидоръ почему-то не допустилъ автора до защиты, диспутъ не состоялся, и архим. Хрисанѳъ докторской степени тогда не получилъ. Произошло это въ виду, вѣроятно, главнымъ образомъ указанныхъ выше дефектовъ сочиненія, а также положенія автора, какъ ректора семинаріи, которому, въ случаѣ диспута, пришлось бы вы-

[1]) Повидимому самъ І. Л. Янышевъ не особенно желалъ появленія своего труда въ печати, Это видно изъ неоднократныхъ его (въ конфиденціальныхъ бесѣдахъ) заявленій, что „едва ли совѣтъ академіи въ состояніи рѣшить вопросъ объ его диссертаціи, безъ представленія ея въ Св. Синодъ на предварительное разсмотрѣніе“.

слушивать на каѳедрѣ не совсѣмъ лестныя для себя замѣчанія, а можетъ быть и отъ какихъ нибудь еще другихъ причинъ и соображеній, напр. вслѣдствіе замѣтнаго нерасположенія митр. Исидора къ архим. Хрисанѳу, или хотя бы за компанію съ только что забракованнымъ предъ тѣмъ сочиненіемъ ректора академіи, о. І. Л. Ян—ва. Судьба этихъ лицъ во многомъ сходна. Подобно о. І. Л. Янышеву и архим. Хрисанѳъ, впослѣдствіи, будучи уже нижегородскимъ епископомъ, въ 1878 г. получилъ докторство и также отъ Казанской Академіи за 3 тома своей «Исторіи древнихъ религій», слѣд. гораздо ранѣе нашего бывшаго ректора (—въ 1899 г.).

Наконецъ, предполагалось присудить степень доктора богословія митр. Исидору за его труды по переводу и изданію перевода всѣхъ священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта на русскій языкъ. Предложеніе объ этомъ послѣдовало въ совѣтѣ (кажется въ 1875—6 году) отъ проф. И. В. Чельцова. Совѣтъ оказался въ затруднительномъ положеніи. Съ одной стороны онъ сознавалъ важное значеніе факта завершенія длинной и тяжелой исторіи перевода всѣхъ священныхъ книгъ на современный русскій языкъ, признавалъ и то, что этотъ благополучный исходъ весьма много обязанъ мудрости и настойчивости первенствующаго члена Св. Синода, митр. Исидора, участвовавшаго и непосредственными личными трудами въ дѣлѣ перевода нѣкоторыхъ книгъ Св. Писанія, но съ другой стороны сознавалъ, что весь этотъ трудъ все-таки не единоличное дѣло владыки, что онъ во всякомъ случаѣ представляетъ коллективную работу, что наконецъ очень щекотливо присуждать высшую ученую степень непосредственному своему начальнику, что есть опасность заслужить упреки со стороны общества, которое легко можетъ усмотрѣть въ положительномъ совѣтскомъ рѣшеніи captatio benevolentiae. Въ такомъ смыслѣ и направленіи сказалъ блестящую рѣчь проф. М. О. Кояловичъ, отличавшійся строгостью принциповъ и замѣчательнымъ искуствомъ слова. Въ видѣ справки проф. И. А. Чистовичъ прибавилъ, что окончательную, такъ сказать, отвѣтственную корректуру по печатанію Свящ. Книгъ держалъ Духовникъ Ихъ Величествъ, протопресвитеръ и членъ Св. Синода, В. Б. Бажановъ. Послѣ такихъ разсужденій совѣтъ, очень ревниво оберегавшій свою добрую славу и не практиковавшій вошедшее потомъ въ обычай присужденіе высшей ученой степени за «совокупность ученыхъ трудовъ», безъ наличія отдѣльной

докторской диссертаціи [1]), не безъ искренняго сожалѣнія склонился къ отрицательному рѣшенію вопроса о присужденіи степени доктора богословія митр. Исидору. Безъ сомнѣнія, все это сдѣлалось извѣстно нашему доброму, великодушному владыкѣ, но онъ ни однимъ словомъ не выразилъ совѣту своего неудовольствія и рѣшительно ничѣмъ не проявилъ своего нерасположенія къ главному виновнику такого рѣшенія совѣта, проф. М. О. Кояловичу, хотя послѣдній очень этого опасался, что не разъ и высказывалъ въ нашихъ частныхъ съ нимъ бесѣдахъ. По истинѣ характерная для того времени и весьма поучительная для послѣдующихъ временъ исторія! Да, были люди въ это время... и хотѣлось бы прибавить дальнѣйшія слова поэта...

Участіе въ тогдашнихъ религіозно-общественныхъ движеніяхъ. Въ описываемый періодъ времени оживленіе дѣятельности Петроградской дух. Академіи сказалось дѣятельнымъ участіемъ ея представителей въ тогдашнихъ религіозно-общественныхъ движеніяхъ.

Въ возникшемъ тогда (1872 г.), «петроградскомъ отдѣлѣ общества любителей духовнаго просвѣщенія», подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина Николаевича [2]), при предсѣдателѣ ген. адъютантѣ Н. В. Зиновьевѣ (бывш. воспитателѣ Царскихъ дѣтей), приняли дѣятельное участіе многіе изъ членовъ нашей академіи, въ качествѣ или членовъ совѣта общества (прот. І. Л. Янышевъ, проф. И. Т. Осининъ) [3]),

---

[1]) Сколько помнится, такой обычай началъ практиковаться въ нашей академіи уже послѣ моей отставки, т. е. послѣ 1896 г. Первымъ такимъ случаемъ было, вполнѣ впрочемъ заслуженное, присужденіе докторской степени проф. прот. П. Ѳ. Николаевскому въ 1897 г., а потомъ проф. В. В. Болотову, кажется также въ этомъ году.

[2]) Вел. князь Константинъ Николаевичъ былъ большимъ любителемъ богословія. Тогда острили, что адмиралъ флота занимается богословіемъ, а митрополитъ (московскій Иннокентій Веніаминовъ), предсѣдатель комитета по добровольному флоту, командуетъ флотомъ. Митр. Иннокентій, знаменитый апостолъ Сибири, Камчатки и Алеутскихъ острововъ, родомъ изъ Иркутска, семинарскаго образ., иркутской сем. 1817 г., священникъ (1821), протоіерей (1839), архимандритъ (1840), епископъ камчатскій (1840), архіепископъ (1850), митрополитъ московскій (1868)—преемникъ митр. Филарета (Дроздова).

[3]) Кромѣ нихъ членами совѣта были: прот. І. В. Васильевъ, кн. Д. А. Оболенскій, Б. П. Мансуровъ (членъ Госуд. Сов.) и А. Ѳ. Гильфердингъ. Затѣмъ—К. П. Побѣдоносцевъ (тогда Чл. Госуд. Совѣта, но еще не Об. Прок. Св. Синода), Т. И. Филипповъ и главн. свящ. арміи и

или членовъ учредителей (кромѣ ректора прот. І. Л. Янышева и проф. Осинина, проф. И. А. Чистовичъ, И. В. Чельцовъ, М. О. Кояловичъ, А. Л. Катанскій, И. Е. Троицкій), или дѣйствительныхъ членовъ, проф. И. Ѳ. Нильскій, Т. В. Барсовъ, Н. П. Рождественскій.

Всѣ эти лица академическаго братства заявили себя немалыми трудами на пользу общества духовнаго просвѣщенія, въ особенности по вопросамъ: старокатолическому, объ единовѣріи и раскольникахъ, нынѣ именуемыхъ старообрядцами. Прежде всего чрезъ нихъ общество вошло въ дѣятельныя сношенія съ старокатоликами. На старокатолическихъ конференціяхъ почти неизмѣнно представителями общества являлись члены академической корпораціи. На первой, въ Кельнѣ, 1872 г., ректоръ прот. І. Л. Янышевъ, вмѣстѣ съ секретаремъ общества полк. А. А. Кирѣевымъ, на третьей [1], въ Боннѣ 1874 г. онъ же съ проф. И. Т. Осининымъ, на четвертой, также въ Боннѣ, 1875 г., опять прот. І. Л. Янышевъ съ тѣмъ же проф. И. Т. Осининымъ.

По этому случаю было читано въ обществѣ немало сообщеній, отчетовъ о заграничныхъ поѣздкахъ, и разнаго рода рефератовъ. Между прочимъ, въ самомъ началѣ дѣятельности общества (началось оно съ 25 марта 1872 г.) пришлось мнѣ, 29 ноября того же года, выступить съ рефератомъ: «Краткій очеркъ исторіи и характеристика попытокъ къ соединенію церквей греко-восточной и римско-католической за весь 8-вѣковый періодъ раздѣленія церквей» (напеч. въ полномъ видѣ въ протоколахъ общества). На это выступленіе подбилъ меня прот. І. В. Ва—въ. Онъ же далъ мнѣ и полезный совѣтъ, какъ читать мой довольно обширный рефератъ, рекомендуя сократить его, елико возможно, посвятить чтенію никакъ не болѣе получаса времени, ссылаясь на свое наблюденіе, добытое богатымъ его опытомъ, что многочисленное и разнородное собраніе не въ состояніи поддерживать свое вниманіе на болѣе продолжительное время. Много разъ приходилось мнѣ убѣ-

---

флота П. Е. Покровскій (нѣкогда прот. моск. Архангельскаго Собора, см. юбилей Моск. Акад. гл. IV моихъ „Воспом."). Секретарь совѣта— А. А. Кирѣевъ, извѣстный потомъ генералъ, свѣтскій богословъ, плодовитый писатель и горячій поборникъ старокатоличества, весьма ему сочувствовавшій.

[1]) На второй конф., въ Констанцѣ, въ 1873 г., присутствовалъ прот. І. В. Васильевъ съ А. А. Кирѣевымъ.

ждаться въ справедливости этого совѣта и жалѣть нашихъ церковныхъ проповѣдниковъ, испытывающихъ терпѣніе слушателей своими неумѣренно продолжительными рѣчами. Скрѣпя сердце, какъ ни тяжело было урѣзывать, сокращать свою рукопись, я послѣдовалъ этому совѣту. Собраніе было очень многочисленное, въ залѣ географическаго общества, въ зданіи Минист. Народнаго просвѣщенія, было много лицъ изъ высшаго общества, привлеченныхъ, кажется, не столько интересомъ чтеній, сколько личностью присутствовавшаго здѣсь великаго князя Константина Николаевича. Мое чтеніе имѣло полный успѣхъ. Великій князь счелъ нужнымъ поощрить лектора апплодисментами, къ которымъ присоединилось и все собраніе.

Это было третье по счету мое публичное выступленіе, на сей разъ удачное. Первое, какъ помнятъ читатели,—на диспутѣ И. В. Чельцова, въ 1870 г., второе въ 1872 г. на годичномъ актѣ Академіи (17 февраля), при чемъ мнѣ пришлось составлять и читать въ торжественномъ собраніи годовой отчетъ отъ имени совѣта академіи о жизни и дѣятельности академіи за истекшій годъ. Позволю себѣ маленькое отступленіе отъ рѣчи объ общ. люб. дух. просвѣщенія. Въ 1872 г. нужно было составить первый нормальный годовой отчетъ по нашей Академіи. Въ 1871 г. читалъ его самъ ректоръ, но это была скорѣе рѣчь по случаю вступленія академіи въ 1869 г. на путь преобразованія, чѣмъ обычный годовой отчетъ. Мнѣ пришлось выработывать схемы и формы нормальнаго отчета и вложить въ нихъ содержаніе изъ сырого, даннаго секретаремъ совѣта матеріала. Новость и непривычность такой работы были причиною того, что мнѣ пришлось посвятить ей не менѣе двухъ недѣль усиленной работы, порядочно меня утомившей. Окончилось все, однако, очень благополучно. Отчетъ видимо понравился публикѣ и прочитанъ онъ былъ мною хорошо, съ большимъ подъемомъ и воодушевленіемъ; послѣдовали апплодисменты [1]).

Продолжаю рѣчь объ общ. люб. дух. просвѣщенія. Кромѣ

[1]) А почему выпала эта работа на мою долю, это объясняется тѣмъ, что я былъ тогда младшимъ членомъ совѣта, выбаллотированнымъ въ октябрѣ 1869 г. въ званіе экстр-профессора. На вновь произведенныхъ профессоровъ обыкновенно возлагался трудъ составленія или отчета или актовой рѣчи, какъ бы отплата совѣту за честь, которой извѣстное лицо удостоено избраніемъ въ члены совѣта.

вопроса о старокатоликахъ и соединеніи церквей подняты были вопросы о нашихъ русскихъ единовѣрцахъ, о возсоединеніи съ церковью нашихъ русскихъ раскольниковъ, наконецъ о нашей внутренней миссіи. Всѣ эти вопросы находились во внутренней, психологической связи и поднимались естественно, такъ сказать по ассоціаціи идей. Поборники соединенія насъ съ старокатоликами на равныхъ правахъ (одна точка зрѣнія), или присоединенія ихъ къ восточной православной церкви въ качествѣ православныхъ западнаго обряда (другая), или наконецъ безусловнаго присоединенія ихъ къ русской церкви съ принятіемъ и нашего обряда (третья точка зрѣнія) естественно вызывали въ нѣкоторыхъ изъ членовъ общества стремленіе къ возсоединенію съ церковію приверженцевъ нашего стараго русскаго обряда, прежде всего нашихъ русскихъ раскольниковъ, съ признаніемъ и принятіемъ (или безъ того и другого) австрійской ихъ іерархіи, а потомъ къ болѣе полному общенію и сліянію съ нами нашихъ единовѣрцевъ, къ уничтоженію изолированнаго и двусмысленнаго ихъ положенія, къ допущенію свободнаго перехода не только изъ единовѣрія, но и въ единовѣріе. Словомъ, поднята была масса весьма важныхъ и въ высшей степени интересныхъ вопросовъ.

Относительно старокатоликовъ много трудовъ посвящено было изслѣдованію догматическихъ разностей, наслѣдованныхъ старокатоликами отъ римской церкви (о Filioque и др.); указанію протестантскихъ вліяній на старокатоликовъ въ ученіи о церковныхъ таинствахъ, о почитаніи и призываніи святыхъ въ молитвахъ, о молитвахъ за умершихъ и пр., далѣе—вопросу о признаніи дѣйствительности старокатолической іерархіи, получившей начало отъ утрехтской (отдѣлившейся отъ римской церкви и не признаваемой ею), а также о томъ, насколько вся обрядовая сторона церковной жизни старокатоликовъ соотвѣтствуетъ духу православной церкви.

Когда отъ старокатоликовъ (которымъ *исключительно* было посвящено вниманіе и сочувствіе о. І. Л. Янышева и которымъ онъ остался вѣрнымъ до послѣднихъ дней своей жизни) переходили къ нашимъ старообрядцамъ, единовѣрцамъ и вообще къ нашей внутренней миссіи, настроеніе общества обострилось. Внутренніе церковные вопросы начали сильно волновать и были причиною раздѣленія, образованія двухъ сторонъ, горячо и даже страстно споровшихъ. На одной сто-

ронѣ стояли: прот. І. В. Васильевъ и профессоры Академіи, во главѣ съ знатокомъ раскола и старообрядства профессоромъ И. Ѳ. Нильскимъ, на другой—извѣстный расколофилъ Т. И. Филипповъ, самъ по матери примыкавшій къ расколу, въ то время начальникъ петроградской контрольной палаты, впослѣдствіи государственный контролеръ, по наружности—купеческой складки (съ остриженными въ кружокъ волосами), съ елейно-язвительной рѣчью. Къ нему примыкали свѣтскіе люди изъ общества, мало способные разбираться въ церковныхъ вопросахъ, частію же, по свойственному имъ индифферентизму, не признававшіе ихъ важности. Споръ сосредоточивался главнымъ образомъ около вопроса, какъ смотрѣть на дозволительность употребленія нашихъ старыхъ книгъ и обрядовъ, на анаѳему, изреченную на нихъ московскимъ соборомъ 1666 г., падала ли она на самые старые обряды или только на лицъ, обнаружившихъ тогда противленіе церковной власти и слѣдовательно карала собственно это противленіе нашихъ русскихъ раскольниковъ. Первое положеніе защищалъ Т. И. Филипповъ, настаивавшій на необходимости снятія соборныхъ клятвъ съ старыхъ обрядовъ, чрезъ торжественное соборное же опредѣленіе; вторую точку зрѣнія отстаивали его противники, не признававшіе необходимости новаго соборнаго обсужденія вопроса о старыхъ обрядахъ и потому не видѣвшіе никакого противорѣчія въ допущеніи у насъ единовѣрія, на что съ особенною силою напиралъ Т. И. Филипповъ. Разъ нѣкоторые изъ непокорныхъ когда-то церковной власти старообрядцевъ покорились ей, средостѣніе между ними и Церковью пало, и они могутъ, находясь въ единеніи съ нею, получая посвященныхъ нашими епископами священниковъ и діаконовъ, удерживать свои старые обряды и служить по старымъ книгамъ. Словомъ, обряды и соборныя клятвы тутъ не причемъ. Но Т. И. Фи—въ упорно стоялъ на своемъ. Немало было горячихъ преній, прочитано по этому предмету не мало рефератовъ въ 1873—4 годахъ (прот. І. В. Васильева, проф. И. В. Чельцова, И А. Чистовича и И. Ѳ. Нильскаго), возникла затѣмъ журнальная полемика, при чемъ Т. И. Филипповъ позволилъ себѣ въ газетахъ (помнится, между прочимъ, въ газ. «Гражданинъ», редакт. тогда Пуцыковичемъ) очень ярыя и даже довольно неприличныя выходки противъ своихъ противниковъ.

Кончились эти препирательства раздраженіемъ нашей ака-

демической среды и охлажденіемъ къ занятіямъ въ обществѣ люб. дух. просвѣщенія. А прот. І. В. Васильевъ рѣшилъ даже выйти изъ совѣта общества, что и сдѣлалъ, не смотря на настоятельныя просьбы вел. кн. Константина Николаевича, очень дорожившаго такою большою силою, какую представлялъ о. протоіерей. Помнится, въ одинъ прекрасный день является къ нему на квартиру (д. духовн. вѣдомства, на Литейной), отъ имени вел. князя, К. П. Побѣдоносцевъ, тогда только членъ Госуд. Совѣта (котораго вел. кн. К. Н. былъ предсѣдателемъ), съ цѣлью склонить о. І. В. В—ва къ отказу отъ его намѣренія и между ними происходитъ слѣдующій разговоръ. Высказывая свое несочувствіе къ слишкомъ большому увлеченію старокатолическимъ вопросомъ, въ занятіяхъ которымъ не видѣлъ практической пользы, а также разочарованіе въ преніяхъ по старообрядчеству, вносившихъ только раздраженіе въ среду общества, о. протоіерей, между прочимъ, замѣтилъ: «да и вы, К. П., конечно, не видите никакой пользы отъ всѣхъ такого рода занятій и преній». «Совершенно вѣрно», отвѣтилъ почтенный его собесѣдникъ. «Но въ такомъ случаѣ, почему же вы, К. П., остаетесь въ совѣтѣ общества, возразилъ І. В., да еще склоняете меня къ тому же»? «Это я дѣлаю исключительно для великаго князя», отвѣтилъ К. П. Затѣмъ зашла рѣчь о такъ называемой «внутренней миссіи», т. е. о просвѣщеніи народа въ религіозномъ отношеніи. Эта «внутренная миссія» была завѣтною мечтою о. І. В. В—ва, которой онъ и посвятилъ послѣдніе дни своей жизни, выступая проповѣдникомъ во внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ, побуждая и другихъ къ тому-же и ставъ во главѣ «общества религіозно нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви»; онъ былъ первымъ предсѣдателемъ этого общества. Но, къ удивленію, какъ потомъ сообщилъ мнѣ тотчасъ же І. В. В—въ (я случайно какъ разъ былъ въ это время въ его квартирѣ), К. П. П—въ и къ этой миссіи отнесся отрицательно, выразивъ опасеніе, какъ бы религіозное просвѣщеніе народа не повело къ протестантизму у насъ въ Россіи. Очень подивились мы тогда такимъ мыслямъ и настроенію К. П. Побѣдоносцева. Оказалось, что онъ остался вѣрнымъ такимъ своимъ взглядамъ на религіозное просвѣщеніе и потомъ, когда сдѣлался Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода.

На этомъ и окончился ихъ разговоръ. О. І. В. В—въ остался непреклоннымъ въ своемъ рѣшеніи, что сопровожда-

лось слѣдующими, немаловажными лично для меня послѣдствіями. Послѣ неудачной попытки вел. князя К. Н. удержать о. І. В. В—а въ составѣ совѣта общества, великому князю пришла мысль использовать силы высоко цѣнимаго имъ о. протоіерея косвенно—чрезъ его зятя, т. е. чрезъ меня. Съ этою цѣлью онъ рѣшился пригласить въ совѣтъ общества проф. А. Л. Катанскаго. «Не хочетъ быть у насъ прот. Васильевъ, такъ пусть будетъ *вмѣсто него* молодой Васильевъ, его зять», сказалъ онъ и приказалъ секретарю общества А. А. Кирѣеву написать мнѣ въ этомъ смыслѣ письмо, крайне меня удивившее. Съ этимъ письмомъ немедленно я отправился къ о. І. В. В—у за совѣтомъ, какъ мнѣ поступить съ этимъ, крайне лестнымъ, но разстроивавшимъ всѣ мои планы предложеніемъ. Нужно замѣтить, что въ это время, около 1874—5 года, я очень уже втянулся въ работу по составленію докторской диссертаціи. І. В. В—въ сначала уклонился отъ прямого отвѣта на вопросъ, какъ мнѣ поступить, принять ли предложеніе или отъ него отказаться. Онъ сказалъ только: «рѣшайте сами. Считаю нужнымъ, однако, замѣтить, что вамъ представляется прекрасный случай сдѣлать себѣ блестящую карьеру, подобно тому, какъ сдѣлалъ ее такимъ же путемъ проф. И. Т. Осининъ. Предложеніе вел. князя вводитъ васъ въ кругъ весьма вліятельныхъ людей изъ высшаго общества. Если вы не довольствуетесь скромною долею профессора и желаете дальнѣйшаго движенія по службѣ, то конечно не слѣдуетъ опускать этотъ прекрасный случай; другой—можетъ не представится». На эту рѣчь я отвѣтилъ, что никогда не мечталъ ни о чемъ подобномъ и что далѣе профессуры въ духовной академіи не заходилъ въ своихъ желаніяхъ и что если получу степень доктора богословія и званіе ординарнаго профессора, то это будетъ вѣнцомъ всѣхъ моихъ чаяній и желаній; о большемъ никогда не помышлялъ. Думаю отказаться отъ предлагаемой мнѣ чести. Хорошо понимаю, что совѣтъ общества привлекаетъ меня не ради моихъ прекрасныхъ глазъ и даже не для того только, чтобы сдѣлать отчасти и вамъ пріятное, а главнымъ образомъ потому, что разсчитываетъ найти во мнѣ усерднаго и полезнаго работника, между тѣмъ въ настоящее время таковымъ быть рѣшительно не могу, по извѣстнымъ вамъ причинамъ; разумѣю мои занятія по составленію докторской диссертаціи. Сидѣть же во дворцѣ Вел. Князя, среди очень высокаго общества, сознавая свою безполезность, не позво-

ляетъ чувство собственнаго достоинства». «Такъ вы рѣшаетесь отказаться; вполнѣ согласенъ съ вами и одобряю ваше рѣшеніе, замѣтилъ мой собесѣдникъ. Напишите А. А. Кирѣеву въ этомъ смыслѣ письмо, съ выраженіемъ, конечно, глубочайшей великому князю благодарности за предложенную вамъ высокую честь и пр. На выраженное мною опасеніе, что мой отказъ поставленъ будетъ на счетъ самому I. В., приписанъ будетъ его на меня вліянію и что мнѣ не хотѣлось бы обострять отношеніе къ нему вел. князя, I. В. отвѣтилъ, чтобы я объ этомъ не безпокоился. Мой отвѣтъ былъ отосланъ и вскорѣ получено было отъ А. А. Кирѣева новое письмо, въ которомъ отъ имени вел. князя было выражено мнѣ крайнее неудовольствіе. «Скажите, проф. Катанскому, что я крайне имъ недоволенъ, разгнѣванъ его отказомъ». Это послѣднее письмо очень меня встревожило; я снова поспѣшилъ къ о. I. В. В—ву за совѣтомъ. «Вы уже испугались, сказалъ онъ, боитесь пожалуй, что сошлютъ васъ въ Сибирь; не бойтесь; вел. кн. не можетъ этого сдѣлать».—Такъ окончился этотъ инцидентъ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ искушеній (пожалуй, даже болѣе сильнымъ, чѣмъ Парижъ въ свадебную мою поѣздку) сдвинуть меня съ намѣченнаго мною скромнаго пути моей жизни. Долгомъ считаю, однако, замѣтить, что цѣнность моего поступка, нѣкоего какъ бы самоотверженія значительно понижается моею бездѣтностью. Будь у меня большое семейство, едва ли бы такъ легко и скоро я отказался отъ возможности найти лучшее обезпеченіе на другихъ поприщахъ службы, а можетъ быть, такого отказа и совсѣмъ не послѣдовало бы, да и мой совѣтникъ—о. I. В. едва ли бы такъ скоро и охотно согласился съ моимъ рѣшеніемъ *).

А. Катанскій.

---

*) Продолженіе слѣдуетъ.

Къ характеристикѣ новой педагогики.

О „третьемъ всероссійскомъ съѣздѣ по экспериментальной педагогикѣ“ 2—5 января 1916 г. *)

Физіологическія тенденціи новой педагогики, по которымъ душевныя явленія сводятся къ простѣйшимъ нервнымъ процессамъ, доступнымъ строгому эксперименту, кажется, ни на одномъ изъ прежнихъ съѣздовъ не были демонстрированы такъ ярко, какъ на третьемъ съѣздѣ. Правда, рядомъ съ этимъ здѣсь имѣло большой успѣхъ новое теченіе, выступающее подъ флагомъ „естественнаго эксперимента,“ т. е. болѣе широкаго метода, приспособленнаго къ изученію сложныхъ душевныхъ явленій. Но нѣкоторое расхожденіе въ методѣ пока не привело къ расхожденію принципіальному, и представители новаго теченія на съѣздѣ восторженно привѣтствовали „физіологовъ“. Физіологизмъ былъ ярко представленъ въ докладахъ академиковъ И. П. Павлова („Рефлексъ цѣли“) и В. М. Бехтерева („Вопросы эволюціи нервно-психической дѣятельности въ педагогикѣ“): первый докладъ имѣлъ отношеніе къ воспитанію воли, а второй—главнымъ образомъ къ вопросамъ обученія.

Изучая „простѣйшія нервныя дѣятельности животныхъ“—инстинкты и рефлексы, представляющіе собою „простую реакцію на внѣшнія раздраженія“, *И. П. Павловъ* пришелъ къ убѣжденію, что къ общеизвѣстнымъ рефлексамъ (какъ пищевой и половой) „нужно прибавить еще одинъ рефлексъ—рефлексъ цѣли“, направленный къ обладанію раздражающимъ объектомъ независимо отъ его цѣнности или полезности. Въ человѣческой жизни, которая „полна цѣлей“, мы часто на-

---

*) Окончаніе. См. февраль.

блюдаемъ явное несоотвѣтствіе между затрачиваемою человѣкомъ энергіей и содержаніемъ или цѣнностью цѣли, на которую она направлена. Отсюда слѣдуетъ, что нужно отличать „механизмъ цѣлевого рефлекса“ отъ смысла, или содержанія цѣли: „рефлексъ цѣли“ существуетъ независимо отъ содержанія цѣли. Удобнымъ примѣромъ такого рефлекса можетъ служить „коллекціонерская страсть“, въ которой ничтожество цѣли (ибо коллекціонировать можно что угодно) соединяется съ крайнимъ напряженіемъ энергіи, приводящимъ иногда къ преступленіямъ. Что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ простою или основною дѣятельностью, за это говоритъ то, что коллекціонерство свойственно животнымъ и особенно развито у дѣтей. О происхожденіи рефлекса цѣли и его отношеніи къ другимъ рефлексамъ пока возможны только предположенія. Вся жизнь имѣетъ одну цѣль и одинъ соотвѣтствующій ей рефлексъ—„охраненіе жизни“. Этотъ „общій рефлексъ“ распадается на массу отдѣльныхъ рефлексовъ, огромное большинство которыхъ направлено на *захватываніе* внѣшняго міра. Таковъ пищевой рефлексъ, заставляющій ребенка тащить къ себѣ въ ротъ, что ни попало; таковъ „оріентировочный“ рефлексъ, заставляющій человѣка схватывать раздражающій объектъ всѣми органами чувствъ, напр. брать его въ руки и т. д. Таковъ и рефлексъ коллекціонерства. Докладчикъ отказывается рѣшить, есть ли это „обобщенный“ захватывающій рефлексъ, или особенный, обусловленный „особыми ассоціаціями“. Во всякомъ случаѣ рефлексъ цѣли есть „основной рефлексъ, основа нашей жизненной энергіи, или сама жизненная энергія“. „Жизнь красна и сильна лишь у того, у кого есть инстинктъ цѣли“, и—наоборотъ—„параличъ инстинкта цѣли“ ведетъ къ самоубійству. Для педагогики важно знать, какимъ колебаніямъ и измѣненіямъ подлежитъ рефлексъ цѣли. Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ полную аналогію пищевому рефлексу. И тамъ, и здѣсь для правильнаго функціонированья рефлекса требуется соблюденіе извѣстнаго „ритма“: въ пищевомъ рефлексѣ—правильное чередованіе насыщенія и воздержанія, въ коллекціонерствѣ—раздѣленіе собирательной работы на части. При нарушеніи этого „ритма“, въ ту или другую сторону, неизбѣжно наступаетъ разстройство рефлекса. Пищевой рефлексъ разстраивается какъ при излишнемъ питаніи (напр. при „перекармливаніи“ ребенка), такъ и при излишнемъ воздержаніи: извѣстно, что голодъ силенъ только въ первые дни голоданія. То же можно сказать и объ инстинктѣ цѣли. „Англосаксы, лучшее олицетвореніе инстикта цѣли“, говорятъ, что вѣрное средство для достиженія цѣли—это существованіе препятствій. Но, съ другой стороны, можно и „заморить“ рефлексъ цѣли отъ неупотребленія: „въ Китаѣ, говорятъ, можно нанять за себя человѣка на смертную казнь“. Подобное „угасаніе“ инстикта цѣли, какъ слѣдствіе крѣпостного

права, докладчикъ констатируетъ и въ русскомъ человѣкѣ, въ его лѣни и косности. Отсюда слѣдуетъ, что всѣ усилія нашей педагогики должны быть направлены къ воспитанію въ насъ „инстинкта цѣли“.—Но, можетъ быть значеніе „рефлекса цѣли“ ограничивается такими сравнителлно элементарными и во всякомъ случаѣ не важными для жизни явленіями воли, какъ коллекціонированье? Въ послѣдовавшихъ за докладомъ преніяхъ,—въ отвѣтъ на замѣчаніе одного оппонента, что высшія цѣли „не могутъ быть сведены къ захватыванью“,—докладчикъ объяснилъ, что понятіе коллекціонированья „нужно расширить“, ибо „можно коллекціонировать научныя истины, творимое добро и т. п.“

Съ какой точки зрѣнія слѣдовало разсматривать эти мысли извѣстнаго физіолога о высшихъ проявленіяхъ духа на съѣздѣ по экспериментальной педагогикѣ,—это мы узнали изъ торжественныхъ заявленій, сдѣланныхъ по поводу доклада педологами. А. Ѳ. Лазурскій объявилъ, что въ докладѣ съ очевидностью доказано единство физіологіи и психологіи, составляющихъ одну біологію, и что теперь рушатся всѣ возраженія „философовъ“, утверждающихъ, что психологія не можетъ основываться на физіологіи, на томъ основаніи, что послѣдняя, будто бы, имѣетъ дѣло съ инертной матеріей: теперь мы видимъ, что сама физіологія выдвигаетъ „принципъ активности“. А. П. Нечаевъ заявилъ, что „тѣмъ болѣе рушатся теперь всѣ возраженія противъ экспериментальной педагогики“, для которой докладъ открываетъ „возможности самыя неограниченныя“. Въ самомъ дѣлѣ, физіологъ, „оставаясь на почвѣ строгаго эксперимента“ и начиная съ установленія простѣйшихъ явленій, переходитъ къ явленіямъ все болѣе и болѣе сложнымъ включительно до т. н. высшихъ: „отъ слюнныхъ железъ собакъ“ (спеціальность докладчика) переходитъ къ „явленіямъ воли, къ фактамъ соціальнаго и историческаго значенія!“

Однако, что же произошло въ дѣйствительности? Была сдѣлана попытка сблизить нервные процессы—рефлексы съ психическими явленіями воли при посредствѣ явленія коллекціонированья. Но эта попытка основывалась не на физіологическомъ и даже не на экспериментально-психологическомъ изслѣдованіи, а на простомъ психологическомъ наблюденіи нѣкоторыхъ душевныхъ явленій (коллекціонированья, усиленія и ослабленія волевой энергіи при извѣстныхъ внѣшнихъ условіяхъ). Вопреки сообщенію А. Ѳ. Лазурскаго, что докладчикъ обычно намѣренно устраняетъ при

своихъ физіологическихъ изысканіяхъ всякія психологическія опредѣленія, на этотъ разъ онъ рѣшительно вышелъ изъ границъ своей физіологіи и почти все время вращался въ области старой опытной психологіи. Физіологическое изслѣдованіе рефлексовъ послужило лишь поводомъ для ученаго физіолога высказать свои психологическія наблюденія. Такимъ образомъ съ методической стороны докладъ всего меньше могъ иллюстрировать примѣненіе „эксперимента" къ явленіямъ воли. Но, конечно, при этомъ онъ не можетъ не вызывать возраженій и по существу. Изъ субъективнаго опыта мы прекрасно знаемъ разницу между рефлексами, какъ движеніями неумышленными и непроизвольными, и актами воли—всегда умышленными и произвольными,—знаемъ настолько твердо, что „умыселъ" считаемъ безспорнымъ критеріемъ для сужденія о поступкахъ людей, имѣя въ виду, что только съ „умысломъ" и привходитъ въ дѣйствія человѣка тотъ духовный (волящій и мыслящій) агентъ, котораго мы хотимъ судить. Зачеркнуть эту разницу однимъ выраженіемъ „рефлексъ цѣли", въ которомъ внѣшнимъ образомъ съ понятіемъ рефлекса соединяется понятіе умысла (цѣли), очевидно, невозможно: понимаемое въ буквальномъ смыслѣ это выраженіе есть contradictio in adjècto. Но въ докладѣ оно и не понимается буквально: подъ „рефлексомъ цѣли" разумѣется рефлексъ именно безцѣльнаго, неумышленнаго „хватанія". Если здѣсь и можетъ быть рѣчь объ „активности", то лишь въ смыслѣ „движенія", а не произвольности. Такимъ образомъ рефлексъ остается рефлексомъ. Значитъ, все дѣло въ пониманіи средняго между рефлексами и волевыми актами термина—„коллекціонированья". Что оно принадлежитъ къ волевымъ актамъ, это безспорно; но что оно вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть причислено и къ рефлексамъ, это ни откуда не слѣдуетъ. Въ коллекціонерствѣ мы видимъ не безразборное „хватаніе", а опредѣленный подборъ объектовъ, при чемъ этотъ подборъ опредѣляется не внѣшнимъ раздраженіемъ со стороны послѣднихъ (сила ихъ вліянія на внѣшнія чувства остается безразличною), а нашимъ сужденіемъ о нихъ. Умыселъ или цѣлеполаганіе здѣсь всегда бываетъ на лицо: не говоря уже о такихъ видахъ коллекціонированья, какъ собираніе старинныхъ монетъ или картинъ въ цѣляхъ научныхъ и художественныхъ, и въ случаяхъ безцѣльнаго, повидимому, коллекціонированья (какъ

собиранiе марокъ) на самомъ дѣлѣ имѣется на лицо опредѣленная (по крайней мѣрѣ „ближайшая") цѣль: собираются предметы въ томъ или другомъ смыслѣ (хотя бы въ данномъ сочетанiи, или количествѣ) *рѣдкiе.*—Чтобы сблизить коллекцiонированье съ рефлексомъ, указываютъ примѣры подобнаго явленiя у животныхъ. Но нужно еще доказать, что коллекцiонированье у людей и „коллекцiонированье" у животныхъ суть явленiя однородныя. Послѣднее не было предметомъ „изслѣдованiя", а „наблюденiя" даютъ основанiе думать, что это явленiе есть простая реакцiя на сильныя внѣшнiя раздраженiя: такъ напр. сорока собираетъ блестящiя вещи. Общее названiе „коллекцiонированья", конечно, ничего не доказываетъ, потому что о животныхъ мы часто выражаемся „метафорически", перенося на нихъ собственныя душевныя переживанiя [1]). Такимъ образомъ „переходъ" отъ секреторныхъ рефлексовъ въ слюнныхъ железахъ собаки къ явленiямъ воли остается по прежнему не доказанною метафизическою предпосылкою.

Поэтому и устанавливаемыя докладчикомъ постоянныя измѣненiя въ рефлексѣ цѣли могутъ имѣть значенiе лишь физiологической *аналогiи* для психическаго процесса воспитанiя воли (въ родѣ тѣхъ „имитацiй", которыми пользовался Коменскiй), однако—нужно прибавить—аналогiи далеко не полной. Эта аналогiя прекрасно иллюстрируетъ извѣстныя намъ изъ субъективнаго опыта истины, что психическая активность сама по себѣ болѣе способствуетъ самосохраненiю и развитiю души, чѣмъ бездѣятельность, и что преодоли-

[1]) Примѣръ такого словоупотребленiя, способнаго приводить къ недоразумѣнiямъ, можно было наблюдать при обсужденiи того же доклада. Акад. М. М. Ковалевскiй благодарилъ докладчика отъ имени соцiологiи за то, что онъ помогъ выяснить вопросъ о происхожденiи *собственности.* Этнографическiя и археологическiя данныя показали, что у первобытнаго человѣка, какъ и у дикаря, собственность начинается не съ полезныхъ предметовъ, какъ земля и осѣдлость, а съ ненужныхъ бездѣлушекъ. Теперь это объясняется просто: источникъ собственности есть просто захватывающiй рефлексъ. Нѣсколько минутъ спустя, докладчикъ,—отвѣчая на замѣчанiе одного оппонента, что коллекцiонеръ—это собственникъ, а собственности у животныхъ нѣтъ,—заявилъ, что „собственность у животныхъ есть: напр. птица отстаиваетъ свое гнѣздо". Выходило такимъ образомъ, что собственность на полезныя вещи, имѣющаяся уже у животныхъ, отсутствуетъ у первобытнаго человѣка. Очевидно, слово „собственность" въ отношенiи къ животнымъ употребляется въ особомъ смыслѣ.

мыя препятствія столь же благопріятны для развитія психической энергіи, насколько неблагопріятны для нея препятствія непреодолимыя. Но эта аналогія вовсе не затрагиваетъ важнѣйшей стороны волевой дѣятельности—ея цѣлей, безъ которыхъ невозможно ни самосохраненіе, ни развитіе души. Если „рефлексъ хватанія", о которомъ говорилъ докладчикъ, является индифферентнымъ въ отношеніи „содержанія" захватываемаго объекта, то это возможно лишь потому, что здѣсь объекты захватываются лишь *механически* и не усваиваются организмомъ. Иначе данный рефлексъ противорѣчилъ бы „общему" инстинкту самохраненія, такъ какъ многіе захватываемые объекты оказались бы губительны для организма. Но психическая жизнь такого механическаго захватыванія вовсе не знаетъ: „захваченные" душою объекты усваиваются ею (въ той или другой степени) органически и всегда бываютъ или полезны, или вредны для нея. Въ этомъ отношеніи болѣе близкую аналогію для психической дѣятельности представлялъ бы пищевой рефлексъ. Слѣдовательно, законъ самосохраненія въ отношеніи души долженъ требовать, чтобы ея волевая дѣятельность направлялась на опредѣленные полезные для нея объекты. А такими объектами являются тѣ духовныя „цѣнности", которыя отвѣчаютъ требованіямъ подлинной природы души (по Песталоцци „истинной человѣчности"). — Односторонняя аналогія, затрагивающая волевую дѣятельность только съ формальной ея стороны, роковымъ образомъ приводитъ докладчика къ механическому взгляду на душу, какъ на аппаратъ, „коллекціонирующій" какіе угодно объекты и оцѣниваемый именно со стороны своей коллекціонерской работоспособности независимо отъ ея примѣненія. Излишне говорить, что „коллекціонированье" само по себѣ, независимо отъ цѣлей, не можетъ служить показателемъ „жизненной энергіи" и высокаго развитія „воли". Много ли выиграла бы Россія, еслибы, вмѣсто наблюдаемой докладчикомъ косности, всѣ занялись напр. собираніемъ почтовыхъ марокъ? Подобная активность мало отличается отъ косности и способна развиваться на почвѣ тѣхъ самыхъ соціальныхъ фактовъ, о которыхъ упоминалъ докладчикъ: о китайцахъ до послѣдняго времени было принято говорить, что они „великіе мастера на маленькія дѣла". Но и въ отношеніи высокихъ цѣнностей, каковы истина и добро, имѣетъ смыслъ, конечно, не „коллекціонированье" ихъ, а органическая

и творческая работа надъ ними. Интересно, что указанные взгляды докладчика на процессы волевой дѣятельности по своей механической тенденціи вполнѣ совпадаютъ съ тѣми сужденіями о цѣляхъ этой дѣятельности, которыя были отмѣчены выше въ телеологическомъ построеніи А. Ѳ. Лазурскаго.

Безъ сомнѣнія, не всѣ присутствовавшіе на съѣздѣ эксперименталисты цѣликомъ раздѣляли физіологическую точку зрѣнія докладчика; но такъ какъ она благопріятствовала экспериментальному методу, то и не встрѣтила съ ихъ стороны возраженій. Такъ или иначе, единственное принципіальное возраженіе противъ доклада мы услышали не отъ педагога и не отъ психолога, а отъ врача—психопатолога (имя котораго мнѣ осталось неизвѣстнымъ). По его справедливому замѣчанію, „соблазнительная перспектива перейти отъ наблюденія животныхъ къ психологическимъ обобщеніямъ всегда оказывалась обманчивою", и въ данномъ случаѣ явленіе коллекціонированья у животныхъ привлечено для этой цѣли неосновательно, потомучто это явленіе совершенно не похоже на одноименное явленіе у людей.

Аналогичный докладъ акад. *В. М. Бехтерева* (названный выше) представлялъ собою попытку примѣнить къ воспитанію вообще и главнымъ образомъ къ „обученію" законы развитія т. н. „сочетательно-двигательныхъ рефлексовъ".

„Обученіе,—по мнѣнію докладчика,—есть развитіе нервно-психической дѣятельности, и потому „въ основу педагогики должны быть положены законы этой дѣятельности". Пока психологія была наукою „субъективною", о такихъ законахъ мы ничего не знали, потомучто для самонаблюденія, которымъ пользовалась эта психологія, доступно немногое (о психологіи другихъ людей и въ частности дѣтей самонаблюденіе не знаетъ ничего, да и въ собственныхъ переживаніяхъ изъ самонаблюденія мы знаемъ только начало и конецъ каждаго психическаго процесса, а все, что лежитъ между ними, остается неизвѣстнымъ). Только благодаря возникшей недавно „объективной психологіи", пользующейся точнымъ экспериментальнымъ методомъ, „теперь можно установить опредѣленныя формулы или законы развитія нервно-психической дѣятельности". Здѣсь нужно замѣтить, что подъ „объективной психологіей" докладчикъ разумѣетъ нѣчто отличное какъ отъ физіологіи, такъ и отъ экспериментальной психологіи. Тогда какъ послѣдняя, по его мнѣнію, изучаетъ все же „субъективныя" переживанія, а первая изучаетъ явленія чисто нервной дѣятельности, объективная психологія

имѣетъ дѣло съ явленіями нервно-*психической* дѣятельности. Разница между нервными и нервно-психическими процессами заключается въ томъ, что первые представляютъ простой механическій отвѣтъ на внѣшнія раздраженія (=простые рефлексы), а вторые являются отвѣтомъ, „основаннымъ на прошломъ опытѣ“,—иначе говоря, отвѣтомъ, въ которомъ „большую роль играютъ слѣды отъ бывшихъ ранѣе раздраженій“. Это „сочетательные рефлексы“ (по терминологіи И. П. Павлова „условные“) [1]). Отсюда понятно, почему въ данномъ случаѣ вмѣсто „объективной психологіи“ докладчикъ говорилъ о „рефлексологіи“. Рефлексологія, по его словамъ, разсматриваетъ всю душевную жизнь какъ рядъ „сочетательно-*двигательныхъ* рефлексовъ („секреторные“ рефлексы неприменимы къ душевной жизни, которая вся проходитъ въ движеніи). Сущность этихъ рефлексовъ можно объяснить на слѣдующемъ примѣрѣ. Если собакѣ причинить уколъ въ лапу (напр. электрическимъ токомъ), то она подниметъ лапу, и въ то же время обнаружится измѣненіе въ процессѣ дыханія. Если же къ названному раздраженію мы присоединимъ одновременно другое раздраженіе, напр. свѣтовое (посредствомъ внезапно вспыхивающей лампочки) или звуковое, то рефлексъ поднятія лапы „сочетается“ и съ этимъ другимъ раздраженіемъ, и потомъ собака будетъ поднимать лапу отъ одного свѣтового или звукового раздраженія, при отсутствіи болевого раздраженія. Тотъ же опытъ съ одинаковымъ успѣхомъ можно продѣлать и на человѣкѣ. Подобнымъ образомъ развиваются всѣ высшіе сочетательные рефлексы, изъ которыхъ состоитъ нервно-психическая жизнь. Обжегшись разъ огнемъ, мы потомъ отстраняемся при одномъ его видѣ; ознакомившись съ укусомъ змѣи, мы отскакиваемъ прочь при одномъ ея шипѣніи. „Выражаясь языкомъ субъективной психологіи, это акты волевые; но въ дѣйствительности это тотъ же сочетательный рефлексъ, который мы наблюдали у собаки“. Разъ вся „нервно-психическая“ жизнь сведена къ такимъ простымъ явленіямъ, то установить законы ея развитія не трудно. Для этого производится описанный выше экспериментъ надъ собакой, при чемъ посредствомъ особыхъ механическихъ приспособленій записываются двигательная и дыхательная реакціи въ видѣ „кривыхъ“, которыя и даютъ ясную картину того, „какъ развивается и воспитывается сочетательно-двигательный рефлексъ“. Въ результатѣ устанавливается цѣлый рядъ „законовъ“ этого развитія, которые могутъ быть примѣнены и къ „обученію“ (resp. воспитанію), такъ какъ

[1]) Объ этомъ можно читать въ многочисленныхъ статьяхъ В. М. Бехтерева, посвященныхъ „объективной психологіи“, напр. въ „Вѣстн. Психологіи“ 1904, вып. 9—10, 1907, вып. 1 и 3; „Обозр. Психіатріи“ 1907 и 1908; „Новое Слово“ 1909. № 2; „Вопросы филос. и психол.“ кн. 99 и др.

послѣднее есть то же развитіе нервно-психической дѣятельности. Назовемъ важнѣйшіе изъ этихъ законовъ. „Законъ навыка“ состоитъ въ томъ, что сочетательный рефлексъ закрѣпляется путемъ упражненія; этотъ законъ „устанавливаетъ всю педагогику“, что не требуетъ разъясненій. „Законъ торможенія и растормаживанія“ состоитъ въ томъ, что сочетательный рефлексъ „вслѣдствіе тормазовъ внутренняго характера“ имѣетъ тенденцію постепенно угасать, но это угасаніе непрочно, и рефлексъ легко поддержать новымъ стороннимъ раздраженіемъ; въ отношеніи къ обученію этотъ законъ требуетъ „смѣны впечатлѣній или разнообразія занятій“. „Законъ относительности вліянія стороннихъ раздраженій на сочетательный рефлексъ“ состоитъ въ томъ, что стороннее раздраженіе, напр. свѣтъ при звукѣ, можетъ способствовать угасанію рефлекса, но оно же, при другихъ внутреннихъ условіяхъ, можетъ и „растормазить“ угасшій рефлексъ; въ отношеніи къ обученію это значитъ, что стороннее впечатлѣніе, врываясь въ учебныя занятія, можетъ помѣшать этимъ занятіямъ, но при утомленіи оно можетъ и возбудить работоспособность: извѣстенъ разсказъ объ аѳинскомъ ораторѣ, который поднялъ интересъ утомленныхъ слушателей къ своей политической рѣчи, вставивъ въ нее „анекдотъ объ ослѣ“. „Законъ дифференцировки“ состоитъ въ томъ, что при соединеніи напр. болевого раздраженія со звукомъ на первыхъ порахъ всякій звукъ вызываетъ сочетательный рефлексъ, но если при повтореніяхъ опыта дается всегда звукъ опредѣленной высоты, то за нимъ и закрѣпляется сочетательный рефлексъ, а остальные звуки „дифференцируются“; это значитъ, что обученіе должно начинаться съ общихъ положеній и потомъ переходить къ деталямъ. „Законъ анализа и синтеза“ состоитъ въ томъ, что, если воспитывать рефлексъ одновременно на свѣтъ и звукъ, то на первыхъ порахъ рефлексъ получается и на отдѣльное свѣтовое или звуковое раздраженіе, но при продолжительномъ повтореніи двойного раздраженія рефлексъ будетъ получаться только на двойное раздраженіе; это значитъ, что обученіе, начинаясь съ общихъ положеній, не должно на нихъ останавливаться долго, иначе интересъ къ частностямъ отпадетъ. „Законъ стенической и астенической реакціи“ состоитъ въ томъ, что сочетательный рефлексъ сопровождается извѣстнымъ вліяніемъ на дыханіе и сердце,—„бодрящимъ или угнетающимъ“; это значитъ, что обученіе должно не только воспитывать спеціальный интересъ къ знанію, но и оказывать „общее вліяніе на всю нервно-психическую сферу“. „Законъ индивидуальности“ состоитъ въ томъ, что не всѣ индивидуумы одинаково легко и скоро поддаются воспитанію сочетательныхъ рефлексовъ; этотъ законъ требуетъ „индивидуализаціи обученія“.—Докладчикъ признаетъ, что для педагога всѣ эти законы не представляютъ ничего новаго, но только теперь они

получаютъ научно-объективное обоснованіе. Только „объективное знаніе“ можетъ считаться вполнѣ достовѣрнымъ, и педагогика, чтобы избѣжать ошибокъ, „должна стать наукою объективною“.

Если акад. Павловъ пытался истолковать въ физіологическомъ смыслѣ явленіе психическое (коллекціонированье), то акад. Бехтеревъ хочетъ представить психическимъ или—точнѣе—„нервно-психическимъ“ явленіе физіологическое. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ даетъ право отдѣлять сочетательные рефлексы отъ простыхъ рефлексовъ, которые самъ докладчикъ называетъ „машинообразными“ нервными (только нервными) дѣятельностями? [1]) „Машинообразность“ и здѣсь остается полная, и нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы въ „сочетательныхъ“ рефлексахъ помимо нервной системы привходилъ еще и факторъ психическій. Вся разница, по признанію самого докладчика, заключается въ томъ, что въ одномъ случаѣ связь между раздраженіемъ и рефлексомъ „прирожденная“ или „наслѣдственная“ [2]), а въ другомъ случаѣ она образуется вслѣдствіе оставляемаго предшествующими раздраженіями „*физіологическаго* слѣда“ [3]). Этотъ слѣдъ, очевидно, играетъ роль приводнаго ремня, какимъ связываются отдѣльныя колеса машины. Но и „наслѣдственная связь“ съ эволюціонной точки зрѣнія (которую раздѣляетъ докладчикъ) не есть нѣчто изначальное, а есть результатъ приспособленія (опыта) предшествующихъ поколѣній, и слѣдовательно съ этой точки зрѣнія понятіе сочетательнаго рефлекса должно прямо совпадать съ понятіемъ рефлекса простого. Такимъ образомъ „объективная психологія“, если она занимается сочетательными рефлексами, остается въ сущности физіологіей нервной системы и не дѣлаетъ ровно ничего для того, чтобы „перекинуть мостъ“ отъ физіологическаго къ психическому. Отношеніе докладчика къ „явленіямъ сознанія“ и „субъективной психологіи“ не вполнѣ ясно. Во всякомъ случаѣ, если нервно-психическая дѣятельность и имѣетъ свою „субъективную“ сторону, то эта сторона для „объективной науки“ не существуетъ. „Показанія самонаблюденія,—говорилъ докладчикъ,—для меня не убѣдительны, если переживанія, о которыхъ оно говоритъ, не обнаруживаются въ процессахъ физіологическихъ; да и едва ли можно утверж-

---

[1]) Вопросы философіи и психол. кн. 99, стр. 692—693.
[2]) Ibid., стр. 696. [3]) Ibid., стр. 699.

дать, что есть процессы помимо физическихъ проявленій: о духѣ внѣ мозга мы говоримъ только фигурально,—дѣло идетъ о нервномъ токѣ". Отсюда ясно, что подлинно „научная" педагогика должна обходиться безъ „субъективной" психологіи и безъ „явленій сознанія", по крайней мѣрѣ личнаго (ибо докладчикъ допускаетъ еще и „безличное сознаніе")[1]), и строиться всецѣло на „рефлексологіи".

Конечно, такая педагогика можетъ быть только „машинообразною". Прямой педагогическій выводъ изъ рефлексологіи, о которомъ докладчикъ не упомянулъ прямо, долженъ бы заключаться въ томъ, что воспитаніе ничѣмъ не отличается отъ дрессировки животныхъ. Послѣдняя, вѣдь, какъ разъ и основывается всецѣло на „сочетательно-двигательныхъ" рефлексахъ: сначала приказаніе сопровождается ударомъ бича, а потомъ и одно приказаніе, или одинъ звукъ бича производитъ желательный эффектъ. Механическій характеръ такого метода былъ нарочито подчеркнутъ во время преній однимъ изъ собесѣдниковъ, который сдѣлалъ попытку примѣнить законы сочетательнаго рефлекса къ явленіямъ мертвой природы, именно къ т. н. „Хладніевымъ фигурамъ", въ которыя располагаются песчинки на стеклянной пластинкѣ, если по краю пластинки водить смычкомъ, или если водить смычкомъ по струнѣ скрипки, настроенной въ одинъ тонъ съ пластинкой. Справедливо было сказано, что такая „явная механизація воспитанія убійственна для самой теоріи" (А. П. Болтуновъ). Но надо полагать, что и самъ докладчикъ, обращаясь къ педагогикѣ, понималъ свои „законы сочетательнаго рефелекса" не въ смыслѣ законовъ, а въ смыслѣ полезныхъ *аналогій* или сравненій, которыми можно иллюстрировать нѣкоторыя заранѣе другимъ путемъ установленныя дидактическія положенія. Такой именно характеръ и носятъ всѣ педагогическіе выводы докладчика. Однако и въ качествѣ аналогій „законы сочетательнаго рефлекса" не вездѣ оказываются вполнѣ подходящими. Возьмемъ напр. „законъ дифференцировки", устанавливающій педагогическое правило „переходить отъ общаго къ частному": звукъ, вызывающій рефлексъ сначала какъ звукъ вообще, затѣмъ вызываетъ рефлексъ какъ звукъ опредѣленной высоты. Здѣсь „переходъ

---

[1]) См. *В. М. Бехтеревъ.* О личномъ и общемъ сознаніи. „Вѣстникъ психол." 1904, в. 9, стр. 631.

отъ общаго къ частному“ происходитъ окончательно, и когда онъ совершился, никакое звуковое раздраженіе не способно заставить организмъ опять реагировать на звукъ вообще. Но обученію, вѣдь, предстоитъ отъ частнаго снова переходить къ общему, и въ этомъ его основная задача. Въ рефлексахъ для такого синтеза нѣтъ мѣста, потомучто въ нихъ нѣтъ центральнаго активнаго и сознательнаго агента—души. Неудивительно, что нѣкоторыя педагогическія правила докладчика вызвали энергичныя возраженія со стороны присутствовавшихъ педагоговъ: напр. правило „наводящихъ вопросовъ“, выводимое изъ „закона сигнала“,—по которому сопутствующее раздраженіе (напр. свѣтовое) вызываетъ сочетательный рефлексъ и въ томъ случаѣ, если оно производится нѣсколько ранѣе основного (болевого) раздраженія,—или правило оживленія урока „анекдотами“. Дѣйствительно, подобные пріемы допустимы развѣ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, а никакъ не въ видѣ постоянныхъ правилъ. Но ясно, что, если бы въ процессѣ обученія мы имѣли дѣло съ „сочетательными рефлексами“, то законы этихъ послѣднихъ должны бы имѣть безусловное и неоспоримое значеніе для всякаго обученія.

Единственное принципіальное возраженіе противъ доклада было сдѣлано Московскимъ психологомъ А. П. Болтуновымъ, который рѣшительно протестовалъ противъ „незаконнаго вмѣшательства“ физіологіи въ психологію и высказалъ нѣсколько основательныхъ соображеній въ пользу „самонаблюденія». Помимо этого единичнаго заявленія, докладъ не обсуждался по существу. Что далеко не всѣ экспериментатисты раздѣляютъ мнѣнія акад. Бехтерева о „явленіяхъ сознанія“, это не подлежитъ сомнѣнію. Но, повидимому, принципіальный вопросъ представлялся не такъ важнымъ, какъ ярко выраженное докладчикомъ предпочтеніе „объективному“ экспериментальному методу.

Къ теоретическимъ докладамъ ученыхъ физіологовъ тѣсно примыкали доклады практическаго характера, предложенные нѣкоторыми врачами. Здѣсь на практикѣ всего удобнѣе было провѣрить, въ какой мѣрѣ приложима физіологія въ педагогикѣ. Когда рѣчь шла о физическомъ воспитаніи и о школьной гигіенѣ, тогда можно было видѣть, что вмѣшательство физіологіи въ педагогику успѣло уже принести самые благопріятные результаты. Таковы были доклады д-ра *Гориневскаго* („Анатомо-физіологическія и психологическія осно-

ванія для распредѣленія разнаго рода физическихъ упражненій по возрасту") и д-ра *Груздева* („Объективная оцѣнка упитанности дѣтей"). Но всякая попытка распространить компетенцію физіологіи на всю область воспитанія неизбѣжно приводитъ къ непріемлемымъ педагогическимъ выводамъ. Это мы видѣли въ докладѣ д-ра *Оршанскаго* „Практическія задачи психопатологіи въ нормальной школѣ". Отмѣтивъ большую распространенность въ нашихъ школахъ разнаго рода нервныхъ заболѣваній, докладчикъ указываетъ двѣ причины этого явленія: „колебанія въ настроеніи" школьниковъ вслѣдствіе неравномѣрнаго распредѣленія работы и „состояніе угнетенія", въ которомъ, будто бы, чуть не всегда пребываетъ нашъ школьникъ вслѣдствіе дисциплины, отмѣтокъ и т. п. Отсюда дѣлается выводъ, что въ школу долженъ быть допущенъ кромѣ педагога психопатологъ. Это тѣмъ болѣе естественно, что въ настоящее время „все новое вносится въ педагогику не педагогами, а врачами". Психопатологъ не только долженъ слѣдить за состояніемъ нервной системы школьника, но долженъ „имѣть рѣшающій голосъ" и въ вопросахъ учебныхъ (особенно о малоуспѣшныхъ дѣтяхъ) и—главное—въ вопросахъ дисциплинарныхъ. Всѣ поводы для дисциплинарныхъ взысканій докладчикъ разсматриваетъ какъ „конфликты между учащимися и учащими, зависящіе отъ психоза съ той и другой стороны". Сами педагоги, какъ „сторона", въ разрѣшеніи этихъ конфликтовъ не компетентны. Что же касается наказаній, то это „безсмыслица, не дающая никакихъ результатовъ".—Совершенно вѣрно, что заботиться о нервной системѣ дѣтей необходимо, и что для этой цѣли присутствіе особаго врача въ школѣ было бы желательно. Но нельзя забывать, что кромѣ нервной системы у школьника есть душа, у которой тоже есть свои потребности и свои цѣли, и эти духовныя потребности и цѣли должны господствовать въ школѣ. Конечно, ихъ необходимо согласовать съ интересами физическаго здоровья, но взять послѣднее за главное и чуть ли не единственное основаніе для пересмотра всей системы духовнаго воспитанія значитъ придавать физіологіи совершенно несоотвѣтствующее значеніе. Въ такомъ случаѣ воспитаніе у насъ неизбѣжно обратится въ гигіену [1]), а школа въ больницу или санаторію для нервно-больныхъ, въ которой больше всего боятся, какъ бы

[1]) Ср. *Münsterberg*. Psychologie. I, S. 198.

не обезпокоить чѣмъ нибудь паціентовъ. Такое „потакающее“ или „поддакивающее“ воспитаніе [1]) (едва ли полезное и для нервной системы—нормальной конечно, которая укрѣпляется въ борьбѣ и исполненіи долга) въ послѣднее время, кажется, начинаетъ прививаться и у насъ въ Россіи, и важнѣйшей причиной этого явленія нужно считать именно развивающееся „засилье физіологіи“ въ области воспитанія духа. Изъ одной крайности мы, повидимому, переходимъ въ другую. Поэтому педагогическія предположенія д-ра Оршанскаго встрѣтили вполнѣ понятную оппозицію со стороны нѣкоторыхъ членовъ съѣзда изъ педагоговъ.

Описанная гигіеническая точка зрѣнія на воспитаніе нашла нѣкоторое отраженіе и въ предложенномъ проф. *Е. А. Незнамовымъ* проектѣ „школьно-гигіенической лабораторіи при врачебной части Министерства народнаго просвѣщенія“. Лабораторія, „при содѣйствіи педагоговъ и врачей“, должна „разрабатывать простѣйшіе методы изслѣдованія физическаго и *психическаго* развитія учащихся“, а затѣмъ, когда въ учебныхъ заведеніяхъ будутъ произведены по этимъ методамъ изслѣдованія, „систематизировать“ ихъ и примѣнять „къ рѣшенію цѣлаго ряда педагогическихъ задачъ“. На первомъ планѣ имѣется въ виду, конечно, правильная „постановка физическаго воспитанія и охрана нервно-психическаго здоровья учащихся“; но вмѣстѣ съ этимъ затрагиваются и вопросы учебнаго характера, напр. вопросъ объ „успѣшности въ наукахъ“ въ связи съ физическимъ развитіемъ, о „затрудненіяхъ при изученіи нѣкоторыхъ предметовъ въ зависимости отъ индивидуальныхъ особенностей дѣтей“, о распредѣленіи учебныхъ занятій и т. п.—Этотъ проектъ, вполнѣ раціональный съ точки зрѣнія физическаго воспитанія, можетъ вызывать сомнѣнія въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ не ясно, насколько гигіеническая точка зрѣнія не будетъ вытѣснять собою другихъ болѣе важныхъ точекъ зрѣнія при „рѣшеніи цѣлаго ряда педагогическихъ задачъ“. Во-вторыхъ весьма сомнительно, чтобы психологическія изслѣдованія при помощи „простѣйшихъ методовъ“, произведенныя не-спеціалистами, могли привести къ какимъ-либо цѣннымъ результатамъ [2]).

---

[1]) *Мюнстербергъ.* Психологія и учитель, стр. 17, 199 и др.

[2]) См. *Г. И. Челпановъ.* Что нужно знать педагогу изъ психологіи. „Вопр. фил. и псих.“ кн. 106, стр. 67.

Если погоня за точностью метода роковымъ образомъ направляетъ экспериментальную педагогику къ элементарнымъ, чисто нервнымъ процессамъ въ родѣ рефлексовъ, то педагогическая дѣйствительность, какъ разъ наоборотъ, заставляетъ все время обращаться къ самымъ сложнымъ психическимъ явленіямъ. Чтобы выйти изъ затрудненія, представители новой педагогики, изучающіе сложные процессы, прибѣгаютъ къ расширенію понятія „эксперимента", при чемъ стирается всякая граница между экспериментомъ и наблюденіемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, желая сохранить за своими изслѣдованіями всѣ преимущества точности и объективности (хотя бы in spe), они настаиваютъ, что этотъ расширенный методъ существенно не отличается отъ того точнаго метода, которымъ изучаются рефлексы. Тѣмъ самымъ предполагается, что точка зрѣнія на душевную жизнь остается здѣсь приблизительно та же, что и въ „рефлексологіи". Такую позицію занимаетъ новое въ экспер. педагогикѣ теченіе „естественнаго эксперимента". Принципы новаго метода были провозглашены еще на 1-мъ „экспериментальномъ съѣздѣ" А. Ѳ. Лазурскимъ. Теперь мы узнали подробно объ опытахъ примѣненія этого метода и ихъ результатахъ изъ докладовъ того же *А. Ѳ. Лазурскаго* („Естественно-экспериментальныя схемы личности") и его учениковъ, работающихъ, какъ уже было сказано, въ области индивидуальной психологіи, т. е. въ области самыхъ сложныхъ психическихъ явленій.

Особенность „естественнаго эксперимента", по словамъ г. Лазурскаго, состоитъ въ томъ, что онъ производится не въ лабораторіи, и не при помощи приборовъ, а въ обычной жизненной (въ данномъ случаѣ школьной) обстановкѣ при помощи обычныхъ школьныхъ дѣятельностей, при чемъ фактъ изслѣдованія остается неизвѣстнымъ для дѣтей. Подобный экспериментъ былъ испробованъ докладчикомъ и его учениками въ низшей и средней школѣ, при чемъ преслѣдовались двѣ задачи: 1) произвести „психолого-характерологическіе анализы личностей" школьниковъ съ цѣлью опредѣленія ихъ типовъ, 2) опредѣлить значеніе разныхъ учебныхъ предметовъ для развитія отдѣльныхъ сторонъ психики, или способностей. Послѣдней задачѣ докладчикъ придаетъ огромное значеніе въ виду перегруженности современныхъ школьныхъ программъ: точное знаніе „психопедагогической" компетенціи каждаго учебнаго предмета поможетъ правильному „раздѣленію труда" между предметами и приведетъ къ „экономіи силъ". Ни отзывы спеціалистовъ, которые склонны преувеличивать значеніе своихъ предметовъ, ни „ло-

гическое обдумываніе" связи между наукой и развиваемыми ею способностями, если оно не провѣрено на опытѣ, этого вопроса рѣшить не могутъ; единственное средство—„естественный экспериментъ".—Постановка „естественнаго эксперимента" можетъ быть двоякая. Можно вести изслѣдованія во время обычныхъ школьныхъ занятій, не нарушая ихъ теченія. Такой методъ пока достаточно не испробованъ; но выяснилась полная возможность для экспериментатора совмѣстно съ педагогомъ выработать „экспериментальный урокъ", напр. по естествознанію. Это просто рядовой урокъ, только расположенный по особой программѣ, въ которой послѣдовательно вызываются къ дѣятельности разныя психическія функціи, начиная съ простыхъ и кончая сложными. Напр. изучая бабочку и гусеницу и заставляя учениковъ ихъ описать, потомъ сравнить, потомъ объяснить (напр. со стороны ихъ приспособительной окраски), мы можемъ наблюдать, какъ функціонируютъ у учениковъ способности воспріятія, представленія, мышленія и т. д. Докладчикъ полагаетъ, что подобныя программы можно согласовать съ полною свободою учителя, который долженъ быть „творцомъ на урокѣ". Но пока экспериментаторы находятъ болѣе удобнымъ примѣнять другой методъ: берутъ 3—5 школьниковъ и продѣлываютъ съ ними „экспериментальный день" въ видѣ особыхъ уроковъ, согласованныхъ, однако, по содержанію и плану съ текущими занятіями. Въ теченіе 3½ часовъ дѣтямъ даются самыя разнообразныя занятія, въ которыхъ они могли бы проявить различныя психическія и физическія функціи (заучиванье стихотворенія, сочиненіе „на три слова", описаніе картинки, ариѳметическая задача, рисованіе статуетки, чтеніе разсказа съ „соціально-моральнымъ" содержаніемъ, гимнастика и ручной трудъ). Экспериментаторы наблюдаютъ дѣтей и записываютъ свои наблюденія по заранѣе выработанному плану: напр. наблюдаютъ манеру заучиванья наизусть (съ движеніями или безъ движеній) и опредѣляютъ моторный, или неподвижный типъ; отмѣчаютъ количество пропущенныхъ при повтореніи (послѣ 10-минутнаго заучиванья) словъ и т. п. На основаніи этихъ наблюденій составляются характеристики, которыя изображаются графически въ особыхъ „схемахъ". Графическая „схема личности", выработанная докладчикомъ, состоитъ изъ трехъ концентрическихъ круговъ, раздѣленныхъ радіусами на рядъ секторовъ. Три круга должны обозначать три ступени одаренности (слабый или бѣдный, средній и сильный или богатый типы) и характеризовать личность съ количественной стороны. Радіусы (секторы) должны обозначать отдѣльныя функціи личности (вниманіе, память, мышленіе и т. д.), которыя и обозначены на окружности, и такимъ образомъ должны характеризовать личность съ качественной стороны. Если теперь мы отмѣтимъ сравнительную высоту каждой функціи изслѣдуемаго индивиду-

ума точками на соотвѣтствующихъ радіусахъ и затѣмъ соединимъ всѣ точки линіями, то мы получимъ замкнутую кривую, при чемъ окруженная ею площадь будетъ обозначать сравнительное богатство данной личности, а ея углы будутъ обозначать характерныя особенности данной личности со стороны отдѣльныхъ психическихъ функцій. Такимъ образомъ у слабо одареннаго кривая будетъ колебаться въ предѣлахъ малаго круга, а у сильнаго—въ предѣлахъ большого круга, и чѣмъ ближе будетъ кривая подходить къ правильному кругу, тѣмъ ближе будетъ данная личность къ нормѣ данной ступени. Докладчикъ признаетъ, что не всѣ функціи могутъ быть занесены на эту схему. Напримѣръ, моральная сфера „пока" можетъ быть изучаема только путемъ простого наблюденія: посредствомъ разсказа съ моральнымъ содержаніемъ экспериментаторы пытались изслѣдовать нравственное чувство, но оказалось, что они могли получить только нравственныя сужденія. Точно также плохо поддается эксперименту эстетическое чувство. Далѣе, докладчикъ подчеркиваетъ, что съ подобными схемами нужно обращаться осторожно и какъ можно основательнѣе ихъ провѣрять. Такъ „естественный экспериментъ" разрѣшаетъ свою первую задачу.—Опытъ разрѣшенія второй задачи былъ данъ въ докладѣ *Л. А. Коварской* („Сравнительное психопедагогическое значеніе разныхъ учебныхъ предметовъ"). Но здѣсь мы узнали немногое: послѣ многообѣщавшаго предисловія о необходимости радикально реформировать школьныя программы на основаніи естественно-экспериментальныхъ изслѣдованій мы услышали самыя шаблонныя соображенія о значеніи 8-ми избранныхъ докладчицей предметовъ, основанныя, повидимому, не столько на экспериментѣ, сколько на „логическомъ обдумываніи" (не всегда достаточно глубокомъ),—въ родѣ того напр., что на урокахъ русскаго языка можно развивать память, и что для этого нужно „возможно чаще давать заучивать наизусть". Никакого фактическаго обоснованія не было дано, да и сомнительно, чтобы такая широкая задача, какъ разсматриваемая, могла быть выполнена новою экспериментальною школою въ такой короткій срокъ. Эту задачу, такимъ образомъ, можно оставить въ сторонѣ.

Строгіе послѣдователи экспериментализма, какъ и его критики, съ самаго начала констатировали въ теоріи „естественнаго эксперимента" шагъ назадъ къ методу простого наблюденія[1]). Подобный взглядъ былъ высказанъ и теперь по поводу доклада Лазурскаго А. П. Нечаевымъ. Болѣе „либеральные" эксперименталисты, напротивъ, отказывались

[1]) См. отчетъ о первомъ эксперим. съѣздѣ въ „Русск. Шк." 1911 № 2, стр. 184. Ср. ст. *Г. И. Челпанова* въ Вопрос. филос. и псих., кн. 106, стр. 48.

признать въ методѣ Лазурскаго что-либо новое въ сравненіи съ прежнимъ экспериментомъ, указывая на аналогичные опытѣ Бинэ, Штерна и др. (А. П. Болтуновъ). Мы не видѣли, чтобы докладчику въ теоріи удалось отмежеваться отъ простого методическаго наблюденія. Онъ указывалъ на то, что „естественный экспериментъ" требуетъ основательной подготовки и тщательной обработки результатовъ. Но это требованіе обязательно и для „методическаго" наблюденія [1]): достаточно указать на подготовку и обработку астрономическихъ наблюденій, которыя никто не назоветъ экспериментомъ. Другое высказанное докладчикомъ соображеніе, что наблюдатель, въ отличіе отъ экспериментатора, вынужденъ пассивно ожидать возникновенія наблюдаемаго явленія и пользоваться имъ, какъ оно дано, безъ измѣненій, въ сущности непримѣнимо къ наблюденію педагога, который всегда активенъ и всегда нѣчто вызываетъ въ воспитанникѣ. Все дѣло въ томъ, какую цѣль онъ при этомъ имѣетъ въ виду,—педагогическую, или психологическую: слѣдовательно въ наблюденіи онъ связанъ своей же собственной педагогической точкою зрѣнія. Но эта связанность остается и въ методикѣ Лазурскаго, — не только въ „эксперим. урокѣ", главная цѣль котораго остается, очевидно, педагогическая, но и въ „эксперим. днѣ", гдѣ психологическая цѣль въ интересахъ естественности приспособляется къ педагогическому плану и методу. Если понимать дѣло такъ, то педагогика всегда была экспериментальною, и „экспериментальные дни" были извѣстны еще древне-греческимъ философскимъ и древнехристіанскимъ высшимъ школамъ, въ которыхъ практиковались долговременнныя испытанія учениковъ путемъ пробныхъ занятій прежде занятій систематическихъ. Правда, здѣсь большую роль игралъ уже субъективный элементъ.—Но принципъ „естественности" едва ли не обязываетъ къ принятію и этого элемента, если рѣчь идетъ о высшихъ процессахъ и въ особенности „о личности". Чѣмъ менѣе обнаруживается психическій процессъ въ видимыхъ для насъ физіологическихъ измѣненіяхъ (а таковы всѣ высшіе процессы), тѣмъ болѣе при изученіи ихъ мы обязываемся пользоваться самонаблюденіемъ, при чемъ мы только догадываемся по весьма отдаленнымъ внѣшнимъ признакамъ о переживаніи наблюдаемаго

---

[1]) Ср. *Мейманъ*. Лекціи 3 изд., стр. 23 слѣд.

лица и возстановляемъ картину процесса по собственнымъ аналогичнымъ переживаніямъ. Что касается собственно „личности", то извѣстно, что въ личности указывается „предѣлъ объективнаго знанія" [1]). Все „личное" (если исключить общія „типическія" черты, которыя могутъ быть характерны для личности, но не составляютъ личности) является безусловно цѣльнымъ и неповторимымъ, а потому не можетъ подлежать ни анализу, ни обобщенію (абстракціи) и можетъ быть постигаемо или путемъ интуиціи, „вчувствованія", или путемъ сведенія (не къ общимъ понятіямъ), а къ общимъ „цѣнностямъ" [2]). Всякое другое постиженіе личности справедливо считается именно „искусственнымъ" [3]). Поэтому Наторпъ, который, кажется, впервые употребилъ выраженіе „естественный экспериментъ", примѣняетъ это названіе не къ объективному изслѣдованію, а именно къ интуитивному проникновенію въ личность воспитанника, которое называется педагогическимъ чутьемъ или тактомъ [4]), и которое обычно соединяется съ педагогическимъ наблюденіемъ. Такимъ образомъ понятіе эксперимента оказывается шире понятія объективнаго наблюденія, и подлинно „естественнымъ" методомъ въ отношеніи къ личности является методъ субъективный. Если отождествлять все научное съ естественно-научнымъ, то этотъ методъ придется назвать „экспериментальнымъ искусствомъ" [5]). Отъ этого субъективнаго элемента едва ли удалось вполнѣ отрѣшиться и г. Лазурскому. Напр., чтобы опредѣлить относительное „богатство" воображенія по сочиненію „на три слова" или по рисунку, конечно, не достаточно сосчитать количество образовъ, а требуется художественная ихъ оцѣнка, не имѣющая ничего общаго съ „объективнымъ" методомъ.—Но, съ другой стороны несомнѣнно и то, что при изслѣдованіи болѣе элементарныхъ процессовъ г. Лазурскій пользуется методомъ искусственнымъ, мало отличающимся отъ лабораторнаго эксперимента. Напр., когда заставляютъ учениковъ въ теченіе 10 минутъ

---

1) Съ этимъ согласны и нѣкоторые экспериментаписты. См. *Мейманъ.* Лекціи, т. II, стр. 3.

2) См. напр. *Dessoir.* Seelenkunst und Psychognosis. „Archiv f. System. Philosophie", III, S. 374 ff. *Г. Риккертъ.* Границы естественно-научнаго образованія понятій (Спб. 1904), стр. 307 слѣд.

3) *Мюнстербергъ.* Психологія и учитель, стр. 31.

4) *П. Наторпъ.* Философія какъ основа педагогики (М. 1910), стр. 53.

5) Ср. *Ришаръ.* Экспериментальная педагогика (М. 1914), стр. 6.

заучивать стихотвореніе и затѣмъ дѣлаютъ подсчетъ воспроизведенныхъ словъ, тогда мы находимся, очевидно, не въ классѣ, а въ лабораторіи. Такимъ образомъ „естественный экспериментъ" оказывается методомъ весьма разнообразнымъ (какъ разнообразна жизнь, которую онъ хочетъ обнять), или—вѣрнѣе — соединеніемъ разныхъ методовъ, хотя преобладающимъ методомъ является, повидимому, „методическое наблюденіе".—Что касается ссылокъ на прецеденты (въ родѣ опытовъ Бинэ и Штерна), то они показываютъ только то, что и прежде въ эксперим. педагогикѣ было теченіе, тяготѣвшее къ методу простого наблюденія. Но послѣдовательные эксперименталисты (даже умѣренные, какъ Мейманъ) относились къ этому теченію отрицательно [1]).

Такимъ образомъ въ движеніи „естественнаго эксперимента" нельзя не видѣть нѣкотораго разочарованія въ строгомъ лабораторномъ экспериментѣ и выступленія извѣстной части экспериментальной школы на болѣе широкую методическую дорогу. Самъ докладчикъ, отвѣчая на недоумѣнія А. П. Нечаева, объявилъ, что „дѣло (экспериментализма) расчленяется", что въ эксперим. педагогикѣ „опредѣляются разновидности", и объяснилъ это именно выяснившеюся недостаточностью лабораторнаго эксперимента для изученія такихъ сложныхъ явленій, какъ личность. Но это расхожденіе пока остается только методическимъ. Несмотря на ясно сознаваемое „расчлененіе", представители новаго теченія упорно называютъ свой методъ „экспериментальнымъ" (разумѣется въ „объективномъ" смыслѣ),—конечно, не изъ приверженности къ старой модѣ [2]), а потому, что они дѣйствительно не видятъ существенной разницы между новымъ и старымъ методами и вѣрятъ, что впослѣдствіи „естественный экспериментъ" будетъ такимъ же точнымъ методомъ, какъ

---

[1]) Когда Лай выступилъ съ требованіемъ, чтобы т. н. „дидактическій экспериментъ" производился прямо на урокахъ (=„эксперим. урокъ" г. Лазурскаго), или во всякомъ случаѣ былъ точною копіей урока (= „эксперим. день"), то Мейманъ усмотрѣлъ въ этомъ „ложный взглядъ какъ на преподаваніе, такъ и на дидактическій экспериментъ" и заявилъ, что для эксперимента допустимо лишь „нѣкоторое приближеніе къ тому, что происходитъ въ школѣ", и то лишь „въ нѣкоторыхъ опытахъ", ибо „самой природой эксперимента обусловлено то обстоятельство, что здѣсь всегда создаются искусственныя условія для дѣятельности ребенка". *Мейманъ*. Лекціи, ч. III, стр. 8, 10, 11.

[2]) Ср. *Г. И. Челпановъ*. Вопросы филос. и психол., кн. 106, стр. 48.

лабораторный, и что онъ дастъ возможность включить въ сферу экспериментальнаго изслѣдованія даже такія „сложныя" явленія, какъ нравственныя проявленія личности. Въ основѣ этого вѣрованія лежитъ убѣжденіе, что явленія „нервно-психической сферы" отличаются между собою только большею или меньшею „сложностью", въ которой нужно лишь разобраться. Потому-то мы и видѣли, что представитель „естественнаго эксперимента" привѣтствовалъ „физіологическую" точку зрѣнія акад. Павлова. Старая точка зрѣнія на душевную жизнь сказывается соотвѣтствующимъ образомъ и на тѣхъ результатахъ „естественно-экспериментальныхъ" изслѣдованій, которыя даны въ „схемѣ личности" г. Лазурскаго.

Въ основѣ этой „схемы" лежитъ взглядъ на личность, какъ на механическое соединеніе отдѣльныхъ способностей или функцій, для котораго не мыслится особаго реальнаго центра, кромѣ связи этихъ способностей съ данною нервной системой [1]). Отсюда и получается, что стоитъ только изучить и измѣрить эти способности въ отдѣльности, и мы будемъ имѣть полную картину личности. Такое разрѣшеніе сложной проблемы личности не можетъ не прельщать своей простотой, и „схема" г. Лазурскаго на съѣздѣ имѣла большой успѣхъ. Нѣкоторые педагоги совѣтовали ввести ее въ школьную практику вмѣсто балловой системы. Самъ докладчикъ склоненъ былъ, повидимому, придавать своей схемѣ сакраментальное значеніе и только настаивалъ на необходимости ее „провѣрять и провѣрять", чтобы не депрессировать ребенка рѣшительнымъ приговоромъ. Однако педагогическое значеніе „схемы" г. Лазурскаго, какъ и другихъ подобныхъ „схемъ" и „профилей", весьма сомнительно. Прежде всего, здѣсь представлена, конечно, не личность, которая въ своей индивидуальности неповторима и несравнима, а лишь ея „типическія" или общія разнымъ индивидуумамъ черты. Это положеніе, признаваемое и экспериментталистами [2]), должно быть особенно подчеркнуто для педагогики. То чисто индивидуальное („individuendum" по Риккерту [3]), мимо чего про-

[1]) Ср. *А. Ө. Лазурскій.* Очеркъ науки о характерахъ, изд. 2-ое, стр. 54. Ср. Вопросы филос. и псих., кн. 100, стр. 735.

[2]) *Мейманъ.* Лекціи II, стр. 3.

[3]) *Г. Риккертъ.* Границы естественно-научнаго образованія понятій, стр. 319.

ходитъ психологія со своей естественно-научной точкой зрѣнія, для педагога есть цѣнность, которая не можетъ быть игнорирована, хотя бы общія или типическія особенности личности были ему исчерпывающимъ образомъ извѣстны. Но и со стороны „типическихъ“ особенностей личности „схема“ Лазурскаго далеко не отвѣчаетъ своему назначенію. Что она не исчерпываетъ всѣхъ „функцій“, это признаетъ и самъ докладчикъ. Допустимъ, что эта неполнота временная; но только при механическомъ взглядѣ на личность можно воображать, что мы имѣемъ все-таки „схему личности“, ничего не зная о нравственной ея сторонѣ. Далѣе, въ „схемѣ“ совершенно не указывается внутренняя связь между отдѣльными функціями, которая для оцѣнки личности имѣетъ не меньшее значеніе, чѣмъ сравнительная высота каждой функціи“. Эта связь едва ли можетъ быть опредѣлена помимо „субъективнаго метода“. Для качественнаго опредѣленія „функцій, которое должно бы, повидимому, составлять центръ тяжести въ „схемѣ“, на самомъ дѣлѣ отведено слишкомъ мало мѣста. Конечно, для опредѣленія напр. мышленія мало указать сравнительную силу этой функціи, а нужно указать, какой типъ мышленія (научный, или практическій, аналитическій, или синтетическій и т. д.) имѣется въ виду. Въ „схемѣ“ для этой цѣли каждый секторъ, отвѣчающій отдѣльной функціи, имѣетъ подраздѣленія, но совершенно очевидно, что въ эти подраздѣленія не можетъ уложиться все разнообразіе типовъ и ихъ комбинацій, и — главное — типы отдѣльныхъ функцій не намѣчены, и опредѣленіе ихъ, повидимому, предоставляется изслѣдователю. Этотъ недостатокъ обнаруживаетъ истинное значеніе „схемы:“ она можетъ служить формою для собиранія „индивидуальнаго“ матеріала съ цѣлью выясненія разныхъ типовъ отдѣльныхъ психическихъ процессовъ (задача, еще не разрѣшенная индивидуальной психологіей [1]), а отнюдь не для педагогическаго „психогносиса“. Что касается количественныхъ опредѣленій, отмѣчаемыхъ высотою радіуса, то они не могутъ имѣть особенной цѣнности, потому что производятся безъ всякаго объективнаго критерія, „на глазъ“, какъ справедливо замѣтилъ А. П. Нечаевъ. Къ этому нужно прибавить, что всѣ опредѣленія „схемы“ могутъ имѣть лишь относительное значеніе для дан-

---

[1]) *Ришаръ.* Экспериментальная педагогика, стр. 26.

наго момента и для даннаго ограниченнаго круга предметовъ. На основаніи „экспериментальнаго дня" и даже многихъ такихъ „дней" нельзя сказать навѣрное, что подмѣченныя типическія особенности ребенка суть постоянныя, а не временныя и наносныя (самъ докладчикъ говорилъ, что его „естественный" методъ разсчитанъ главнымъ образомъ на экзопсихику, которая не поддается лабораторному эксперименту); нельзя ручаться и за то, что напр. на урокѣ Закона Божія, который не включенъ въ „эксперим. день", ребенокъ не обнаружилъ бы другихъ весьма важныхъ типическихъ особенностей. Въ качествѣ эквивалента балловой системы „схема" Лазурскаго близко напоминала бы принятую въ нѣкоторыхъ школахъ систему отдѣльныхъ отмѣтокъ по „поведенію, вниманію, прилежанію и знанію". Но послѣдняя менѣе претенціозна, — она характеризуетъ школьника только со стороны его отношенія именно къ даннымъ урокамъ. Едва ли можно желать, чтобы педагогъ ставилъ отмѣтки по „мышленію, памяти, воображенію" и т. д. Живую личность можно описать только въ свободной характеристикѣ.

Изъ доклада *К. И. Поварнина* („Къ вопросу объ экспериментально-психологическомъ изслѣдованіи дѣтей въ дошкольномъ возрастѣ") мы узнали, что „естественный экспериментъ", т. е. методическое наблюденіе съ особеннымъ успѣхомъ примѣняется къ изслѣдованію дѣтей младшаго возраста въ Педологическомъ институтѣ при Психо-неврологическомъ институтѣ.—Вообще „естественный экспериментъ" былъ доминирующимъ мотивомъ третьяго съѣзда. Въ сравненіи съ нимъ лабораторный психологическій экспериментъ представленъ былъ на этотъ разъ довольно слабо. Сюда относились: докладъ *О. Р. Шредеръ* „Къ вопросу объ изслѣдованіи утомленія по методу колебанія вниманія" и демонстрація *А. П. Нечаевымъ* извѣстнаго уже по 2-му съѣзду „метода единаго процесса" для изслѣдованія интеллекта. Оба доклада относились къ психологіи взрослыхъ и для педагогики прямого интереса не представляли.

Отмѣченная своеобразная особенность 3-го съѣзда даетъ нѣкоторое основаніе надѣяться, что изученіе „сложныхъ" явленій болѣе широкимъ методомъ въ дальнѣйшемъ приведетъ новую педагогику къ болѣе „естественному" пониманію природы душевной жизни и ея цѣлей и къ освобожденію отъ узкихъ рамокъ „психологизма" въ телеологіи вос-

питанія и „физіологизма“ въ методологіи. Эта надежда поддерживается и тѣмъ наблюденіемъ, что „экспериментальная педагогика“ чувствуетъ себя далеко не вполнѣ свободно, когда она хочетъ быть подлинной педагогикой, а не педологіей только. Ея стихія—психологическая лабораторія; напротивъ, атмосфера школы, въ которой, какъ бы она ни была плоха, витаютъ незримыя для глаза традиціи идеализма и духовности, оказывается не вполнѣ благопріятною для рефлексологіи и всякаго рода механизаціи. Поэтому, когда эксперим. педагогика хочетъ прямо отвѣчать на запросы школы, она вынуждена или временно забывать о своихъ принципіальныхъ предпосылкахъ, или терпѣть явную неудачу въ попыткахъ примирить непримиримое. Примѣръ перваго рода можно было наблюдать въ появленіи на съѣздѣ доклада *П. П. Лебедева* „О логикѣ, какъ предметѣ обученія въ средней школѣ“. Главная мысль доклада сводилась къ требованію расширить философское образованіе въ гимназіи присоединеніемъ къ проходимому здѣсь курсу логики и психологіи „введенія въ философію“. Вполнѣ понятно, что докладчикъ (не экспериментались), хорошо знающій по преподавательскому опыту въ семинаріи образовательное значеніе философскихъ предметовъ, могъ защищать подобный проектъ. Но по какой ассоціаціи могъ возникнуть такой докладъ на экспериментальномъ съѣздѣ, если не по ассоціаціи контраста? Тѣмъ не менѣе докладъ былъ принятъ сочувственно присутствовавшими педагогами, и это едва ли говорило о полномъ ихъ сочувствіи принципамъ экспериментализма.—Примѣръ второго рода можно было видѣть въ докладѣ *А. П. Нечаева* „О преподаваніи психологіи въ средней школѣ“. Поводомъ къ новому обсужденію этого вопроса послужилъ возникшій въ Министерствѣ проектъ устранить психологію изъ средней школы. Докладчикъ энергично защищалъ свою науку, при чемъ привлечены были слѣдующіе аргументы принципіальнаго характера. Психологія, съ одной стороны, отвѣчаетъ прямымъ запросамъ „юношества старшихъ классовъ гимназій“. Въ этомъ возрастѣ „самъ собою возникаетъ интересъ къ вопросамъ душевной (духовной?) жизни: къ вопросамъ совѣсти, этики, религіи, поэтическаго вдохновенія,—значитъ, юноша по природѣ психологъ“. Съ другой стороны, психологія отвѣчаетъ основнымъ задачамъ школы. Во-1-хъ, главная цѣль воспитанія — нравственно-

цѣльная личность; но развѣ можно представить себѣ таковую безъ необходимаго для личности синтеза? Преподаваніе психологіи является въ этомъ отношеніи „незамѣнимымъ средствомъ“: оно „содѣйствуетъ выработкѣ міросозерцанія и формированію личности“. Во-2-хъ, теперь признано, что въ средней школѣ должно господствовать изученіе природы. Но человѣкъ есть вѣнецъ природы, и если необходимы физика и зоологія, то какъ можно выбросить психологію? Можно сослаться на то, что о „душевной“ жизни говорятъ на урокахъ русскаго языка, Закона Божія, исторіи и т. д.; но эти разбросанныя и несогласованныя свѣдѣнія не могутъ же сами объединиться въ цѣльное знаніе. Ссылаются на многопредметность, но единственнымъ раціональнымъ средствомъ борьбы съ многопредметностью является возможное объединеніе преподаванія. Такимъ образомъ мы опять приходимъ къ необходимости объединяющей науки, какою и должна быть психологія.—Все это прекрасно. Но рѣчь идетъ, вѣдь, не о старой философской или теоретической психологіи, а о новой экспериментальной, которая разсматриваетъ себя какъ часть біологіи и рѣшительно отмежевывается отъ всякой философіи. Можно понять, что такая психологія должна быть изучаема, какъ знаніе о природѣ, подобно физіологіи. Но какое отношеніе она можетъ имѣть къ синтезу знаній и тѣмъ болѣе къ формированію нравственно-цѣльной личности? Если психологія „даетъ поводъ касаться многаго, о чемъ говорятъ другіе предметы“, то это еще не синтезъ; да и число такихъ „поводовъ“ не слишкомъ велико, такъ какъ гуманитарныя науки, о которыхъ упоминаетъ докладчикъ, говорятъ о душѣ совсѣмъ не то, что говоритъ экспериментальная психологія въ качествѣ естественной науки: онѣ подходятъ къ душѣ съ точкою зрѣнія „цѣнности“ и интересуются живою личностью въ ея нераздѣльности. Тѣмъ труднѣе понять, какъ могъ бы юноша найти удовлетвореніе своимъ религіознымъ или нравственнымъ запросамъ въ наукѣ біологической? Можетъ быть, онъ найдетъ это въ построенной на основѣ біологіи философіи, но въ самой біологіи, а слѣдовательно и въ эксперим. психологіи онъ найдетъ только знаніе реальныхъ фактовъ. Поэтому т. н. юношескій „идеализмъ“, въ которомъ интересъ къ „должному“, къ идеямъ имѣетъ рѣшительный перевѣсъ надъ интересомъ къ

реальной дѣйствительности [1]), очень мало имѣетъ общаго съ эксперим. психологіей. По поводу доклада кѣмъ то было высказано соображеніе, что психологія можетъ научить человѣка бережнѣе относиться къ душѣ своего ближняго: еслибы напр. инженеръ былъ знакомъ съ психологіей, то онъ „не смотрѣлъ бы на рабочаго какъ на лопату". Но какъ можно ждать этого отъ той психологіи, которая сама склонна разсматривать человѣка какъ машину, какъ „захватывающій" механизмъ?—Конечно, все это отнюдь не говоритъ за то, что психологія должна быть устранена изъ курса средней школы. Но ясно, что вся аргументація докладчика говорила не въ пользу экспериментальной психологіи, а въ пользу философіи и старой теоретической психологіи. Такъ, очевидно, и поняли дѣло присутствовавшіе на съѣздѣ педагоги, дружно поддержавшіе докладчика соотвѣтствующей „резолюціей". Ихъ точка зрѣнія на преподаваніе психологіи въ средней школѣ выразилась достаточно ясно въ настойчивомъ требованіи пользоваться для психологическихъ иллюстрацій не экспериментомъ, а литературно-художественными типами. Такимъ образомъ послѣдніе два доклада показали, что практическая педагогика требуетъ усиленія въ образовательной программѣ того самого философскаго элемента, съ которымъ экспериментальная педагогика ведетъ войну въ качествѣ точной науки.

Конечно, это расхожденіе принято объяснять тѣмъ, что практическая педагогика недостаточно еще проникласъ „научнымъ" духомъ новой педагогики. Но и о подлинной „наукѣ" нельзя сказать, чтобы она находилась въ полномъ контактѣ съ экспериментальной педагогикой. Съ этой стороны интересно отношеніе между новой педагогикой и университетской наукой, которое обсуждалось на съѣздѣ по поводу доклада *В. В. Успенскаго* „Педагогика въ высшей школѣ". Сообразно своимъ задачамъ мы беремъ настоящій докладъ именно какъ „поводъ для обсужденія" вопроса, потому что докладчикъ не эксперименталистъ, и кромѣ того онъ оставилъ въ сторонѣ всю предшествующую исторію вопроса, которая весьма характерна и не лишена нѣкотораго трагизма... Указывая на то, что у насъ въ послѣднее время наростаетъ интересъ къ педагогикѣ, можно сказать, „педагогическій

---

[1]) *Наторпъ*. Соціальная педагогика (Спб. 1911), 268 слѣд.

голодъ“ (особенно въ виду выдвигаемой историческими событіями проблемы національнаго воспитанія), и что для удовлетворенія этого „голода“ въ Россіи дѣлается очень мало и меньше всего университетами, докладчикъ высказываетъ убѣжденіе, что именно университетъ долженъ взяться за это дѣло, потомучто рѣчь идетъ не о чемъ иномъ, какъ о „созданіи науки педагогики“. Переживаемый сейчасъ педагогическій кризисъ въ видѣ конфликта между философской педагогикой и экспериментальной показываетъ, что „науки педагогики пока нѣтъ“, а „создать науку можетъ только университетъ“. Возможность университетской педагогики показываетъ примѣръ американскихъ университетовъ, напр., Чикагскаго, гдѣ ежегодно читается большое количество курсовъ, относящихся къ педагогикѣ. Практически докладчикъ представляетъ университетскую педагогику въ видѣ „междуфакультетской“ каѳедры съ рядомъ приватъ-доцентуръ по всѣмъ вспомогательнымъ наукамъ.—Нужно замѣтить, что на первыхъ порахъ педагоги экспериментальной школы, въ глубокомъ убѣжденіи, что только теперь педагогика стала подлинной наукой, потребовали для нея мѣста въ университетѣ сначала въ видѣ одной каѳедры, а потомъ въ видѣ цѣлаго факультета. Въ 1905 г. подробный проектъ педагогическаго факультета съ 2-годичнымъ курсомъ былъ разработанъ на медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета [1]), но не встрѣтилъ сочувствія въ Совѣтѣ, который ограничился открытіемъ курса по исторіи педагогики. На первомъ съѣздѣ по педагогической психологіи, гдѣ особенно подробно обсуждался этотъ вопросъ, уже намѣтилось колебаніе между факультетомъ и совершенно особымъ „научно-учебнымъ“ учрежденіемъ [2]), и фактически жизнь сложилась въ пользу послѣдняго: новая педагогика нашла себѣ пріютъ въ частныхъ учрежденіяхъ. Какъ относится къ этому вопросу эксперим. педагогика въ настоящее время, мы узнали изъ заявленія, сдѣланнаго по поводу доклада В. В. Успенскаго А. П. Нечаевымъ. По его мнѣнію, каѳедра педагогики, по крайней мѣрѣ при существующихъ университетскихъ условіяхъ, не только безполезна, но, пожалуй, и не желательна. Давно существующія въ нѣкоторыхъ нашихъ

[1]) Напечатанъ въ „Научномъ Словѣ“ 1905 г. Кн. 5, стр. 109—116.

[2]) Труды перваго съѣзда по педаг. психологіи (Спб. 1906), стр. 255, ср. 46, 229 слѣд.

высшихъ школахъ (напр. въ духовныхъ академіяхъ и ист.-филолог. институтахъ) каѳедры педагогики были, по мнѣнію А. П. Нечаева, безплодны; а знаменитая каѳедра В. Рейна въ Іенѣ (напротивъ, особенно продуктивная) „гнетомъ своего авторитета подавляетъ“ свободное творчество и заставляетъ „живыя силы“ прибѣгать къ организаціи параллельныхъ частныхъ учрежденій. „Для профессора педагогики нужна такая обстановка, которая не позволяла бы ему обратиться въ кабинетнаго ученаго“. Подобная обстановка имѣется только въ американскихъ и нѣкоторыхъ англійскихъ университетахъ, поддерживающихъ связь съ другими учрежденіями и вообще съ жизнью, напр. въ Шеффильдскомъ университетѣ, гдѣ профессоръ педагогики имѣетъ въ своемъ распоряженіи семь учебныхъ заведеній разнаго типа, приглашается для обсужденія мѣропріятій по народному образованію въ министерство и т. п. Такимъ образомъ въ настоящее время экспериментальная педагогика сама отгораживается отъ университетской науки во имя жизни. Позволительно, однако, сомнѣваться, что она отъ этого много выиграетъ. Конечно, методическая сторона требуетъ постояннаго соприкосновенія теоріи со школьной практикой (и эта связь не исключается университетской постановкой науки, какъ это видно хотя бы изъ опыта Рейна), хотя и здѣсь далеко не все опредѣляется „жизнью“: сама экспериментальная педагогика для „точнаго“ изученія природы ребенка уходитъ отъ жизни въ лабораторію. Но въ настоящемъ случаѣ имѣется въ виду и осуждается „теоретизмъ“ не столько методическій, сколько принципіальный: заранѣе предрекаемая мертвенность предполагаемой университетстской педагогики. Здѣсь отражается уже извѣстная намъ принципіальная особенность экспериментализма: своеобразный взглядъ на отношеніе между идеями и „реальной дѣйствительностью“. Однако „жизненность“ опредѣляется не преклоненіемъ предъ реальной дѣйствительностью, которое скорѣе ведетъ къ механизаціи и рутинѣ, а именно творческими идеями. Философія — самая теоретичная, но въ то же время и самая жизненная наука. Такимъ образомъ, перемѣщая центръ тяжести изъ сферы науки въ сферу практической жизни, педагогика едва ли выиграетъ въ отношеніи жизненности, но она рискуетъ много потерять въ смыслѣ научной глубины и самостоятельности. Интересная въ этомъ отношеніи справка приведена

была однимъ участникомъ съѣзда. Оказывается, что широкая практическая постановка педагогики въ американскихъ университетахъ, на которую указывалъ какъ на образецъ докладчикъ, рѣшительно не удовлетворяетъ даже американцевъ: они „тоскуютъ по глубинѣ“ европейской науки. Что касается указанія А. П. Нечаева, на видимую безплодность академическихъ каѳедръ педагогики, то оно, пожалуй, справедливо, если имѣть въ виду экспериментальную педагогику, или педологію. Что современная педологія не могла найти благопріятной почвы въ духовныхъ академіяхъ, это понятно: ея стихія—медицинскій факультетъ. Зато бо́льшая часть того, что сдѣлано у насъ для исторіи педагогики и для педагогики философской, такъ или иначе связана съ академіями) хотя, нужно прибавить, до самаго недавняго времени педагогика существовала здѣсь не въ видѣ отдѣльной каѳедры, а соединена была съ другой, богословской наукой, которая по особымъ условіямъ требовала главнаго къ себѣ вниманія со стороны профессора).—Какъ же должна сложиться дальнѣйшая судьба научной педагогики? Съ возникновеніемъ педологіи намѣтилась такая дифференціація нашей науки, которая исключаетъ всякую возможность совмѣщенія ея въ одной каѳедрѣ. Теперь сюда входятъ элементы столь разныхъ наукъ, какъ физіологія и философія, эксперим. психологія и исторія. А мы уже видѣли, какіе получаются результаты, когда физіологія врывается въ психологію, а психологія въ этику. Сказать, кто именно будетъ читать проектируемую въ университетѣ педагогику—значитъ намѣтить цѣлую программу. Въ упомянутомъ проектѣ Московскаго университета каѳедра педагогики предоставляется „д-ру одной изъ біологическихъ или медицинскихъ наукъ“. То же сказано и о педагогической психологіи... Такимъ образомъ будущее педагогики можетъ мыслиться только въ видѣ факультета или спеціальнаго учебнаго заведенія. Только при этомъ условіи возможно будетъ и для „экспериментальной педагогики“ не расширять своей компетенціи, а оставаться тѣмъ, чѣмъ она только и можетъ быть, т. е. эмпирическимъ обоснованіемъ методовъ воспитанія.

Соотвѣтственно этому и относительно будущихъ педагогическихъ съѣздовъ можно всецѣло присоединиться къ высказывавшемуся уже ранѣе пожеланію, чтобы эти съѣзды были просто педагогическими, а не экспериментально-педа-

гогическими [1]), и чтобы экспериментальная педагогика или педологія представлена была на нихъ какъ одна изъ секцій. Тогда наши педагоги получили бы возможность обмѣниваться мнѣніями по всѣмъ вопросамъ воспитанія въ болѣе широкой и „естественной" постановкѣ и, можетъ быть, получили бы наконецъ поводъ поговорить и о „проблемѣ національнаго воспитанія", которая настойчиво выдвигается настоящимъ историческимъ моментомъ. Во всякомъ же случаѣ тогда не получалось бы ложнаго впечатлѣнія, что экспериментальная педагогика представляетъ собою всю педагогику, и что въ нашъ вѣкъ научнаго прогресса не можетъ и не должно быть иной педагогики кромѣ экспериментальной.

А. Дьяконовъ.

---

[1]) *Г. И. Челпановъ.* Что нужно знать педагогу изъ психологіи „Вопр. фил. и псих." кн. 106, стр. 68.

Дидаскалія и Апостольскія Постановленія по ихъ происхожденію, взаимоотношенію и значенію.

По поводу диссертаціи профессора томскаго университета П. А. Прокошева: Didascalia Apostolorum и первые шесть книгъ Апостольскихъ Постановленій. Историко-критическое изслѣдованіе изъ области источниковъ церковнаго права. II. Приложеніе: Didascalia Apostolorum (текстъ памятника въ русскомъ переводѣ). Томскъ 1913. Стр. XVII + 462 + III; V+195.

Характеръ изслѣдованія и главнѣйшая научная задача касательно Дидаскаліи и А. П. (хронологическая).—Обзоръ изданій и—спеціально—оцѣнка изданія Функа.

Въ своемъ „введеніи“ къ настоящему труду авторъ мотивируетъ появленіе его далеко не новыми [1] и совсѣмъ невыгодными для себя соображеніями субъективнаго характера, что „когда работа (его), посвященная изложенію внутреннихъ началъ и внѣшней структуры церковнаго процесса (судного!) за первые восемь вѣковъ христіанства, казалось, *близка была къ окончанію*“ (стр. IX), — лишь тогда ему „личнымъ опытомъ пришлось убѣдиться въ томъ, что научное историко-каноническое изслѣдованіе невозможно, пока не продѣлана (sic!) предварительная трудная и сложная работа надъ первоисточниками, направленная на установленіе

[1]) Ср. во „введеніи“ и—частію—въ самомъ изслѣдованіи проф. *П. А. Прокошева* „Церковное судопроизводство въ періодъ вселенскихъ соборовъ (accusatio) и вліяніе на него римско-византійскаго процессуальнаго права“, Казань 1900.

подлинности и объективной цѣнности матеріала, содержащагося въ томъ или другомъ первоисточникѣ" (стр. XIV). Вынужденный вспомнить объ этой основной аксіомѣ всякаго научнаго изысканія, проф. П. А. Прокошевъ естественно обратился къ вопросу объ Апостольскихъ Постановленіяхъ по связи ихъ съ Дидаскаліей, при чемъ относительно времени происхожденія этихъ памятниковъ обнаружилось столь важное разногласіе между одними учеными и профессоромъ Функомъ, „теорія котораго является въ хронологическомъ отношеніи послѣднимъ словомъ западно-европейской науки", что теперь неотразимо выдвинулась „альтернатива: или отказаться отъ пользованія этимъ традиціоннымъ источникомъ или предварительно доказать ошибочность воззрѣній проф. Функа и тѣмъ подвести прочный фундаментъ для первой части *задуманной* исторической работы о церковномъ процессѣ" (стр. XIII—XV).

Авторъ избираетъ второе, и такимъ образомъ его главнѣйшею задачей является собственно хронологическая проблемма касательно времени происхожденія Дидаскаліи и Апостольскихъ Постановленій, какъ это и вполнѣ законно въ научномъ смыслѣ, ибо всѣ другіе пункты освѣщаются нынѣ согласно, или дебатируются разнорѣчиво лишь по соотношенію со спорами хронологическими и въ интересахъ извѣстнаго рѣшенія ихъ (ср. стр. 457 слл.). Цѣль—объективно умѣстная и ясная, но въ своемъ осуществленіи проф. П. А. Прокошевъ идетъ путемъ слишкомъ кружнымъ и для нея ненужнымъ.

Въ началѣ мы находимъ обширную главу (стр. 1—81), содержащую „историческій очеркъ научной разработки вопроса о происхожденіи Апостольскихъ Постановленій съ XVI вѣка до нашихъ дней". Въ наибольшей части эти разысканія носятъ чисто археологическій характеръ и не затрогиваютъ центральнаго предмета рѣчи, между тѣмъ захватываютъ и совершенно обветшавшее, и несомнѣнно куріозное (стр. 32) или странное (стр. 47), и лишенное значенія даже въ свое время (стр. 33), и то, что было простымъ повтореніемъ (стр. 24, 25, 36, 42, 46), не представляя ничего новаго (стр. 43) и не имѣя особой важности, какъ мнѣніе посторонняго для дѣла экзегета Розенмюллера (стр. 44—45). Но данной сторонѣ авторъ посвящаетъ большое вниманіе и заранѣе вмѣняетъ себѣ въ заслугу, что приводитъ многія слова разныхъ

старинныхъ авторовъ, благодаря счастливой возможности непосредственнаго пользованія книжными библіографическими рѣдкостями въ Берлинской Королевской Библіотекѣ (стр. 18,40; XVI), хотя все это скорѣе отдаляло отъ главнѣйшей цѣли и — думаемъ — могло быть пріобрѣтено помимо Берлина въ разныхъ русскихъ книгохранилищахъ. Собственно новыхъ библіографическихъ разысканій вовсе не видно. Въ этомъ отношеніи примѣчательно, что и въ анализируемомъ обзорѣ и въ пространномъ перечнѣ „источниковъ и пособій" (стр. I—VIII) проф. П. А. Прокошевъ крайне рѣдко приводитъ при латинскихъ названіяхъ[1]) писателей и подлинныя имена, воздерживаясь отъ всякихъ дальнѣйшихъ сообщеній. Даже о первоначальникѣ научныхъ трудовъ въ настоящей области только отмѣчается (стр. XIII, 11, 19,42) изъ наличнаго пособія, что Turrianus есть Francisco de Torres, а слѣдовало бы упомянуть, что онъ родился въ 1509 г., съ 25 декабря 1566 г. іезуитъ, былъ на Тридентскомъ соборѣ въ качествѣ папскаго теолога, умеръ 21 ноября 1584 (1586?) г.[2]). И во всемъ прочемъ не усматривается ни особыхъ обогащеній, ни существенныхъ улучшеній. Однако проф. П. А. Прокошевъ хвалится, что онъ много исправилъ и подвинулъ дѣло сравнительно съ Функомъ, положивъ въ основу классификаціи terminus ad quem, указываемый тѣмъ или инымъ ученымъ древняго періода относительно времени происхожденія Апостольскихъ Постановленій (стр. 18). Фактически же онъ всецѣло пользуется именно трудомъ названнаго ученаго (съ восполненіемъ изъ Krabbe) даже тамъ, гдѣ думаетъ опровергать

---

[1]) Но бываетъ даже и наоборотъ; см. стр. 43: „Ittig (Ittigius Thoma)". Разумѣется Thomas Ittig, род. 1643 г. въ Лейпцигѣ, съ 1698 г. профессоръ богословія, † 1710 г. (см. *P. Zeller*, Theologisches Handwörterbuch I, Calw und Stuttgart 1891, S. 872). Говорится просто, что „первыя указанія на сирійскій текстъ Дидаскаліи встрѣчаются у Abrahamus Ecellensis" (стр. 82,1), а это сирійскій маронитъ (въ Ekchel'ѣ), ученый оріенталистъ, сотрудникъ Парижской Полиглотты, † 1664 г. (*Michael Buchberger*, Kirchliches Handlexikon I, München 1907, Sp. 24; *A. Vacant*, Dictionnaire de théologie catholique I, Paris 1903, col. 116—118). Даже извѣстный библеистъ Сикстъ Сіенскій (1520 г. — † 1569 г.) пишется полатыни Sixtus Senensis (стр. 366)...

[2]) См. *Michael Buchberger*, Kirchliches Handlexikon II (München 1912), Sp. 2425; The Catholic Encyclopedia XIV (London 1912), p. 783[2]; „The Journal of Theological Studies" XV, 57 (October, 1913), p. 53,1.

послѣдняго [1]), не выходитъ за предѣлы его датъ [2]) и не всегда воспроизводитъ вполнѣ точно[3]), цитуя оттуда греческія выдержки полатыни [4]); но нѣтъ ничего о столь колоссальной научной величинѣ, какъ покойный († 21 декабря 1889 г.) епископъ Joseph Barber Lightfoot, о которомъ въ 1913 г. можно бы сказать больше по сравненію съ Функомъ (S. 20—21), а въ рѣчи о Дреѣ не упомянута работа проф. Н. А. Заозерскаго. Что касается существа классификаціи, то она едва ли представляетъ плодотворныя выгоды для пониманія хронологической послѣдовательности и преемственности научныхъ взглядовъ и повела къ тому, что наряду съ древнѣйшими авторами называются и новѣйшіе (стр. 23, 38). Раздѣленіе на періоды (стр. 16)—чисто внѣшнее, если, напр., третій датируется изда-

---

[1]) На стр. 62 П. А. Прокошевъ торжественно свидѣтельствуетъ, что признаніе сирійской Дидаскаліи за основу первыхъ, шести книгъ Апостольскихъ Постановленій должно быть связываемо „не съ именемъ проф. Функа, а съ именемъ Лагарда“, между тѣмъ первый самъ констатируетъ это съ рѣшительностію; см. *Franz Xaver Funk*, Die Apostolischen Konstitutionen: eine litterar-historische Untersuchung (Rottenburg am Neckar 1891), S. 17: „Auch wurde das Verhältnis der syrischen Didascalia und der sechs ersten Bücher der AK von ihm (Lagarde) richtiger bestimmt“.

[2]) См. стр. 56 по сравненію съ *Funk*'s Apost. Konst., S. 18, хотя въ 1913 году Энциклопедіи Герцога и Ветцеръ—Вельте существовали—та въ 3-мъ изданіи, а эта—во второмъ.

[3]) На стр. 47—48 г. П. А. Прокошевъ изобличаетъ „горделивое заявленіе“ проф. Функа, будто результаты его... изслѣдованія „почти во всѣхъ пунктахъ“ уклоняются отъ господствовавшихъ доселѣ воззрѣній, но это есть нѣкоторая передержка, ибо тамъ сказано (S. 369): „... weicht in fast allen Punkten *von der herrschenden Ansicht mehr oder weniger* ab“. По стр. 61 „Lagarde въ 1854 г. издалъ *на греческомъ языкѣ сирійскую* Didascalia Apostolorum на основаніи Парижскаго манускрипта, которымъ пользовался въ своихъ изслѣдованіяхъ Bickel“; это столь же загадочно, какъ и заявленіе на стр. 13, будто названный ученый выпустилъ „во II т. Analecta Antenicaena — *греческій текстъ* первыхъ шести книгъ А. П. *въ сирійской версіи*“...; но у Функа говорится (S. 17): „er gab die Didascalia apostolorum aus der Pariser Handschrift, die bereits von Bickel für seine Forschungen benützt worden war, 1854 in syrischem Texte heraus“. На стр. 64—65 сравнительно съ Функомъ (S. 19) не вѣрно, яко бы м. Филоѳей (Вріенній) „издалъ греческій текстъ Διδαχὴ τῶν δώδεκα Ἀποστόλων, какъ первоначальной древней основы VII книги нашихъ А. П.“, ибо лишь „die Schrift stellte sich als die Grundschrift des siebenten Buch der AK dar“. Стр. 76 не точно передаетъ Функа (S. 18—19), какъ и на стр. 77—78, гдѣ есть еще и неоговоренный пропускъ (ср. S. 353—354).

[4]) Ср. стр. 77 и S. 353.

ніемъ Διδαχή, имѣющей соприкосновеніе лишь съ VII-й книгой Апостольскихъ Постановленій, между тѣмъ связываемое „съ именемъ Лагарда" отношеніе сирійской Дидаскаліи къ первымъ шести книгамъ не служитъ для проф. П. А. Прокошева демаркаціонною линіей при его историческомъ обзорѣ, при чемъ этотъ ученый не вполнѣ справедливо возвышается надъ Функомъ, ибо сирійскій переводъ онъ считалъ вторичнымъ и подлинный текстъ думалъ отыскать при помощи болѣе исправной греческой редакціи Апостольскихъ Постановленій, когда Функъ категорически призналъ и утвердилъ превосходство сирійской версіи.

Во всѣхъ отмѣченныхъ случаяхъ самоличныя справки съ подлинниками и непосредственныя извлеченія изъ нихъ являются иногда чуть не археологическимъ обремененіемъ и вообще не служатъ интересамъ основного предмета изслѣдованія, иногда не согласуясь съ текстомъ книги (см. напр. стр. 31, 70). Проф. П. А. Прокошевъ, увлекшись археологическою библіографіей, какъ будто забываетъ о немъ и не направляетъ къ его пользѣ свои разысканія. Тутъ важенъ вопросъ о точномъ текстѣ изслѣдуемыхъ памятниковъ, а для сего необходима оцѣнка текстуальныхъ матеріаловъ. Отъ разсмотрѣнія ихъ авторъ совсѣмъ уклоняется, хотя къ этому должно бы наклонять уже одно то, что манускрипты для editio princeps Функъ обозначаетъ различными №№-рами Ватиканской библіотеки— то 839 и 1506, то 838 и 1056 (Didascalia et Constitutiones Apostolorum, vol. I, Paderbornae 1906, p. XXIV—XXV и LIII), тогда какъ должны быть №№ 830 и 1506. Въ этомъ пунктѣ есть немало любопытнаго и загадочнаго [1]); но проф. П. А. Прокошевъ узналъ бы отсюда, что съ текстуальной стороны изданіе Турріана во многомъ лучше восхваляемой имъ (стр. 62—63 и ср. 13) реституціи Лагарда [2]), какъ называетъ онъ этого ученаго согласно Функу, ни разу не давая полной фамиліи Делагардъ [3]). Въ свою очередь всѣ предыдущія превосхо-

[1]) См. у Mgr. G. *Mercati* въ „The Journal of Theological Studies" XV, 59 (April, 1914), p. 453—454.

[2]) См. „The Journal of Theological Studies" XIII, 52 (July, 1912), p. 505 sqq.; XV, 57 (October, 1913), p. 53.

[3]) Проф. *Наѳанаилъ Бонвечъ* поправляетъ еще указаніе П. А. Прокошева (на стр. 13), что въ 1854 г. Делагардъ *не* „называлъ себя", а дѣйствительно „назывался" Paulus Bötticher (см. „Theologisches Literaturblatt" 1913, 18, Sp. 417), ибо „первоначально" это былъ Paul Anton

дитъ изданіе Функа [1]), въ которомъ нашъ авторъ подчеркиваетъ затруднительность пользованія въ виду своеобразнаго дѣленія книгъ А. П. „на главы“ (стр. 16), не разъясняя разумѣемой особенности и имѣя противъ себя категорическое самосвидѣтельство издателя (p. XLVII), что capita huius editionis cum capitibus editionum priorum universe consentiunt; modo non semper accurate eodem loco incipiunt.

Итакъ, въ своемъ историческомъ обзорѣ проф. П. А. Прокошевъ совсѣмъ не приблизился къ своей основной цѣли, потому что трактуетъ о предметахъ устарѣвшихъ или общепринятыхъ, не относящихся къ спорнымъ хронологическимъ задачамъ. Обнаружилось лишь упорное предубѣжденіе противъ Функа, которое не могло обезпечивать законной объективности и въ дальнѣйшемъ. Это мы видимъ, напр., при оцѣнкѣ изготовленнаго Функомъ изданія Дидаскаліи, что въ немъ принято произвольное дѣленіе на главы „по личнымъ соображеніямъ“ и воспроизводится не сирійскій текстъ, а латинскій, хотя тотъ гораздо ближе къ греческому оригиналу, чѣмъ второй (стр. 86). Однако въ первомъ отношеніи дѣло не въ главахъ, которыя и для проф. П. А. Прокошева не имѣютъ первоначальности (стр. 86—87), но въ томъ, что весь текстъ Дидаскаліи располагается въ порядкѣ Апостольскихъ Постановленій [2]), — и причина сему не въ „личныхъ соображеніяхъ“, а въ „прочномъ научномъ завоеваніи“ (стр. 62) ихъ взаимной генетической зависимости, каковая этимъ способомъ представлялась наглядно и оправдывала его удовлетворительно [3]). Что касается второго тезиса, то онъ покоится лишь на авторитетѣ проф. Цана (стр. 83, 5, 86, 16), не компетентнаго насчетъ сирійскаго языка по незнанію его, и могъ бы казаться убѣдительнымъ только при мысли, что оба перевода сдѣланы съ одинаковаго греческаго текста; этого нельзя утверждать заранѣе, если же допустить, то результатъ иногда

Bötticher и „Paul Anton de Lagarde er sich seit 1854 nannte“ (см. Realencyklopädie von *Herzog-Hauck* XI, Leipzig [3]1902, S. 214).

[1]) См. „The Journal of Theological Studies“ XV, 57 (October, 1913), p. 54; Right Rev. *E. Cuthbert Butter* ibid. VIII, 30 (January, 1907), p. 305: „Funk's... presentation may justly claim to be the best and only critical reconstruction of the original *Didascalia*“.

[2]) Ср. и у *F. X. Funk* въ „Theologische Quartalschrift“ 1907, I, S. 129.

[3]) Это подчеркивается и у *E. C. Butler*'а въ „The Journal of Theological Studies“ VIII, 30 (January, 1907), p. 305.

получается совсѣмъ обратный. Такъ, о „лживыхъ (? ложныхъ, мнимыхъ!) вдовицахъ“ говорится (по переводу проф. П. А. Прокошева на стр. 104), что „онѣ не вдовы, но слѣпыя“. Характеристика — совершенно не постижимая, когда въ А. П. тутъ такая игра словъ, что это *„не вдовицы, а сумицы,* μὴ χήρας, ἀλλὰ πήρας,“ — и такой оттѣнокъ хорошо выдержанъ у Функа полатыни (p. 190, 192) non viduae sunt, sed viduli. Болѣе надежною опорой должно служить разсмотрѣніе текстуальныхъ поручителей. По этому предмету самъ Функтъ удостовѣряетъ, что у него — въ критической обработкѣ — перепечатана по изданію Hauler'а Веронская рукопись, а недостающее въ ней — около $^3/_5$ всего цѣлаго — взято съ сирійскаго перевода [1]). Значитъ, укоризненное замѣчаніе касается меньше половины текста, но и здѣсь далеко не безспорно. Самъ проф. E. Hauler, относя Веронскій манускриптъ къ началу VI вѣка, самый переводъ пріурочивалъ къ концу IV столѣтія [2]), другіе же ученые прямо усвояютъ его Павлину Ноланскому за время до 408 г. и видятъ буквалистически точное воспроизведеніе греческаго оригинала [3]), между тѣмъ сирійскій переводчикъ дѣйствуетъ весьма свободно и его трудъ появился, вѣроятно, въ VII вѣкѣ, почему обезпечивается въ своемъ достоинствѣ [4]) лишь по согласію съ латинскою версіей [5]), которая, во многомъ раздѣляя недостатки сирійской (см., хотя бы, стр. 108, 34 въ переводѣ), иногда кажется лучшей и самому проф. П. А. Прокошеву (стр. 135, 118 въ изслѣдованіи и стр. 182, 78 въ перев.), ибо, напр., не имѣетъ свойственнаго той, явно неудовлетворительнаго и позднѣйшаго раздѣленія на главы [6]). Ясно, что фундаментъ Функа достаточно проченъ, и его изданіе не должно быть устраняемо безъ самыхъ серьезныхъ оправданій.

Итогъ сказаннаго будетъ тотъ, что нашъ авторъ сообща-

---

[1]) Ср. „Theologische Quartalschrift“ 1907, I, S. 129.

[2]) Такъ датировалъ его даже и *Hans Achelis* въ „Theologische Literaturzeitung“ 1896, 21, Sp. 547.

[3]) См. Prof. *F. Nau* въ Dictionnaire de théologie catholique, fasc. XXVIII (Paris 1909), col. 735—737, 746.

[4]) Ibid., fasc. XXVIII, col. 738, 746.

[5]) Ср. ibid., fasc. XXII (Paris 1907), col. 1523.

[6]) Ср. Prof. Dr. *Otto Bardenhewer*, Geschichte der altchristlichen Literatur II (Freiburg im Breisgau 1913), S. 255—256; *Gerhard Rauschen* въ „Theologische Revue“ 1906, 16, Sp. 479.

етъ много архаическаго и излишняго по безспорности самыхъ предметовъ и обнаруживаетъ тенденціозное нерасположеніе къ построеніямъ Функа. Если первое отклоняло отъ центральнаго вопроса, то второе направляло къ нѣсколько одностороннему рѣшенію именно вопреки Функу. Такъ это есть и фактически, поскольку авторская позиція опредѣляется здѣсь несогласіемъ съ Функомъ и о Дидаскаліи и касательно Апостольскихъ Постановленій (стр. 80—81). Этимъ и для насъ открывается переходъ къ коренному предмету рѣчи о времени, обстоятельствахъ и характерѣ обоихъ названныхъ памятниковъ. Разсмотримъ изысканія проф. П. А. Прокошева о каждомъ изъ нихъ отдѣльно.

I.

Время происхожденія Дидаскаліи и данныя для рѣшенія этого вопроса: положеніе епископа; духовныя дарованія и іерархическая организація; вдовицы и діакониссы; пресвитеры и діаконы; ordines minores; лжеученія; крещеніе еретиковъ и смертные грѣхи; мученики; предпасхальный постъ нашей страстной недѣли. — Наибольшая вѣроятность въ пользу второй половины III вѣка и относительность небольшихъ колебаній въ хронологическихъ опредѣленіяхъ для документальнаго значенія этого историко-каноническаго памятника. —Внутренній характеръ Дидаскаліи: источники ея и апостольская, традиціонно-церковная авторитетность содержанія.

Насчетъ Дидаскаліи разногласія сводятся къ тому, что проф. Функъ († 24 февраля 1907 г.) относитъ ее ко второй половинѣ III вѣка, оппонентъ же его назначаетъ конецъ первой или начало второй четверти III столѣтія. Результатъ этотъ достигается систематическимъ разборомъ аргументаціи противника и привлеченіемъ новыхъ данныхъ при главнѣйшемъ пособіи изслѣдованія Ахелиса, которое утилизируется неослабно и всецѣло.

Первымъ основаніемъ для проф. П. А. Прокошева служитъ положеніе епископа въ самомъ себѣ и во взаимоотношеніяхъ съ остальными членами клира. Въ пространнѣйшихъ разсужденіяхъ о семъ (стр. 142 сл.), составленныхъ по вышеуказанному источнику даже въ случаяхъ полемики съ нимъ [1]), авторъ рѣшительно утверждаетъ, что въ Дида-

---

[1]) Въ опроверженіе Ахелиса, что въ Дидаскаліи не раскрывается апостольское происхожденіе епископа, проф. *П. А. Прокошевъ* ссылается на одно мѣсто въ ней (стр. 157, 171), но послѣднее прямо отмѣ-

скаліи рисуется картина монархическаго епископата, но онъ еще не возобладалъ исключительно и борется съ харизматическими эпигонами въ лицѣ вдовицъ, когда имъ принадлежала (въ церкви!) первенствующая роль, и онѣ представляли изъ себя какъ бы женскій-пресвитеріатъ, отправляя почти всѣ іерархическія функціи—учительство, разрѣшеніе кающихся и даже совершеніе крещенія, а съ другой—уже началось разложеніе этого института и подготовлялась его замѣна институтомъ діакониссъ (стр. 156). Все это есть совершенная фантазія Ахелиса, справедливо не находившая равныхъ предвѣстій прежде и подобныхъ отголосковъ послѣ ни у кого кромѣ проф. П. А. Прокошева... Если читать Дидаскалію съ открытыми глазами, безъ нѣмецкихъ очковъ, то никому бы и въ голову не пришли подобныя мысли. Достаточно сослаться, что вышеописанная „роль" въ указанныхъ грандіозныхъ размѣрахъ іерархической полноправности никогда не могла принадлежать въ Церкви ни единой женщинѣ, а потому въ исторіи неизвѣстно даже приблизительныхъ случаевъ этого рода. Все дѣло рисуется совсѣмъ иначе. Правда, епископъ есть глава своей паствы, и его авторитетъ отличается безусловностію единовластія и непререкаемости. Но это не результатъ узурпаціи или постепеннаго фактическаго пріобрѣтенія, а коренится въ самомъ существѣ вещей. Проф. П. А. Прокошевъ справедливо утверждаетъ (стр. 157, 171), что въ Дидаскаліи епископъ является преемникомъ Апостоловъ и носителемъ всей полноты ихъ власти и достоинства [1]). Онъ—верховный руководитель (IV, 18) и глава (31; IX, 63, 64, 67), поставляется образомъ всемогущаго Бога (V, 28—29) и съ божественною Его независимостію судитъ (VI, 28) людей и отпускаетъ грѣхи (VII, 38). Равно епископъ носитъ на себѣ образъ Христа (VII, 44), воспринимаетъ все бремя Христово (VIII, 57) и бываетъ священникомъ для народа (VIII, 55), въ которомъ каждый долженъ чтить и бояться его, какъ отца, господина и Бога, послѣ всемогущаго Бога (VII, 42), ибо для вѣрующихъ это служитель, глава и посредникъ, учитель и послѣ

чается и у нѣмецкаго ученаго: см. Die syrische Didascalia übersetzt und erklärt von *Hans Achelis* und *Johs. Flemming* въ „Texte und Untersuchungen" XXV, 2 (N. F. X, 2), Leipzig 1904, S. 270,2.

[1]) Дальше отмѣчаются въ скобахъ главы Дидаскаліи и страницы по переводу ея у проф. П. А. Прокошева.

Бога отецъ, родившій ихъ водою (крещенія), глава, вождь и царь могущественный, царствующій вмѣсто Господа Всемогущаго, а потому и долженъ быть почитаемъ, какъ Богъ, поскольку занимаетъ мѣсто самаго Бога (IX, 61, 64—65) и оказывается устами Божіими (IX, 64). Именно епископъ сообщаетъ людямъ достоинство благодатнаго богосыновства и бываетъ для нихъ послѣ Бога отцомъ и матерью, имѣя надъ ними власть жизни и смерти (IX, 66). Его нужно почитать и бояться, какъ царя, и чтить съ трепетомъ, какъ Бога (IX, 67, 68; XV, 109), въ силу чего не повинующійся епископу не повинуется и самому Господу Богу (XV, 110). Все въ церковныхъ отправленіяхъ совершается чрезъ епископское посредство (IX, 62), каковое необходимо и при помощи отъ братій мученикамъ (XIX, 127). Епископъ въ полной мѣрѣ абсолютенъ, но это не внѣшній властитель, добившійся монархическаго господства. Онъ—отецъ, любящій своихъ дѣтей (VII, 42), и вѣрующіе для него *свои* міряне (VII 45) *своего* народа (VIII, 55), какъ и онъ для каждаго изъ нихъ *свой* епископъ (XV, 112) и *свой* первосвященникъ (IX, 61), который хорошо знаетъ (IX, 62) о всякой мелочи всѣхъ членовъ (VIII, 56), будучи для нихъ добрымъ домоправителемъ (VIII, 54) и разумнымъ и сострадательнымъ врачемъ (VII, 45). Такимъ образомъ, все утверждается на взаимоотношеніяхъ отечества и сыновства и проникнуто характеромъ семейнаго патріархализма, чуждаго монархической принудительности внѣшняго возобладанія. Естественно, что епископское единовластительство представляется сколько божественно незыблемымъ, столько же и натурально непререкаемымъ. Посему оно непреодолимо и собственно никѣмъ не оспаривается. Объ этомъ неотразимо свидѣтельствуетъ уже то наблюденіе, что въ Дидаскаліи говорится гораздо больше объ умѣренности въ пользованіи безусловными правами епископства, чѣмъ о пріобрѣтеніи и огражденіи ихъ. Авторъ старательно заботится, чтобы епископъ не поглотилъ своимъ авторитетомъ и не подавилъ абсолютною властію, но былъ сдержанъ въ ея примѣненіи и не погублялъ ея величіемъ.

Ясно, что епископатъ вовсе не находился въ положеніи борьбы и—скорѣе—былъ въ апогеѣ своего патріархальнаго абсолютизма, если нуждался въ ограниченія, чтобы его высокія нормы не оказались слишкомъ тягостными для всего

окружающаго. Епископство божественно-независимо и сохраняетъ традиціонную неприкосновенность. Тутъ незамѣтно ни монархическаго формированія, ни протестующей оппозиціонности. По второму пункту выдвигается вопросъ о харизматическихъ служеніяхъ такихъ лицъ, которыя имѣютъ чрезвычайные дары и естественно получали заправляющее значеніе въ христіанскихъ общинахъ. Обыкновенно предполагается, что въ древности этимъ харизматикамъ принадлежало все іерархически-административное руководительство, и лишь послѣ паденія этого чрезвычайнаго института начинается правильная іерархически-церковная организація, которая бываетъ позднѣйшею и утверждается постепенно [1]). Въ своей крайней формѣ этотъ, собственно протестантскій, взглядъ несправедливъ и принципіально и фактически [2]). Харизматическіе избранники не были осѣдлыми и постоянно переходили съ мѣста на мѣсто, появляясь въ самыхъ различныхъ общинахъ. Понятно, что они не могли быть заправляющими элементами того или иного братства, которое должно было удерживаться въ постоянномъ единствѣ, а при частой смѣнѣ ихъ получался бы полный безпорядокъ, граничащій съ анархіей. При исключительномъ харизматическомъ верховенствѣ немыслимо, чтобы возникла и развилась повсюду церковная организованность, почему ее необходимо было обезпечить прочными факторами. Отсюда исконно являются іерархическіе администраторы наряду съ харизматиками. Такъ, Апостолъ Павелъ рукополагалъ пресвитеровъ къ каждой церкви (Дѣян. XIV, 23), какъ стражей

---

[1]) Prof. *Eduard Schwartz*, которому C. H. Turner усвояетъ (въ „The Journal of Theological Studies“ XVI, 64: July, 1915, p. 531) „profoundly anti—ecclesiastical bias“, пишетъ: „die älteste Kirche kennt keine geschriebenen Ordnungen und kann sie nicht kennen: ihre Aemter und ihr Recht entspringen aus den Charisma des Geistes, der in ihr lebendig ist“, и это „die alte und naive Auffassung“. См. въ Schriften der Wissenschaftlichen Gesellschaft in Strassburg, Heft 6 (Strassburg 1910): Ueber die pseudoapostolischen Kirchenordnungen, S. 1.

[2]) Ср. у проф. *Л. И. Писарева,* Очерки изъ исторіи христіанскаго вѣроученія патристическаго періода, т. I: вѣкъ мужей апостольскихъ (1 и начало 2 вѣка), Казань 1915, стр. 558 слл., а равно у архим. *Иларіона* (Троицкаго) въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ 1915 г., № 3, стр. 613—614, и въ его магистерской диссертаціи: Очерки изъ исторіи догмата о Церкви (Сергіевъ Посадъ 1912), стр. 188 слл.; также Rev. *William Moran,* The Government of the Church in the First Century: an Essay on the Beginnings of the Christian Ministry (Dublin 1914), p. 73 sqq.

паствы (Дѣян. XX, 17, 28), и его ученики устрояли по всѣмъ городамъ пресвитеровъ (Тит. I, 5), которые получили названіе церковныхъ (Дѣян. XX, 17. Іак. V, 14). Харизматическое служеніе было по преимуществу благовѣстническимъ,—хотя бы иногда лишь въ качествѣ живого носителя благодатной силы Божіей,—и по существу не затрогивало іерархической организаціи. Оно давало для послѣдней только матеріалъ и подкрѣпленіе, привлекая новыхъ членовъ и возбуждая ослабѣвающій духъ, но само входитъ въ организаторскій институтъ не иначе, какъ путемъ узаконеннаго принятія іерархическихъ званій чрезъ „хиротонію". Конечно, люди, надѣленные особыми благодатными дарами, получали преобладающій авторитетъ, однако лишь въ силу и въ мѣру именно своей чрезвычайной благодати, когда ею обращали къ вѣрѣ и утверждали въ ней, созидая и поддерживая исповѣдниковъ Христовыхъ, которые подлежали потомъ систематическому руководству въ своей христіанской жизни. Эта вторая функція по самому своему существу не имѣла харизматической экстраординарности и требовала новаго служенія съ характеромъ всегдашней нормативности. Натурально, что къ ней часто призывались харизматики, уже отмѣченные печатію божественнаго избранія, но они достигали сего путемъ соподчиненія іерархическимъ условіямъ и тогда становились мѣстными пастырями.

Мы видимъ, что въ древней церкви харизматизмъ и организованность были одновременными. Вся разница—въ соотношеніи, что сначала перваго было больше и потому была менѣе замѣтна вторая, которая отчетливѣе обнаруживается потомъ—при постепенномъ сокращеніи того. Съ этой стороны возможны были самыя многообразныя комбинаціи, и датировать точно каждую изъ нихъ въ разныхъ мѣстахъ совершенно немыслимо. Вѣрно не болѣе того, что по своей природѣ харизматизмъ ни мало не былъ антагонистиченъ церковному іерархизму, и ихъ историческая пропорціональность опредѣлялась не взаимною борьбой, а единственно тѣмъ фактомъ, что чрезвычайныя дарованія, обязательныя въ эпоху насажденія христіанства, постепенно сокращались и смолкали при утвержденіи обезпеченнаго порядка, въ которомъ теперь яснѣе открывались постоянные регуляторы. Въ силу этого борьба не являлась для этихъ институтовъ принципіальною, варіирующеюся съ систематическою преем-

ственностію, допускающею прочныя выкладки, но могла быть лишь случайною по тѣмъ или другимъ особеннымъ обстоятельствамъ, а этого опять нельзя установить для разныхъ пунктовъ даже съ приблизительною строгостію.

Со всѣхъ сторонъ данный масштабъ, привлекаемый проф. П. А. Прокошевымъ для хронологической датировки Дидаскаліи, оказывается теоретически не пригоднымъ, фактически же онъ тѣмъ менѣе умѣстенъ, что не замѣтно тамъ и тѣни какихъ-либо харизматическихъ противоборствъ. Но нашъ авторъ усматриваетъ въ этомъ памятникѣ „лицъ, конкуррирующихъ съ епископскою властью во всѣхъ ея функціяхъ и стѣсняющихъ епископское управленіе“; „это—вдовицы, ведущія свою генеалогію отъ прежнихъ одаренныхъ пророчицъ и ссылающіяся для оправданія своей власти въ общинѣ на Духа Божія, яко бы дѣйствующаго въ нихъ“. Епископъ борется за первенствующую роль съ этими послѣдними остатками харизматическаго времени (стр. 150), когда институтъ вдовицъ уже разлагается, готовясь къ замѣнѣ чиномъ діакониссъ, случившейся въ первой половинѣ III в. (стр. 156). Тутъ все сомнительно или гадательно, не говоря уже о томъ, что харизматическая стихія никогда не прекращается въ Церкви и лишь проявляется различно, хотя всегда можетъ обнаруживаться спорадически съ прежнею силой. Важно то, что упоминаемыя въ Дидаскаліи вдовы ничуть не связаны съ харизматическими дарованіями. Таковы, прежде всего, неимущія женщины, оказавшіяся въ бѣдственномъ положеніи по своему вдовству и необходимо нуждавшіяся въ особомъ церковномъ попеченіи. Будучи необезпеченными и беззащитными, онѣ подвергались большимъ лишеніямъ и соблазнамъ въ мірѣ, а это въ равной мѣрѣ требовало спеціальной заботливости непосредственнаго церковнаго покровительства. И количество ихъ всегда было значительно въ древнія времена уже потому, что тогда неодобрительно смотрѣли на вторые браки, которые по возможности избѣгались. Но понятно, что въ общей массѣ не всѣ оказывались совершенно безпомощными, и со стороны Церкви было вполнѣ законнымъ приспособить ихъ для соотвѣтственныхъ отправленій, какъ и для нихъ естественно стремленіе самолично послужить церковному благу. Въ силу этого изо всей совокупности вдовъ данной общины выдѣляются наиболѣе способныя и достойныя, которыя прямо допуска-

лись къ собственно церковному участію. Такимъ путемъ образовывалось своего рода женское церковнослужительство, пріобрѣтавшее извѣстное священное почтеніе. Неудивительно, что къ нему стали стремиться и другія свободныя лица женскаго пола въ видѣ незамужнихъ дѣвицъ и добровольныхъ дѣвственницъ [1]). Этимъ вызывалось въ сферѣ призрѣваемыхъ дальнѣйшее обособленіе въ формѣ „вдовицъ церковныхъ". По изложенному ясно, что все описанное должно было происходить въ Церкви съ самаго начала и существенно разнообразилось по несходству мѣстныхъ условій. Всякіе детальные разсчеты тутъ совершенно проблемматичны. Съ другой стороны безспорно, что здѣсь совсѣмъ не было харизматическаго вторженія, а женщины-пророчицы и пользовавшіяся другими дарами оставались чрезвычайными явленіями наравнѣ съ харизматиками, но меньше ихъ по количеству и по вліянію.

Во всѣхъ отношеніяхъ несправедливо генетически связывать церковныхъ вдовицъ съ харизматическими избранницами, хотя бы иногда послѣднія и принимали на себя функціи первыхъ, переходя на ихъ положеніе — подобно харизматикамъ. Нѣтъ такой связи и по Дидаскаліи, гдѣ просто нѣкоторыя женщины рисуются несущими извѣстныя церковныя функціи по волѣ епископа и подъ надзоромъ соподчиненныхъ церковныхъ органовъ, для чего не требовалось непремѣнно харизматическаго отличія ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ. Разумѣется, при этомъ абсолютно немыслима самомалѣйшая іерархическая конкуррентность, и ея совсѣмъ не констатируется въ изображеніи разсматриваемаго церковно-каноническаго документа. Все въ немъ сводится къ непорядкамъ и злоупотребленіямъ и указываетъ не на іерархическую притязательность, а лишь на фактическое несоотвѣтствіе званія, почему и относится всецѣло къ лжевдовицамъ, ложно носящимъ свое имя и профанирующимъ его своими дефектами. Вся ихъ мнимая оппозиція разрѣшалась моральными уклоненіями отъ обязательствъ освященнаго вдовства, а борьба епископата вызывалась и выражалась только тѣмъ, что онъ возставалъ противъ этихъ ненормальностей и возвращалъ къ началамъ долга. Это—свойственная всѣмъ клас-

[1]) Ср. у св. *Іоанна Златоуста*, Бесѣда о вдовицахъ 3: „были въ древности и лики дѣвъ и лики вдовицъ" (Migne gr. LI, col. 324; Творенія III, Спб. 1897, стр. 332).

самъ и сословіямъ моральная недостаточность, которая рѣзче оттѣняется и строже бичуется во вдовствѣ потому, что—при неразграниченности его подраздѣленій—общіе пороки могли вмѣняться спеціально женскому священнослужительству и падать на Церковь, хотя фактически они описываются и осуждаются ничуть не болѣе и не сильнѣе, чѣмъ, напр., въ недостойныхъ епископахъ. Тутъ просто обнаружились естественныя несовершенства вдовическаго института, и это повело къ цѣлесообразному переустройству его. Послѣднее необходимо должно было стремиться къ строгому расчлененію обоихъ классовъ вдовицъ, чтобы не смѣшивалось съ общею массой собственно церковнослужительство женское. Отсюда натурально происходитъ обособленіе чина діакониссъ, которыя органически формируются изъ среды призрѣваемаго вдовства и представляютъ лишь спеціализацію вдовицъ церковныхъ [1]).

Эта преемственность нарушается или даже отрицается у проф. П. А. Прокошева, который несправедливо видитъ въ послѣднихъ лишь харизматическихъ избранницъ и появленіе діакониссъ мотивируетъ смѣною прежняго разлагающагося института новымъ (стр. 156). Но если вдовицы Дидаскаліи продолжаютъ быть харизматическими, то неизбѣжно, что по ней діакониссы только еще подготовляются. Это далеко не совсѣмъ такъ. Напротивъ, діакониса уже занимаетъ прочное мѣсто въ іерархической классификаціи, гдѣ—пропорціально ея церковному рангу по сравненію съ епископами, пресвитерами и діаконами—„должна быть почитаема, какъ образъ Святаго Духа“ (IX, 62), и несетъ опредѣленныя функціи въ области церковнаго благотворенія и надзора и собственно въ церковномъ священнослуженіи (XVI, 115—117). Діакониссы параллельны діаконству и если рисуются много короче и блѣднѣе, то лишь по соподчиненности и незначительности ихъ іерархической церковной роли, понятной по діаконству, а вовсе не по зачаточности этого института въ разумѣемую эпоху, когда онъ—напротивъ—дѣйствовалъ достаточно обособленно и регулярно. Тогда—съ точки зрѣнія самого проф. П. А. Прокошева на эти учрежденія—нужно будетъ принять, что Дидаскалія скорѣе принад-

[1]) Спеціальныя подробности см. у *С. В. Троицкаго*, Діакониссы въ православной церкви, Спб. 1912.

лежитъ не первой половинѣ III вѣка, но именно второй, гдѣ діакониссы являются съ отмѣченными тамъ свойствами.

Во всемъ, касающемся епископата, сужденія автора объективно неправильны и не даютъ достаточной опоры для точныхъ хронологическихъ рѣшеній о происхожденіи разбираемаго памятника, а нѣкоторыя частности опровергаютъ его заключенія и наклоняютъ въ пользу Функа. Не больше успѣха получается и при разсмотрѣніи пресвитерства и діаконства. Рѣчи по этому предмету сосредоточиваются на томъ, что „въ Дидаскаліи бросается въ глаза удивительная близость діакона къ епископу и его исключительно высокое мѣсто въ клирѣ“ (стр. 158) по нормѣ раньше второй половины III столѣтія (стр. 161), между тѣмъ „пресвитеръ отодвигается на второй планъ“ (стр. 161) и „выступаетъ предъ нами тѣмъ патріархальнымъ элементомъ церковной общины, какимъ онъ былъ до половины III в.“ (стр. 163). Здѣсь преувеличено и то, что въ Дидаскаліи пресвитеръ „даже упоминается очень рѣдко“ (стр. 161), и совсѣмъ ошибочно тенденціозное заключеніе отсюда о его соподчиненномъ іерархическомъ рангѣ сравнительно съ діакономъ и объ отдаленности отъ епископа. Увлеченіе односторонними теоріями насчетъ іерархіи помѣшало автору взглянуть на вещи прямо, когда онъ легко увидѣлъ бы разницу между іерархическимъ положеніемъ и внѣшнею служебною дѣятельностію. Они не совпадаютъ между собою, и обширность или ограниченность второй не предрѣшаютъ перваго, которое покоится на независимомъ принципіальномъ достоинствѣ. Это и было въ обсуждаемомъ случаѣ. Вѣрно, что въ Дидаскаліи діаконы трактуются чаще и подробнѣе, но именно потому, что въ практической жизни больше выдѣляются и интересуютъ органы исполнительные, чѣмъ направляющіе, хотя этимъ ничуть не свидѣтельствуется о ихъ взаимной важности. Епископъ рисуется вмѣстѣ со своими діаконами въ качествѣ помощниковъ (VI, 36) и служителей (IX, 63), являющихся посредниками въ епископскихъ сношеніяхъ съ паствой и въ примѣненіи епископскихъ распоряженій, почему въ этомъ отношеніи они какъ бы сливаются съ нимъ (IX, 66; XV, 109, 110) и упоминаются рядомъ (X, 72, 76; XI, 79; XV, 113), не вытѣсняясь наличностію пресвитеровъ (XI, 82). Всѣ ихъ преимущества почерпаются въ активной служебной исполнительности и соизмѣряются ею въ своей истинной цѣн-

ности. Будучи посредникомъ епископской спасительности (IX, 70), діаконъ при осуществленіи ея „замѣщаетъ Христа“, ибо епископъ представляетъ собою Всемогущаго Бога (IX, 61), но это истинно и потому, что „діаконъ долженъ обо всемъ давать знать епископу, какъ Христосъ Своему Отцу“, бывая „слухомъ епископа, его устами, его сердцемъ и его душей“ (XI, 80). Въ качествѣ вѣстника воли епископской діаконъ является для народа устами епископа и съ этой стороны бываетъ уже его пророкомъ аналогично Аарону при Моисеѣ (IX, 64—65). Діаконъ служитъ наиболѣе активнымъ сотрудникомъ епископа и связующимъ звеномъ его съ народомъ, который и свои жертвы приноситъ ему (IX, 62) и освѣдомляетъ чрезъ служителей, т. е. чрезъ діаконовъ—по примѣру того, что къ Всемогущему Господу Богу человѣкъ можетъ приблизиться не иначе, какъ только чрезъ Христа (IX, 63). При такой неустанной и разносторонней дѣятельности діаконъ долженъ имѣть матеріальную независимость и посему достоинъ сугубаго вознагражденія (IX, 63), но наряду со вдовами и сиротами, нуждающимися и странниками (VIII, 56). Іерархически же діаконы—лишь второстепенные помощники епископскіе (наравнѣ съ діакониссами) въ благотвореніи и священнослуженіи (XVI, 115 слл.), а при второмъ все ограничивается тѣмъ, что одинъ діаконъ неотлучно находится при жертвенныхъ дарахъ Евхаристіи, другой наблюдаетъ за входящими при дверяхъ (XII, 91).

Этимъ исчерпываются всѣ данныя Дидаскаліи о діаконахъ, которые—согласно ей—вовсе не обладаютъ іерархическою привилегированностію и были близки къ епископу лишь по своей служебности, выступая вездѣ послушными и удобными работниками. Потому они не могли быть въ іерархической конкурренціи съ пресвитерами и оттѣснять ихъ по самому достоинству. Ничего такого не говорится и въ анализируемомъ документѣ, гдѣ пресвитеры суть совѣтники епископа и вѣнецъ церкви, ибо это устроители порядка и совѣтники церкви (IX, 63), или епископскіе совѣтники и засѣдатели (IX, 68), почему епископы по тѣсной связи съ ними (IX, 70) произносятъ приговоры вмѣстѣ съ пресвитерами (XI, 81), хотя на епископскомъ судѣ присутствуютъ и діаконы (XI, 82). Равно и за богослуженіями „пусть будетъ выдѣлено мѣсто на восточной сторонѣ дома и тронъ епископа пусть стоитъ (посрединѣ) между ними, и пресвитеры должны возсѣдать

при немъ“ (XII, 91). Въ силу подобной неразрывности, епископы и пресвитеры бываютъ верховными пастырями съ отстраненіемъ отъ сего званія діаконовъ, называемыхъ особо (XV, 110). По своему іерархическому положенію пресвитеры находятся въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ епископомъ и соучаствуютъ во всѣхъ его предначертаніяхъ, принимающихъ повелительную и обязательную форму. Но поскольку все совершается въ церкви велѣніемъ епископа, то здѣсь выступаетъ исключительно послѣдній, а пресвитеры заслоняются имъ и касательно исполненія не имѣютъ самостоятельности не менѣе діаконовъ, являясь тамъ не выше ихъ (XVI, 116). Въ практической сферѣ они безспорно оттѣсняются діаконами и вознаграждаются одинаково съ ними лишь условно, „если кто-либо желаетъ почтить также и ихъ“ (IX, 63). Это приниженіе оправдывается не достоинствомъ, а количествомъ практической работы, гдѣ доминируетъ діаконство, наиболѣе занятое и требующее обезпеченія [1]), между тѣмъ пресвитеры болѣе располагаютъ временемъ для изысканія средствъ къ своему содержанію. По своему положенію пресвитеры суть носители спасительности Христовой и вѣстники ея для народа, который фактически обслуживается въ своихъ нуждахъ діаконствомъ. Съ этой стороны пресвитеры должны быть почитаемы вмѣсто Апостоловъ (IX, 62) и какъ Апостолы (IX, 63), будучи непосредственными воспріемниками и хранителями самыхъ таинъ спасенія Божія. Здѣсь они принципіально превышаютъ діаконовъ, и если послѣдніе замѣщаютъ Христа, то совсѣмъ въ другомъ отношеніи — практической исполнительности, но вовсе не по іерархическому чину [2]). Иначе

---

[1]) О немъ въ „Церковныхъ канонахъ“ сказано, что „діаконы, какъ дѣлатели добрыхъ дѣлъ, день и ночь (цѣлыя сутки) вращаются вездѣ“: см. у Prof. *Adolf Harnack*, Die Quellen der sogenannten Apostolischen Kirchenordnung nebst einer Untersuchung über den Ursprung des Lectorats und der anderen niederen Weihen въ „Texte und Untersuchungen“ II, 5 (Leipzig 1886), S. 24, у † проф. *Ал. П. Лебедева* въ „Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отцевъ“ XL (1887 г.), стр. 382, и у *В. Кориха*, Такъ называемые „Церковные каноны св. Апостоловъ“ въ Учено-богословскихъ и церковно-проповѣдническихъ опытахъ студентовъ Кіевской Духовной Академіи, вып. XIII (Кіевъ 1915), стр. 175; 130.

[2]) Ср. у † проф. *В. В. Болотова*, что „на практикѣ діаконы оказались ministri въ нашемъ смыслѣ слова, тогда какъ пресвитеры—только сенаторами“ (Лекціи по исторіи древней церкви, ч. III, вып. 2, Спб. 1913, стр. 162 сл.).

получилось бы, что пресвитеры были служебными орудіями діаконовъ и принижались даже предъ діакониссами, почитаемыми за образъ Святаго Духа (IX, 62). Не забудемъ, что вѣдь и епископы по своему іерархическому существу обезпечиваются генетическимъ соотношеніемъ съ апостольствомъ и, значитъ, опять же прямо соприкасаются съ пресвитерствомъ. Послѣднее бываетъ при первомъ интеллектуально-статическимъ факторомъ и внѣшне обнаруживается собственно лишь чрезъ него, но составляетъ внутреннюю и неразрывную силу епископства. Тутъ пресвитерство вовсе не соприкасается съ діаконствомъ, ибо второе было служебно-динамическимъ элементомъ церковной организаціи. Посему въ Дидаскаліи не замѣчается ни малѣйшей іерархической конкуррентности діаконства съ пресвитерствомъ, которое совершенно не сталкивается съ нимъ и нимало не подавляется чрезъ него. И разсмотрѣнныя сравненія не исключаютъ этого уже потому, что еще ранѣе встрѣчаются у св. Игнатія Богоносца [1]), а у него несомнѣнно, что діаконы по рангу ниже пресвитеровъ, хотя упоминаются чаще и выдвигаются больше [2]). Вообще іерархически они слѣдовали послѣ іереевъ [3]), но по своей активности могли претендовать прямо на полученіе епископства [4]). Обратный тезисъ, принимаемый проф. П. А. Прокошевымъ, не имѣетъ для себя фактической опоры, и при немъ всякія построенія совершенно безпочвенны. Пресвитеры

---

[1]) См. Trall. 3, Smyrn. 8 (у *F. X. Funk*, Patres apostolici II, Tubingae 1901, p. 62, 150) и ср. у проф. *Л. И. Писарева*, Очерки изъ исторіи христіанскаго вѣроученія патристическаго періода I, стр. 625, 641, 644 сл.

[2]) См. у проф. *В. Н. Мышцына*, Устройство христіанской церкви въ первые два вѣка (Сергіевъ Посадъ 1909), стр. 300, 302—303.

[3]) См. и у св. *Ефрема Сирина*, Творенія IV (Москва ³1882), стр. 138 (о постѣ); II, стр. ³330.

[4]) Въ „Церковныхъ канонахъ" говорится (Prof. *Ad. Harnack* въ „Texte und Untersuchungen" II, 5, Leipzig 1886, S. 26; † проф. *Ал. П. Лебедевъ* въ „Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отцевъ" ч. XL за 1887 т., стр. 382; *В. Корихъ* въ Учено-богословскихъ и церковно-проповѣдническихъ опытахъ, вып. XIII, стр. 176): „хорошо и безпорочно служащіе (діаконы) тѣмъ пріобрѣтаютъ себѣ степень пастыря" (τόπον τὸν ποιμενικόν), а подъ „пастыремъ" (ὁ ποιμήν) здѣсь разумѣется, несомнѣнно, епископъ (см. *Harnack*, S. 13; *Лебедевъ*, стр. 379; *В. Корихъ*, стр. 120; ср. у проф. *В. Н. Мышцына*, Устройство христіанской церкви въ первые два вѣка, Сергіевъ Посодъ 1909, стр. 363), какъ и у св. Ефрема Сирина пастыри прямо отожествляются съ епископами (Творенія II, Москва ³1881, стр. 330 въ словѣ на второе пришествіе Господа нашего Іисуса Христа).

замѣняются и далѣе поглощаются единственно епископомъ, но лишь въ качествѣ соприсущей и неотъемлемой внутренней энергіи. Вотъ это гораздо болѣе характерная черта, требовавшая особаго вниманія при изображеніи церковныхъ порядковъ эпохи Дидаскаліи. Однако въ хронологическомъ смыслѣ невозможно отыскать здѣсь твердую опору для детальныхъ вычисленій уже потому, что „исторія древняго пресвитеріата не только на Востокѣ, но и на Западѣ недостаточно выяснена въ наукѣ", какъ свидѣтельствуетъ самъ проф. П. А. Прокошевъ (стр. 163).

Еще менѣе хронологическихъ опоръ представляютъ замѣчанія Дидаскаліи объ ordines minores [1]), и тутъ рѣчи нашего автора не касаются спеціальнаго вопроса и ничуть не способствуютъ его прочному рѣшенію. О чтецѣ упоминается только въ общихъ выраженіяхъ, показывающихъ, что эти клирики были въ церковномъ штатѣ случайными и рѣдкими членами (IX, 63: „а если и чтецъ есть, то и онъ долженъ получить одинаково съ пресвитерами"), хотя прочно предполагаются въ „Церковныхъ канонахъ" [2]). Тогда рискованны здѣсь всякіе категорическіе выводы. И проф. П. А. Прокошевъ всего менѣе укрѣпилъ свою позицію полемическими выпадами противъ Функа, когда вопреки очевидности говоритъ, яко бы о низшемъ положеніи чтецовъ сравнительно съ пресвитерами Дидаскалія еще не знаетъ (стр. 167, 190), между тѣмъ она просто не интересуется этимъ чиномъ и допускаетъ его съ крайнею условностію. Въ равной мѣрѣ удивительно и то возраженіе, будто христіанской древности совершенно неизвѣстно, чтобы чтеніе Библіи могъ отправлять діаконъ (стр. 166, 190), разъ въ Апостольскихъ Постановленіяхъ (II, 57) удостовѣряется: „діаконъ или пресвитеръ пусть читаетъ Евангелія" (Funck, p. 161; русск. пер., стр. 91). Ясно, что въ этой области и при такой аргументаціи трудно достигнуть не-

[1]) О нихъ см. и у *Е. Реввы*, Церковно-служители древней вселенской Церкви въ Учено-богословскихъ и церковно-проповѣдническихъ опытахъ студентовъ Кіевской Духовной Академіи, вып. X (Кіевъ 1913), стр. 218 сл.

[2]) См. у *Ad. Harnack* въ „Texte und Untersuchungen" II, 5, S. 17—19, у † проф. *Ал. П. Лебедева* въ „Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отцевъ" XL (1887 г.), стр. 380, и у *В. Кориха* въ Учено-богословскихъ и церковно-проповѣдническихъ опытахъ, стр. 170—171 (132 сл.); ср. у проф. *В. Н. Мышцына*, Устройство христіанской церкви въ первые два вѣка, стр. 368 сл.

сомнѣннаго результата. Нѣсколько надежнѣе дѣло насчетъ иподіаконовъ. Проф. П. А. Прокошевъ пишетъ (стр. 167): „исторія субдіаконата на Востокѣ настолько темна, что, отправляясь отсюда, нельзя сказать ничего ни за, ни противъ происхожденія Дидаскаліи въ первой половинѣ III в.". Однако прежде темнота не препятствовала автору трактовать въ категорическомъ тонѣ и теперь меньше. Самъ же онъ утверждаетъ, что „на Западѣ субдіаконатъ получилъ дѣйствительно прочную организацію въ началѣ III в.", и единичное упоминаніе Дидаскаліи свидѣтельствуетъ о слабомъ зарожденіи этого института на Востокѣ (стр. 168—169). Но вѣдь проф. П. А. Прокошевъ не разъ подчеркиваетъ (стр. 166, 142), что „мѣркой Запада не всегда можно измѣрять порядки Востока", и первую опредѣляетъ здѣсь слишкомъ рѣшительно. Фундаментомъ служатъ собственно каноны Ипполита, и о нихъ потомъ сообщается, яко бы „относятся они, по господствующему въ наукѣ мнѣнію, къ первой четверти III в." (стр. 222), но въ рѣчи объ иподіаконахъ осторожно отмѣчается, что „судьба каноновъ Ипполита — вопросъ еще темный въ наукѣ" (стр. 168—169, 197), а ранѣе это объявлялось „спорною проблемой" съ допущеніемъ колебанія въ датировкѣ отъ начала III-го до начала VI вѣка (стр. 162 и прим. 179) [1]. Прочно субдіаконатъ засвидѣтельствованъ на Западѣ лишь у папы Корнелія и у св. Кипріана, т. е. лишь къ половинѣ III в., на Востокѣ же констатируется еще позднѣе [2]. Значитъ, если этотъ чинъ проникаетъ и въ отдаленный уголокъ Сиріи, — естественно заключать о времени послѣдующемъ. Проф. П. А. Прокошевъ, конечно, чувствуетъ неизбѣжность подобнаго вывода и потому указываетъ, что о субдіаконахъ упоминается въ Дидаскаліи однажды (IX, 68), почему вѣроятно подозрѣніе въ интерполяціи. Но единократность не мѣшала ему разсуждать о чтецѣ съ несомнѣнностію (стр. 163) [3] и обличать своего поставщика

[1]) Ср. о канонахъ Ипполита у *F. Nau* въ Dictionnaire de théologie catholique, fasc. XXII (Paris 1907), col. 1530—1532, и у † проф. *Ал. П. Лебедева*, Духовенство древней вселенской церкви въ Собраніи церковно-историческихъ сочиненій, т. X (Москва 1905), стр. 66, 73—82.

[2]) См. и у *F. X. Funk*, Kirchengeschichtliche Abhandlungen und Untersuchungen III (Paderborn 1907), S. 277.

[3]) Ср. *F. Nau* въ Dictionnaire de théologie catholique, fasc. XXVIII, col. 744; Prof. *Otto Bardenhewer*, Geschichte der altkirchlichen Literatur I (Freiburg im Breisgau ²1913), S. 259, 2.

Ахелиса по вопросу объ апостольскомъ происхожденіи епископата (стр. 157, 171; см. и выше на стр. 346, 1), а догадка о неподлинности (стр. 116, 168) только раскрываетъ тенденціозность, ибо имя иподіаконовъ встрѣчается и въ латинскомъ и въ сирійскомъ текстѣ[1]) *).

Н. Глубоковскій.

---

[1]) Посему невозможны никакія хронологическія выкладки на соотношеніяхъ чтеца и діакона, хотя Rev. *W. H. Frere* и оттѣняетъ этотъ пунктъ въ примѣненіи къ Дидаскаліи, подчеркивая, что „служеніе чтеца исторически предшествовало возникновенію иподіаконства и временно имѣло преобладаніе“: Early Ordination Services въ „The Journal of Theological Studies“ XVI, 63 (April, 1915), p. 367.

*) Продолженіе слѣдуетъ.

Изъ жизни Императорской Петроградской Духовной Академіи.

Въ Библейской Коммиссіи.

Въ воскресенье 6 марта въ залѣ Совѣта Академіи состоялось первое за текущій годъ общее собраніе учрежденной при Академіи Коммиссіи по научному изданію славянской Библіи.

Собраніе посвящено было избранію должностныхъ лицъ и новыхъ членовъ Коммиссіи и обсужденію текущихъ дѣлъ, послѣ чего профессоромъ И. Е. Евсѣевымъ предложенъ былъ докладъ: „Пятьсотлѣтіе Чешской Библіи".

Должностными лицами на текущій годъ единогласно избраны тѣ же лица, которыя состояли и въ прошломъ году: почетнымъ предсѣдателемъ графъ С. Д. Шереметевъ, предсѣдателемъ Преосвященный Ректоръ Академіи Епископъ Анастасій, товарищемъ предсѣдателя—академикъ А. И. Соболевскій, редакторомъ изданія—проф. И. Е. Евсѣевъ, секретаремъ—проф.-прот. А. П. Рождественскій, товарищемъ секретаря проф.-свящ. В. И. Зыковъ, казначеемъ лекторъ Ѳ. А. Мартинсонъ и членами Ревизіоннаго комитета—К. Я. Здравомысловъ, Х. М. Лопаревъ и В. Н. Бенешевичъ. Вновь избраны и предложены къ избранію въ члены Коммиссіи были: профессора—Д. И. Абрамовичъ, свящ. В. М. Верюжскій, П. А. Лавровъ, Н. Д. Протасовъ и И. А. Шляпкинъ, ученый секретарь Историческаго Музея въ Москвѣ И. М. Тарабринъ и Московскій синодальный ризничій архимандритъ Арсеній.

Изъ обсуждавшихся на собраніи текущихъ дѣлъ, въ качествѣ наиболѣе важныхъ, слѣдуетъ отмѣтить: а) установленіе Коммиссіей правилъ для однообразнаго обозначенія въ изданіяхъ Коммиссіи использованныхъ для изданія рукописей; и б) изданіе печатнаго, въ размѣрѣ одного листа, образца для библейскихъ книгъ, которыя будутъ выходить въ свѣтъ въ обработанномъ членами Коммиссіи видѣ.

Проф. И. Е. Евсѣевъ, который является главнымъ лицомъ по сношеніямъ съ учеными, желающими взять себѣ для обработки ту или иную книгу, сообщилъ собранію, что число такихъ лицъ, сравнительно съ минувшимъ годомъ, значительно увеличилось. Именно: проф. московскаго университета М. Н. Сперанскій взялъ на себя обработку и изданіе книги Премудрости Іисуса сына Сирахова, проф. московской дух. академіи М. Д. Муретовъ принялъ обработку и изданіе книгъ пророковъ Малахіи и Аггея, доц. той же академіи іером. Варѳоломей—книгъ пророковъ Аввакума и Софоніи, доц. той же академіи свящ. І. М. Смирновъ—книги пророка Захаріи, ученый секретарь Историческаго музея въ Москвѣ И. М. Тарабринъ—книги Второзаконія; дѣятельный участникъ въ работахъ Коммиссіи прошлаго года, проф. Н. Л. Туницкій, кромѣ продолженія труда по подготовительному изданію текста Малыхъ Пророковъ, принялъ на себя обработку для изданія книги Притчей Соломоновыхъ.

Сообщеніе проф. И. Е. Евсѣева было принято собраніемъ съ радостнымъ чувствомъ и выраженіемъ надежды, что предпринятое Коммиссіей великое дѣло будетъ выполнено гораздо скорѣе, чѣмъ это предполагалось ранѣе, при образованіи Коммиссіи, когда трудно было предугадать и количество научныхъ работниковъ и самый ходъ работы. Въ настоящее же время Коммиссія, не смотря на сравнительно короткое время своей дѣятельности, въ виду полученныхъ на первыхъ же шагахъ этой дѣятельности данныхъ, выражаетъ твердую увѣренность въ благополучномъ окончаніи предпринятой ею задачи—изученія и изданія самой древней и важной основы славянскаго самосознанія и культурнаго единенія, славянской гордости въ прошломъ и надежды въ будущемъ—славянской Библіи, священнаго наслѣдія свв. Кирилла и Меѳодія.

Въ текущемъ году Коммиссія начинаетъ второй годъ своей дѣятельности. Открытіе Коммиссіи, послѣ предвари-

тельныхъ сношеній Преосвященнаго Ректора Академіи съ соотвѣтствующими лицами и учрежденіями, состоялось 28 января 1915 года. Открытію предшествовалъ молебенъ въ академическомъ храмѣ съ рѣчью Преосвященнаго Епископа Анастасія. Самое открытіе происходило въ актовомъ залѣ Академіи. Преосвященный Анастасій, послѣ привѣтственной рѣчи, огласилъ списокъ лицъ, изъявившихъ желаніе участвовать въ работахъ Коммиссіи; затѣмъ слѣдовала рѣчь проф. И. Е. Евсѣева, выяснявшая задачи и способы дѣйствія Коммиссіи; наконецъ, въ залѣ Совѣта Академіи участники Коммиссіи подписали учредительный актъ ея и избрали должностныхъ лицъ. На первомъ, затѣмъ, общемъ собраніи Коммиссіи, на другой день послѣ ея открытія, подвергнуты были обсужденію „положеніе" и руководственныя правила Коммиссіи, выработанъ общій планъ ея дѣятельности. Въ цѣляхъ взаимнаго обмѣна мыслей по дѣлу изданія, Коммиссія въ теченіе года имѣла четыре общихъ собранія и два собранія Исполнительнаго Комитета, вѣдающаго хозяйственными дѣлами и осуществленіемъ общей программы Коммиссіи. Общія собранія обычно сопровождались учеными докладами; такъ, проф. И. Е. Евсѣевымъ сдѣланы были доклады: „Библія Іоанна Грознаго" и „Сербскіе библейскіе переводы XIV—XV вѣковъ", а академикомъ В. Н. Перетцомъ: „Переводъ библейскихъ книгъ съ еврейскаго по виленской рукописи XVI вѣка".

Первый годъ своей дѣятельности Коммиссія закончила торжественнымъ собраніемъ, состоявшемся въ актовомъ залѣ Академіи, 31 января текущаго года. Прочитанный на этомъ собраніи отчетъ сообщаетъ о дѣятельности Коммиссіи свѣдѣнія такого рода.

Коммиссія является первымъ въ исторіи Императорской Петроградской Духовной Академіи ученымъ обществомъ. Задача ея состоитъ въ томъ, чтобы изучить и издать текстъ славянской Библіи во всѣхъ главныхъ ея историческихъ проявленіяхъ, или изводахъ, съ тѣмъ, чтобы при ихъ посредствѣ твердо установить первоначальный видъ древне-славянской Библіи до ея позднѣйшихъ измѣненій и наслоеній. Для выполненія этой задачи предстоитъ изучить всѣ рукописи библейскаго текста отъ XI до XVII вѣковъ, каковыхъ для книгъ Ветхаго Завѣта насчитывается свыше четырехъ тысячъ въ русскихъ и заграничныхъ библіотекахъ. Результаты

этого изученія должны вылиться въ ученыя изданія каждой книги славянской Библіи, съ параллельными столбцами отдѣльныхъ изводовъ, съ разночтеніями изъ отдѣльныхъ важнѣйшихъ списковъ каждаго извода. Вмѣстѣ съ тѣмъ, естественно, должна уясниться и исторія всей славянской Библіи.

За первый годъ своей дѣятельности Коммиссіи удалось сплотить значительную группу лицъ изъ профессоровъ духовныхъ академій, университетовъ и иныхъ ученыхъ, готовыхъ принести свои труды на дѣло научнаго возстановленія славянской Библіи. Годъ этотъ прошелъ, главнымъ образомъ, въ распредѣленіи между членами Коммиссіи и выполненіи подготовительныхъ работъ. Такъ въ видахъ предварительнаго сообщенія членамъ Коммиссіи и другимъ ученымъ древнихъ славянскихъ библейскихъ текстовъ, предпринятъ рядъ изданій отдѣльныхъ списковъ Библіи и библейскихъ книгъ: проф. И. Е. Евсѣевъ издаетъ древнѣйшій полный списокъ, такъ наз., Геннадіевской Библіи 1499 года (печатается въ Московской Синодальной типографіи); проф. Н. Л. Туницкій подготовилъ къ изданію и печатаетъ въ лаврской типографіи текстъ Малыхъ Пророковъ съ толкованіемъ по спискамъ Московской Дух. Академіи и Троице-Сергіевой лавры (изданіе это принято на счетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ); академикъ А. И. Соболевскій издаетъ (на средства Общества Любителей Древней Письменности) книги Царствъ по древнѣйшему списку Императорской Публичной Библіотеки отъ XIV вѣка (F. I № 461). Одновременно съ этимъ проф. И. Е. Евсѣевъ, при содѣйствіи Ѳ. А. Мартинсона, подготовляетъ къ изданію составленный имъ указатель всѣхъ славянскихъ библейскихъ списковъ. Нѣкоторые члены Коммиссіи взяли на себя обработку отдѣльныхъ книгъ для научнаго изданія: Ѳ. А. Мартинсонъ—книги Царствъ, проф. Г. А. Ильинскій—книгу Іова, проф. С. И. Смирновъ—кн. Руѳь, проф. В. Н. Бенешевичъ—кн. Числъ, проф. Н. Н. Дурново—кн. Пѣснь Пѣсней, Г. П. Георгіевскій—кн. Премудрости Соломона, Х. М. Лопаревъ—кн. Екклесіастъ, проф. Д. И. Абрамовичъ—кн. Судей. Почти всѣ работы въ истекшемъ году членами Коммиссіи производились безвозмездно, почему изъ суммы, отпущенной въ семъ году Св. Синодомъ въ распоряженіе Коммиссіи, въ размѣрѣ 5577 рублей, къ концу года осталось 5543 р. 53 к.

Первая годовщина Коммиссіи имѣла знаменательное совпаденіе съ столѣтней годовщиной Высочайшаго указа о переводѣ Библіи на русскій языкъ, въ виду чего на годовомъ собраніи Коммиссіи профессоромъ И. Е. Евсѣевымъ произнесена была рѣчь: „Столѣтіе русскаго перевода Библіи".

Русскій переводъ Библіи былъ начатъ учеными силами Императорской Петроградской (тогда Петербургской) Дух. Академіи, во главѣ съ ректоромъ ея, впослѣдствіи знаменитымъ митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ; въ осуществленіи этого перевода съ усердіемъ потрудились, главнымъ образомъ, ученыя силы этой же Академіи. Нынѣ новая, грандіозная по своей задачѣ, работа въ области Библіи начинается, имѣя во главѣ своихъ дѣятелей Ректора той же Академіи, Преосвященнаго Епископа Анастасія. Да послужитъ это къ новой славѣ Академіи; да снизойдетъ благословеніе Божіе на эту великую благую работу и да сохранитъ ее милость Господня отъ тѣхъ терній, коими усѣянъ путь русскаго перевода Библіи.

Проф.-свящ. **В. Зыковъ.**

Проводы студентовъ, призванныхъ въ ряды арміи.

Въ воскресенье, 13-го марта, Петроградская духовная академія напутствовала молитвой и сердечными пожеланіями здоровья, успѣха, бодрости душевной 23 студентовъ перваго курса, которые призваны уже въ ряды арміи и 15 марта распредѣлены по военнымъ училищамъ. Будущимъ служителямъ слова Божія на нивѣ Христовой нынѣ суждено стать воинами на ратномъ полѣ, и академія, разставаясь съ этими юнѣйшими своими питомцами, только недавно вступившими въ ея стѣны, молитъ Господа, чтобы Онъ благословилъ ее снова увидѣть ихъ подъ своимъ кровомъ здоровыми и бодрыми.

Послѣ божественной литургіи, преосвященный ректоръ, епископъ Анастасій, совершилъ, въ сослуженіи академическаго духовенства, напутственный молебенъ и передъ провозглашеніемъ многолѣтія обратился къ призваннымъ студентамъ со слѣдующимъ задушевнымъ словомъ—завѣтомъ.

„Возлюбленные братіе—милые питомцы наши, юные сѣятели слова Божія на нивѣ Христовой!

Господь судилъ вамъ теперь трудиться не на нивѣ Божіей, а идти на поле брани, чтобы въ ратномъ бою сра-

жаться съ врагомъ за нашу вѣру святую, православную, Царя благочестиваго и дорогую Родину. Да будетъ благословенно ваше благополучіе въ этомъ вашемъ святомъ послушаніи!

Вамъ предстоитъ быть, нужно сказать, въ самомъ горнилѣ человѣческихъ страданій: вы будете видѣть смерть лицомъ къ лицу, вы увидите всѣ страшныя мученія тяжелораненныхъ, даже до болѣзненныхъ терзаній умирающихъ на полѣ сраженій, вы услышите ихъ предсмерные вопли и страшные стоны, вамъ самимъ, можетъ быть, нужно будетъ быть уже готовыми къ перенесенію всего этого...

Боже, какъ это тяжко и ужасно, особенно при непомѣрной жестокости нашего врага!

Умъ человѣческій содрогается, сердце леденѣетъ и судорожно сжимается при одной уже мысли о жгучей боли тяжкихъ страданій и ужасовъ, при мысли о возможности всего этого и для васъ, милые юноши, и какъ-то невольно вырывается страшный вопросъ: да для чего же все это?

Но вотъ, возлюбленніи,—въ человѣкѣ есть одно высокое чувство, которое всему этому ужасу, страданіямъ и даже смерти въ ратномъ бою сообщаетъ святой смыслъ. Это—дивная любовь къ ближнему. Она заставляетъ людей идти на высокія муки и печали. Съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства такъ страдали за Христа, даже до смерти, св. мученики. Исполняя святую заповѣдь Божественнаго Учителя, Господа нашего Іисуса Христа—*больше сея любве никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоанна 15, 13), идутъ на поле брани, страдаютъ и, въ сознаніи исполненія святого своего долга, храбро умираютъ и теперь—нашихъ дней святые мученики—христолюбивые воины наши.

Это сознаніе святого долга да будетъ благословенно и въ васъ, будущіе воины, возлюбленные питомцы наши. Онъ вамъ поможетъ переносить страданія. Онъ васъ содѣлаетъ и побѣдителями зла, къ торжеству правды Божіей, мира, любви Христовой на землѣ.

Братцы, въ скорбяхъ и печаляхъ не унывайте! Св. Крестъ Христовъ, который отъ меня, грѣшнаго, лежитъ на вашихъ доблестныхъ персяхъ, да будетъ вамъ охраной и моимъ благословеніемъ вамъ. А ваша духовная мать—святая Петроградская Академія, отпуская васъ на святые подвиги, душевно осѣняетъ каждаго изъ васъ этими святыми иконами

и будетъ бережно хранить ваши дорогія имена въ горячо любящемъ всѣхъ васъ материнскомъ сердцѣ своемъ, молясь Господу: спаси, сохрани и помилуй, Боже, всѣхъ васъ и огради силою честнаго и животворящаго Креста и молитвами святыхъ Твоихъ васъ отъ всѣхъ бѣдъ, скорбей и несчастій! Аминь".

Затѣмъ владыка, ранѣе благословившій отъ своего имени каждаго изъ призванныхъ студентовъ крестикомъ, теперь благословилъ ихъ отъ имени академіи небольшими образками.

Изъ храма профессора и призванные студенты перешли въ профессорскую комнату и тамъ за стаканомъ чая въ задушевной бесѣдѣ долго говорили о томъ, къ чему вотъ уже второй годъ на исходѣ прикована мысль не только всей Россіи, но и всего міра. Какъ разъ въ этотъ день на имя преосв. Анастасія пришло письмо съ боевыхъ позицій отъ студента IV курса С. Никольскаго, который теперь уже въ чинѣ подпоручика, награжденный георгіевскимъ оружіемъ за храбрость, командуетъ ротой. Прочли это бодрое письмо, а затѣмъ вспомнили и другихъ питомцевъ, которые добровольцами пошли въ ряды арміи. Вспомнили Александра Васильевича Зубора, помощника библіотекаря академіи, три раза раненаго и, наконецъ, смертью храбрыхъ запечатлѣвшаго свой жизненный путь.

Новыя книги.

Бѣликовъ Д. Н., прот. Жизненность религіи. (Неизгладимость религіозной потребности). Публичныя чтенія. Птгр. 1916. Стр. 110. Ц. 40 коп.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Вып. 8. 9. 10. 15. М. 1916.

Обозрѣніе трудовъ по славяновѣдѣнію, подъ ред. В. Н. Бенешевича. Вып. II (до 1 января 1914 г.). Птгр. 1916. Стр. 305—433. Ц. 1 р.

Пушкинистъ. Историко-литературный сборникъ подъ ред. С. А. Венгерова. Птгр. 1916. Стр. VI+292. Ц. 1 р. 75 к.

Тихомировъ Т. С., свящ. На приходѣ. Священническая энциклопедія по всѣмъ сторонамъ пастырской дѣятельности съ вводными статьями теоретическаго характера. Т. I и II. М. 1915. Стр. 452+584 Ц. 5 р.

Четыркинъ В. В., Апокалипсисъ св. Апостола Іоанна Богослова. Исагогическое изслѣдованіе. Птгр. 1916. Стр. XVII+514. Ц. 4 р.

Христоматія по славянскимъ древностямъ. Вѣрованія. Семинарій проф. А. И. Яцимирскаго. Ростовъ н/Д. 1916. Стр. 96.

Авторы и издатели, желающіе, чтобы о вновь выходящихъ книгахъ помѣщено было въ „Христіанскомъ Чтеніи“ сообщеніе или отзывъ, благоволятъ присылать въ редакцію журнала (Невскій проспектъ, д. 182, кв. 10) по одному экземпляру каждой книги.

Поименованныя книги въ конторѣ журнала не продаются, и контора не принимаетъ на себя комиссіи по пріобрѣтенію ихъ въ книжныхъ магазинахъ.

СОДЕРЖАНІЕ БОГОСЛОВСКИХЪ АКАДЕМИЧЕСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ:

БОГОСЛОВСКАГО ВѢСТНИКА.

ФЕВРАЛЬ 1916 г.

Св. Максима Исповѣдника. Вопросоотвѣты къ Ѳалассію. Переводъ *С. Л. Епифановича.*

Стихотвореніе. *Діакона С. М. Соловьева.*

Древо знанія и древо жизни. *С. С. Глаголева*

Годы студенчества. (1870—1874). *В. А. Соколова.*

Отношеніе къ старообрядцамъ свѣтскаго правительства въ царствованіе Императора Петра III. *Н. Г. Высоцкаго.*

Профессоръ Московской Духовной Академіи П. С. Казанскій и его переписка съ Архіепископомъ Костромскимъ Платономъ. Сообщилъ *Прот. А. А. Бѣляевъ.*

Къ біографіи Протоіерея Н И. Надеждина. Сообщилъ *Священникъ П. А. Флоренскій.*

Праздникъ въ китайскомъ захолустьи. *Священника Михаила Танъ.*

Критика: I. Антоній митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій. Изданіе Высочайше утвержденнаго О-ва распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви. 1915. *Н. А. Заозерскаго.*—II. Г. Когенъ. Эстетика чистаго чувства. (System der Philosophie. Dritter Theil. Äshetik des reinen Gefühls von H. Cohen. Zwei Bände; Berlin 1912). *С. А. Голованенко.*—III. Письма И. С. Тургенева къ графинѣ Е. Е. Ламбертъ. *А. А. Александрова.*

Содержаніе богословскихъ академическихъ журналовъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію „Богословскаго Вѣстника“.

Объявленія.

Изъ лекцій по Священному Писанію Ветхаго Завѣта, читанныхъ доцентомъ Московской Духовной Академіи *А. А. Ждановымъ.* Подъ редакціей *Іеромонаха Варѳоломея.*

Журналы собраній Совѣта Императорской Московской Духовной Академіи за 1915 г.

Отчетъ о состояніи Братства Преподобнаго Сергія для вспомоществованія нуждающимся и бывшимъ воспитанникамъ Императорской Московской Духовной Академіи за 1914 годъ.

ТРУДОВЪ
ИМПЕРАТОРСКОЙ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ФЕВРАЛЬ—МАРТЪ 1916 г.

Въ приложеніи:

26 марта 1916 года. Печатать дозволяется. Ректоръ Императорской Петроградской Духовной Академіи, Епископъ *Анастасій.*

Редакторъ, профессоръ Императорской Петроградской Духовной Академіи *Николай Сагарда.*